

Litung.

Pisma

1441 1

4.1.31.

815

D 2 $\frac{8}{22}$

7509/12

ШИСЬМА

О

БОГОСЛУЖЕНІИ

ВОСТОЧНОЙ

КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Изданіе третіе.

С. П. Б.

Въ типографіи III. Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи.

1839.

Р. н. 5176

Отъ С. Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго
Комитета печатать позволяется.

Октября 10 дня 1839 года.

Цензоръ Академіи Баккалавръ Соборный
Иеромонахъ Евсевій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Книга I. О литургіи и всенощной	1
Письмо I. Предисловіе	3
„ — „ II. О литургіи въ древности	7
„ — „ III. Литургія оглашенныхъ	15
„ — „ IV. Литургія вѣрныхъ .	30
„ — „ V. Вечерня	44
„ — „ VI. Утреня	56
„ — „ VII. Преждеосвященная Литургія	71
Книга II. О великомъ постѣ и Пасхѣ	85
Письмо I. Вступленіе о постѣ	87
„ — „ II. О трехъ недѣляхъ до поста	95
„ — „ III. О первой недѣлѣ поста	113
„ — „ IV. О пяти среднихъ недѣляхъ	132
„ — „ V. О первыхъ дняхъ страстной недѣли .	145

Глава VI. О...	161
Глава VII. О...	171
Глава VIII. О...	181
Глава IX. О...	191
Глава X. О...	201
Глава XI. О...	211
Глава XII. О...	221
Глава XIII. О...	231
Глава XIV. О...	241
Глава XV. О...	251
Глава XVI. О...	261
Глава XVII. О...	271
Глава XVIII. О...	281

О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ

Глава I. О...	311
Глава II. О...	321
Глава III. О...	331
Глава IV. О...	341
Глава V. О...	351
Глава VI. О...	361
Глава VII. О...	371
Глава VIII. О...	381
Глава IX. О...	391
Глава X. О...	401
Глава XI. О...	411
Глава XII. О...	421
Глава XIII. О...	431
Глава XIV. О...	441
Глава XV. О...	451
Глава XVI. О...	461
Глава XVII. О...	471
Глава XVIII. О...	481
Глава XIX. О...	491
Глава XX. О...	501

ПИСЬМО I.

Тебя удивить письмо мое, любезный другъ, потому что содержаніе его совершенно отлично отъ тѣхъ, какія ты привыкъ получать. Ты еще болѣе удивишься, если узнаешь, что это только начатокъ писемъ, которыя всѣ будутъ говорить о томъ же предметъ: о таинственныхъ обрядахъ святой нашей Церкви. Но, можетъ быть, ты спросишь: что побудило меня коснуться въ письмахъ столь важнаго предмета? — Помнишь ли наши прогулки въ окрестностяхъ твоей деревни, гдѣ мы часто посѣщали для молитвы сосѣднюю обитель Св. Іосифа Волоколамскаго? помнишь ли нашу пріятную поѣздку въ Москву, когда дорогою мы остановились от-

слушать торжественную литургію въ день Успѣнія, въ знаменитомъ монастырѣ Новаго Іерусалима, и сравнивали его чудныя зданія съ древнимъ образцемъ храма Св. Гроба? и наконецъ въ самой столицѣ, помнишь ли всеобщее ангельское пѣніе иноковъ Донской обители? — Ты скажешь: помню, а я прибавлю: не смотря на торжественность служенія, на согласіе хоровъ, я замѣчалъ въ тебѣ усталость преждевременную, и она была болѣе нравственная, нежели физическая. Наружное величіе обрядовъ, безъ ихъ внутренняго, глубокаго смысла, не могло занимать тебя: чтеніе же маловнятное и совершенно тебѣ неизвѣстное, хотя и прерывалось иногда гармоническимъ пѣніемъ, но невольно продолжало для тебя всеобщую, ибо ты не зналъ ея настоящаго хода; а незнакомый путь во мракъ кажется намъ всегда безконечнымъ. Между тѣмъ я также замѣтилъ, что всякій разъ, когда до твоего слуха доходила знакомая молитва, ты съ благоговѣніемъ ей предавался, и это мнѣ подало благую мысль объяснить тебѣ, по мѣрѣ слабыхъ силъ

моихъ, тѣ мѣста краснорѣчиваго и трогательнаго служенія нашей православной Церкви, съ которыми ты менѣе моего имѣлъ случай познакомиться. Не ожидай однакоже многого отъ собственной моей неопытности въ дѣлѣ, требующемъ духовныхъ познаній. Безполезно даже и предостерегать тебя, ибо ты довольно знаешь, сколь поверхностны мои свѣдѣнія: но это самое даетъ мнѣ смѣлость говорить съ тобою откровенно о предметѣ близкомъ моему сердцу. Быть можетъ, если бы ты подозрѣвалъ во мнѣ болѣе духовнаго знанія, ты избѣжалъ бы меня, какъ скучнаго учителя; но ты не станешь уклоняться друга, во всемъ тебѣ равнаго, котораго уста говорятъ только отъ избытка сердца.

И такъ я прошу у тебя не столько вниманія сколько снисхожденія; не лѣзя много взыскивать тамъ, гдѣ мало общаются. Правда я виноватъ тѣмъ, что самъ добровольно вызвался, но вникни, какое чувство мною управляло, самонадѣянность или любовь? — и если любовь, то прими слова мои съ такою же любовію. Можетъ

быть при чтеніи сихъ писемъ прояснится
въ твоей душѣ хотя одна темная мысль,
и ты посвятишь молитвѣ еще одно лиш-
нее мгновеніе: тогда вполнѣ вознаградится
трудъ мой, особенно, если въ сію молитву
включишь ты нѣсколько словъ и о ду-
шевномъ спасеніи преданнаго тебѣ друга.

ПИСЬМО II.

Ты принялъ благосклонно первое письмо мое, любезный другъ, и я рѣшаюсь продолжать, въ надеждѣ на благое начало. О чемъ же прежде всего стану бѣсѣдовать съ тобою, если не о божественной литургіи, которую мы столь часто слушали вмѣстѣ и конечно молясь другъ за друга?— Но хотя я и слегка только намѣренъ коснуться сего высокаго предмета, однакоже невольно робѣю, чувствуя что избралъ себѣ трудъ не по силамъ. Одна только мысль меня поддерживаетъ и побуждаетъ писать: какъ ни слабо будетъ сіе письмо, ты прочтешь его по любви ко мнѣ, между тѣмъ какъ не будешь имѣть довольно терпѣнія и времени, чтобы вникнуть въ драгоцен-

ныя писанія святыхъ Отцевъ о литургіи; сомнѣваюсь даже, чтобы ты рѣшился прочесть объясненія Дмитревскаго, или Пресвященнаго Веніамина въ новой скрижали, и такимъ образомъ, по твоей собственной винѣ, вмѣсто всѣхъ сихъ сокровищъ, предлагаю тебѣ мое убожество.

Я увѣренъ, что тебѣ часто казался непонятнымъ или произвольнымъ, ходъ торжественныхъ обрядовъ нашей литургіи, которая, какъ нѣкое духовное зрѣлище, совершается на возвышенномъ мѣстѣ предъ лицомъ Христіанъ; въ особенности, на тебѣ должна была производить подобное впечатлѣніе обѣдня, совершаемая безъ полного благолѣпія въ селахъ, гдѣ внѣшній взоръ и слухъ менѣе могутъ имѣть удовлетворенія, при недостаткѣ разумнаго вниманія къ молитвамъ. Но сіе неблагопріятное чувство можетъ случиться и во время великолѣпнѣйшаго служенія архіерейскаго, если ты въ мысляхъ своихъ разорвешь цѣпь соединяющую нынѣшнюю обѣдню съ первоначальнымъ ея установленіемъ отъ самаго Спасителя, — цѣпь постепеннаго обра-

зованія ея подробностей, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, по вдохновенію Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ. Они то узаконили неизмѣнными обрядами свободное вначалѣ, словомъ и дѣйствіемъ, представленіе и какъ бы повтореніе тайной вечери Христовой, и таинственно изобразили всю его жизнь теченіемъ одной божественной литургіи.

Въ первыя времена Христіанства всѣ вѣрные, составлявшіе изъ себя Церковь, собирались въ особую храмину, опредѣленную для общихъ молитвъ и тайнодѣйствія, и приносили съ собою, смотря по своему достатку, хлѣбъ и вино, для совершенія таинства тѣла и крови Христовыхъ и для общей трапезы любви, въ которой бѣдные довольствовались обильными приношеніями богатыхъ. Епископъ или Пресвитеръ, иногда самъ, а иногда чрезъ Діаконовъ, то есть служителей церкви, принималъ сіи приношенія, просфоры (по Гречески), и онѣ полагаемы были въ особомъ мѣстѣ приготовленія, что нынѣ жертвенникъ, который бываетъ въ большихъ храмахъ отдѣленъ отъ алтаря. Тамъ Пресви-

теръ избиралъ и приготавливалъ одинъ хлѣбъ собственно для таинства ; а дабы и прочіе приносители и приношенія равномерно были приняты и представлены Христу въ молитвѣ и тайнодѣйствіи, — изъ cadaго хлѣба частица полагаема была къ хлѣбу избранному для таинства, въ память приносителя или усопшихъ : самый же хлѣбъ оставался для трапезы любви. И теперь, то же самое повторяетъ у жертвенника Священникъ, приготавливая для священнодѣйствія хлѣбъ, называемый агнецъ, — именемъ заимствованнымъ отъ Агнца Пасхальнаго, и вынимая изъ прочихъ просфоръ части, въ честь и память Богоматери и всѣхъ Святыхъ и въ жертву за живыхъ и мертвыхъ, что составляетъ первую часть обѣдни — проскомидію, иначе приготовленіе.

Потомъ священнодѣйствующій, одинъ или съ помощію Діакона, призывалъ вѣрныхъ къ молитвѣ, и молился во услышаніе всѣхъ о благахъ временныхъ и вѣчныхъ ; слѣдовало пѣніе псалмовъ, чтеніе книгъ Пророческихъ и посланій Апостольскихъ. Тогда Діаконы приносили изъ хра-

нилища святое Евангеліе на средину церкви, и изъ сего-то хожденія образовался нынѣшній малый входъ съ Евангеліемъ, знаменующій вмѣстѣ и открытіе проповѣди Христовой, когда самъ онъ явился послѣ пригласительной проповѣди послѣдняго предъ нимъ Пророка Іоанна Крестителя. Евангелію слѣдовали толкованіе слова Божія и молитвы о кающихся и тѣхъ, которые только были еще оглашены первоначальнымъ ученіемъ вѣры, но не просвѣщены крещеніемъ. Ихъ удаленіемъ оканчивалась и оканчивается нынѣ вторая часть обѣдни, называемая литургіею оглашенныхъ.

Третіе отдѣленіе, — литургія вѣрныхъ, начиналась двумя краткими молитвами и третіею безмолвною. Такъ и теперь, кромѣ того, что третія тайная молитва священнодѣйствующаго, для предстоящихъ, закрыта пѣніемъ такъ называемой херувимской пѣсни. Въ сіе время священнослужителямъ нужно было идти за приготовленными дарами въ мѣсто ихъ приготовленія, чтобы принести оныя на

св. трапезу, гдѣ долженствовало совершиться тайнодѣйствіе, — и вотъ основаніе другаго великаго входа со св. дарами, который ты теперь видишь въ православной Церкви, съ великолѣпіемъ подобающимъ святынѣ; ибо сіе таинственное перенесеніе воспоминаетъ также и вольное шествіе Спасителя на искупительное страданіе. Теперь престолъ Христа Царя становится вмѣстѣ его крестнымъ жертвенникомъ и гробомъ живоноснымъ; возвышенность алтаря представляетъ Голгоѳу. Въ древнія времена, сіе таинственное зрѣлище открыто было для всѣхъ вѣрныхъ, потому что всѣ или почти всѣ приступали къ причащенію святыхъ таинъ. По времени оно закрыто преградою и завѣсою отъ тѣхъ, которые сами признали себя недостойными быть причастниками; впрочемъ и донынѣ, какъ въ первые вѣка, въ нѣкоторыхъ церквахъ Палестинскихъ, престолъ остается открытымъ.

По освященіи даровъ и пріобщеніи Пресвитеровъ и народа возносились общія благодаренія Богу за его щедроты, и вѣрные совокуплялись на братолюбную тра-

пезу, въ части храма, которой она и оставила свое названіе. Въ послѣдствіи, по вкравшимся злоупотребленіямъ, трапеза любви уничтожена, но память сей первобытной вечери, или общественнаго обѣда вѣрныхъ, сохранилась въ самомъ словѣ: обѣдня. Такъ совершалось сіе служеніе въ древности.

Нѣкоторыя подробности литургіи измѣнялись по мѣстамъ и временамъ, но сущность ея никогда; намъ еще сохранилось нѣсколько особыхъ чиноположеній литургіи временъ Апостольскихъ, совершенно сходствующихъ между собою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ, которыя произносились были по особенному вдохновенію великихъ священнодѣйствователей. Литургія Апостола Іакова, перваго Епископа Іерусалимскаго, весьма продолжительная, и теперь еще поется въ день его памяти въ Іерусалимѣ. Въ четвертомъ столѣтіи, святой Василій великій, Архіепископъ Кесаріи, снисходя къ немощи человѣческой, сократилъ ее отчасти, и въ такомъ порядкѣ совершается она въ воскресные дни

великаго поста и нѣкоторые другіе праздники. Не много лѣтъ спустя, Св. Іоаннъ Златоустъ, Архіепископъ Царяграда, еще нѣсколько сократилъ службу Св. Вассилія, и обѣдня его осталась повседневною, ибо послѣ сего великаго Іерарха никакая рука не дерзала и не дерзнетъ къ ней прикоснуться, а совершенство молитвъ ея достигло высшей степени, какая только доступна человѣчеству.

ПИСЬМО III.

Въ началѣ я кратко говорилъ о древнемъ образованіи литургіи; теперь прошу тебя быть внимательнымъ къ порядку, въ какомъ ее видимъ нынѣ. Я не буду входить во всѣ подробности священнодѣйствія, и особенно въ тѣ, кои доступны только участвующему въ служеніи, но коснусь только молитвъ и обрядовъ, которые болѣе открыты вниманію всякаго предстоящаго и опишу тебѣ служеніе архіерейское, чтобы ты имѣлъ ясное понятіе о полнотѣ литургіи.

Первое приготовленіе Архіерея къ священнодѣйствію есть тихая молитва предъ вратами алтаря, затворенными вначалѣ и закрытыми завѣсою для самаго Святителя, въ знакъ того что таинства вѣры закрыты для обыкновеннаго человѣка, доколѣ по молитвѣ не отверзетъ ихъ благодать.

Потомъ является онъ среди церкви и народа, на возвышенномъ мѣстѣ, потому что служеніе его должно быть видимо всей церкви для ея назиданія, но въ одеждѣ простой, обыкновенной, напоминая тѣмъ неузнанное вначалѣ явленіе Христова въ смиренной одеждѣ человѣчества. Какъ однакоже Святитель въ священнодѣйствіи долженъ представлять не только ближайшаго служителя Христова, но частію и образъ самаго Христа : то ему нужно для сего облещись въ Хриstopодражательныя свойства и добродѣтели. Сіе знаменуется облаченіемъ въ священныя одежды, которыя приносятъ ему Діаконы изъ алтаря, какъ Ангелы изъ невидимыхъ хранилищъ благодати, и которыми облачаютъ его какъ знаменіями : а между тѣмъ другіе Діаконы возглашаютъ таинственное значеніе каждой изъ сихъ одеждъ.

Употребленіе священныхъ одѣяній относится къ первымъ временамъ Христіанства. Священнодѣйствующіе всегда облакались особенною утварію, чтобы предстать чистыми и благолѣпными на служе-

ніе Божіе. Нѣкоторые изъ Епископовъ надѣвали, въ память Апостоловъ, фелонь Павлову и ризу Евангелиста Іоанна и, по примѣру его и Апостола Іакова, вѣнчались митрою Первосвященниковъ Іудейскихъ. Другимъ устраивали священныя одежды благочестивые Цари, и такимъ образомъ составилось полное облаченіе Святителя.

Сперва надѣваютъ на него стихарь, одежду Левитовъ и Діаконовъ, обыкновенно бѣлую, въ знаменіе чистоты и веселія духовнаго. За тѣмъ слѣдуетъ эпитрахиль: знаменіе ига Христова и благодати, изливающейся во священствѣ; по сему значенію, одинъ и тотъ же знакъ приспособляется ко всѣмъ степенямъ священства. Если онъ лежитъ на одномъ плечѣ: это есть начало и нѣкоторая лишь доля ига Христова, служебная діаконская степень священства, и тогда знакъ сей получаетъ названіе ораря, отъ латинскаго слова *orare*, молиться, потому что имъ діаконъ подаетъ знакъ къ молитвѣ. Если тотъ же знакъ, подъ именемъ эпитрахили, обложенъ кругомъ шеи по обоимъ плечамъ:

это есть болѣе прямое вступленіе подъ иго Христова, — священнодѣйственная степень Пресвитера. Эпитрахиль присвоится и Епископу, потому что въ сей высшей степени священства заключается и пресвитерская благодать. — Далѣе слѣдуютъ : поясъ, знаменіе силы и готовности къ служенію, поручи, память узъ Христовыхъ, дающія свободу священнодѣйствовать, и наколенникъ, привѣшенный на бедръ, по подобію меча, для напоминанія, что духовный подвижникъ долженъ быть вооруженъ глаголомъ Божіимъ и въ память того лентіона, которымъ Господь смиренно отеръ ноги своимъ ученикамъ. Верхняя риза или фелонь Іерея, изображающая багряную хламиду поруганнаго Христа, замѣняется по древнему обычаю у старѣйшаго, а нынѣ и у всякаго Архіерея, саккосомъ, который по происхожденію есть или одна изъ одеждъ Еврейскаго Первосвященника, или царскій далматикъ, даръ Императоровъ Византійскихъ Патріархамъ; смиреніе Іерарховъ переименовало его саккосомъ, то есть вретischemъ покая-

нія. Но существенный знак архіерейства есть омофоръ, нарамникъ, знаменующій не только иго Христово, воспріемлемое служителемъ Христовымъ, но также иго, которое воспріялъ на себя самъ Христосъ, то есть естество человѣческое, которое Онъ, какъ благій Пастырь заблудшую овцу, подъялъ на рамена свои и принесъ въ домъ Отца небеснаго. По сему то высокому значенію омофоръ налагается, когда Архіерей священнодѣйствуетъ и представляетъ образъ Христа, и снимается, когда онъ представляетъ только раба и служителя Христова, подобно прочимъ. Какъ послѣдователь его заповѣди, онъ пріемлетъ на перси крестъ, и дабы помнилъ что долженъ имѣть въ сердцѣ, ему полагаютъ на сердце панагію, т. е. образъ всесвѣтой Богородицы или самаго Иисуса Христа; наконецъ вѣнчаютъ митрою, какъ духовнаго владыку въ своей церкви. Орлы подстилаются подъ ноги архіерейскія, для указанія ему высшренняго стремленія горѣ, и въ знакъ паденія орловъ Римскихъ къ подножію креста, ибо много было

предъ сими орлами пролито крови Мучениковъ, когда не хотѣли они присягать по языческому обряду. Въ руки ему подають свѣщники съ тремя и двумя свѣчами, трикирій и дикирій, въ знаменіе свѣта Троицы и свѣта двоякаго естества Спасителя, Божескаго и человѣческаго; съ ними осѣняетъ онъ народъ, осѣненіемъ Св. Духа, и лики привѣтствуютъ его по Гречески: «многія лѣта, Владыко!» а первый Діаконъ напоминаетъ ему долгъ его званія Евангельскими словами: «такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ твой предъ челоуѣки, яко да видятъ добрая дѣла твоя и прославятъ Отца, иже на небесѣхъ.»

Чѣмъ дѣятельнѣе и совершеннѣе облачается челоуѣкъ въ духовныя свойства и добродѣтели, по заповѣдямъ и примѣру Христа, тѣмъ скорѣе отверзаются ему двери благодатныхъ таинствъ; — вотъ мысль, которая въ архіерейскомъ служеніи выражается тѣмъ, что когда Святитель облаченъ и готовъ къ литургіи, тогда царскія врата алтаря отверзаются при самомъ ея началѣ.

По прочтеніи часовъ приступаютъ Діа-

коны къ Епископу, тихо напоминая, что «время сотворити Господеви», и просятъ благословенія на свое служеніе при литургіи. Тогда первенствующій изъ нихъ торжественно требуетъ благословенія къ священнодѣйствию, и литургія начинается благословеніемъ царства пресвятыя Троицы, которое возглашаетъ старшій Пресвитеръ при тайной молитвѣ Епископа, подобно тому, какъ Праотцы и Пророки возвѣщали славу Божію и благодать Христову, прежде нежели самъ Христосъ открылъ дѣло спасенія рода человѣческаго. Великая эктенія, или протяженная молитва, заключаетъ въ себѣ все, о чемъ должны мы благоразумно просить для нашей жизни, начиная съ вышняго мира и спасенія душъ нашихъ и заключая совершенною преданностію самихъ себя и другъ друга и всей нашей жизни Христу Богу, при заступленіи пречистой Дѣвы и всѣхъ Святыхъ. Что можетъ быть трогательнѣе молитвы о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, и о спасеніи ихъ? Здѣсь не укрылось ни

одно бѣдствіе чловѣчества отъ милосердаго ока Церкви; далѣе, и невидимый міръ участвуетъ въ ея всеобъемлющей любви, когда она молить о всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. На приглашенія Діакона къ молитвѣ отвѣчаетъ хоръ въ лицѣ народа; Пресвитеръ же, слѣдуя тайною молитвою за словами Діакона, возглашаетъ всегда на концѣ эктении хвалу Тріединому Богу.

Между великою и двумя малыми эктениями поются на оба хора антифоны, то есть попеременные пѣснопѣнія, составленные частию изъ цѣлыхъ псалмовъ, частию изъ стиховъ избранныхъ, относящихся къ празднеству дня. Сей родъ пѣнія установленъ святымъ Игнатіемъ, Епископомъ Антіохійскимъ, котораго благословилъ Спаситель въ числѣ приведенныхъ къ нему младенцевъ. Тайнственное видѣніе Ангеловъ, возглашавшихъ другъ другу славу Божію, внушило мысль сію Игнатію: онъ передалъ ее Церкви, а въ шестомъ вѣкѣ, Императоръ Юстиніанъ при-

несъ ей благоговѣйно въ даръ высокій гимнъ свой, во славу едиnorodнаго Сына Божія; гимнъ сей поставленъ на концѣ антифоновъ, чтобы пѣснію о воплощеніи запечатлѣть истину пророческихъ вдохновеній.

Тогда начинается торжественный ходъ съ Евангеліемъ, знаменующій, какъ я уже говорилъ тебѣ, открытую проповѣдь Христову послѣ крещенія. Епископъ встаетъ съ своей кафедры и тайною молитвою готовится ко входу въ алтарь. Діаконъ возвышаетъ Евангеліе и восклицаніемъ: «премудрость!» подаетъ мысль о премудрости, заключающейся въ Евангеліи, а вторымъ восклицаніемъ: «прѣсти!» предостерегаетъ, чтобы по важности времени священнослуженія, всѣ стояли въ прямомъ благоговѣйномъ положеніи и никто не оставался или сидящимъ или небрежно опершимся. Епископъ, созерцая въ Евангеліи присутствіе самаго Христа, и подражая Іоанну Предтечѣ, который, увидя грядущаго Спасителя, воскликнулъ: «се Агнецъ Божій вземлай грѣхъ міра!» первый призываетъ вѣрныхъ къ поклоненію сими словами:

«пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу; спаси насъ Сыне Божій!»

Ближайшее дѣйствіе молитвы есть духовный свѣтъ въ душѣ и потому вслѣдъ за сею молитвою, Архіерей осѣняетъ вѣрныхъ свѣтильниками, какъ бы божественнымъ свѣтомъ, и окруженный сослужащими, вступаетъ въ алтарь. Между тѣмъ какъ молитва: «спаси насъ Сыне Божій», переходитъ изъ середины храма на клиросъ, а отсюда во внутренность алтаря, онъ принимаетъ кадило, и благоуханіемъ ѳиміама во первыхъ воздаетъ честь престолу Христову, потомъ кадитъ церковь, изображая тѣмъ дѣйствіе глубокой внутренней молитвы, — усладительное вѣяніе Святаго Духа. Въ отвѣтъ на кажденіе церковь привѣтствуетъ Святителя желаніемъ многихъ лѣтъ, по обычаю на Греческомъ языкѣ, и онъ вслѣдъ за тѣмъ взаимно привѣтствуетъ желаніемъ многихъ лѣтъ всю церковь, начиная съ благочестивѣйшаго Императора, которое Діаконъ и Клиръ возглашаютъ, а онъ запечатлѣваетъ осѣненіемъ рукъ.

Послѣ сего, вновь приступаетъ Архіерей къ молитвѣ, еще болѣе внутренней, потому что она начинается въ алтарѣ, у самаго престола Христова, и отсюда переходитъ въ церковь,—еще болѣе возвышенной, потому что она относится непосредственно къ пресвятой Троицѣ. Святитель, въ первый разъ возглашаетъ самъ, прославляя святость Божію; «яко святъ еси Боже нашъ, и тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно» и поспѣшая возвратиться къ своей тайной молитвѣ, не оканчиваетъ славословія и предоставляетъ, въ знакъ единства, довершить оное Діакону, обращенному къ церкви, восклицаніемъ: «и во вѣки вѣковъ!»

Молитва трисвятому Богу, возглашаемая на клиросѣ и въ алтарѣ, въ свою чреду сопровождается свѣтомъ свѣтильниковъ, и поелику свѣтъ сей изходитъ изъ алтаря, онъ становится уже знаменательнѣе нежели тотъ, который прежде являлся среди церкви. Архіерей беретъ дикирій, и крестообразно касается онымъ лежащаго на престолѣ Евангелія, какъ ис-

точника свѣта; потомъ обращается къ народу, и держа въ одной рукѣ свѣтильникъ, а въ другой крестъ, осѣняетъ съ амвона всю церковь крестообразно, на западъ, на полдень, на сѣверъ и на востокъ, съ сими трогательными словами: «призри съ небеси Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей и утверди ѿ, его же насади десница твоя;» а церковь видитъ въ семъ осѣненіи не только двойственный свѣтъ дикирія, знаменіе двойной природы Христовой, но и спасительную цѣль его воплощенія — крестъ. Когда же Архіерей возвращается въ алтарь, уже не только къ престолу, но далѣе къ востоку на горнее мѣсто: то взявъ трикирій, изъ сей болѣе глубокой внутренности святилища, осѣняетъ еще разъ тройнымъ свѣтомъ Божества, живущаго во свѣтѣ неприступномъ.

Потомъ начинается чтеніе посланій Апостольскихъ, во время коего Епископъ сидитъ на горнемъ мѣстѣ, какъ преемникъ Апостоловъ, по сторонамъ же его сидятъ Пресвитеры, въ качествѣ сослужителей. Но предъ тѣмъ, онъ отдаетъ съ себя омофоръ, дабы сей

знакъ, нѣкоторымъ образомъ Христовъ, сопутствовалъ Евангелію Спасителя, когда оно будетъ читаться, и дабы въ то время представить себя смиренно стоящимъ на равнѣ съ прочими учениками слова Божія.—Во время эктеніи, такъ называемой сугубой, потому что въ ней усугубляется или, точнѣе сказать, утраивается воззваніе: «Господи помилуй» Архіерей становится опять предъ престоломъ, и расprostираетъ на немъ антиминсъ, шелковый платъ съ изображеніемъ погребенія Христова: Онъ названъ антиминомъ или вмѣстопрестоліемъ потому что, по первоначальному обычаю Церкви, престолъ храма долженъ быть освящаемъ Епископомъ: но какъ это не всегда возможно, то Епископъ совершаетъ освященіе, вмѣсто самага престола, надъ антиминомъ, а его торжественнымъ внесеніемъ въ алтарь и возложеніемъ на престолъ довершается освященіе храма. Древнее же обыкновеніе созидать церкви на гробахъ мучениковъ и мощи мученическія полагать въ церквахъ, продолжается и теперь, ибо въ каждый антимиנסъ, при

освященіи его, полагается частица святыхъ мощей.

Послѣ сугубыхъ молитвъ, Діаконъ приглашаетъ вѣрныхъ помолиться объ оглашенныхъ, дабы Господь открылъ имъ Евангеліе правды и соединилъ съ своею Церковію и, по молитвъ архіерейской надъ ихъ преклоненными главами, посылаетъ ихъ вонъ изъ храма. Ты можетъ быть скажешь: за чѣмъ теперь обрядъ сей почти тщетный, когда уже нѣтъ разряда оглашенныхъ готовящихся ко св. крещенію, потому что всѣ окрещены съ младенчества, а разрядъ кающихся и отлученныхъ отъ таинствъ большею частию не примѣтенъ въ церкви? — Подумай однакоже сколько есть между нами такихъ, которые только оглашены вѣрою Христовою, но не вѣрують, призваны ко спасенію и не идутъ; тщетно старается Церковь умягчить ихъ сердце молитвою, пронзить его словомъ Божіемъ; — они имѣють уши, чтобы не слышать и очи, чтобы не видѣть, и стремятся къ гибели, какъ бы на нѣкій пиръ, имъ уготованный рукою вѣчной

смерти, отклоняя отъ себя ту духовную трапезу, какую предлагаетъ имъ Искупитель, въ пріобщеніи собственнаго тѣла и крови, взывающій: «пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы.» И что говорю я о другихъ? взглянемъ на самихъ себя, не мы ли первые оглашенные? — Что скажешь? мы исповѣдуемъ Христа! — такъ, но не устами ли только? дѣла же наши лучше ли языческихъ? а по словамъ Писанія: вѣра безъ дѣлъ мертва. Нѣтъ, другъ мой, съ трепетомъ преклоняю я голову при возглашеніи Діакона: » оглашенніи, главы ваша Господеви приклоните!» послѣ котораго они должны изгоняться изъ храма; молюсь въ сію минуту столько же за самаго себя, сколько и за нихъ, чтобы не быть изгнаннымъ страшными Ангелами изъ царствія небеснаго, подобно какъ изъ церкви изгонятся Діакономъ оглашенные, и когда потомъ онъ призываетъ уже однихъ только вѣрныхъ къ молитвѣ, знаешь ли, что я не всегда держу молиться!

ПИСЬМО IV.

Теперь приступимъ къ важнѣйшему. Поется Херувимская пѣснь, твореніе Императора Іустина; но можетъ быть ея содержаніе темно для тебя на Славянскомъ, — вотъ переводъ: «Мы, которые тайно образуемъ Херувимовъ, и вмѣстѣ съ ними воспѣваемъ трисвятую пѣснь животворящей Троицѣ, отложимъ нынѣ попеченіе о всякомъ дѣлѣ житейскомъ, ибо готовимся торжественно поднять Царя всѣхъ, котораго невидимо копьеносятъ Ангельскія силы.»

Даже и въ этомъ переводѣ слово: копьеносятъ, вѣроятно поразило тебя. Но ты долженъ знать, что оно выражаетъ въ точности не только Славянское дорученосима, но и самую картину, которую

хотѣлъ изобразить въ сей пѣсни Іустинъ. Римскіе воины, при провозглашеніи новоизбраннаго Императора, обыкновенно подымали его на щитъ посреди легіона, такъ что онъ являлся поверхъ окружавшихъ его копій. Въ церкви повторяется таже картина; послѣ словъ: отложимъ попеченіе, является Діаконъ, какъ бы одинъ отъ невидимаго легіона Ангеловъ, подъемлющій надъ главою, на дискосъ, какъ на щитъ, Царя всѣхъ въ смиренномъ видѣ Агнца.

О какъ кстати, предъ самымъ ходомъ, поражаетъ всегда слухъ благодѣтельное слово: отложимъ попеченіе, какъ кстати извлекаетъ грубый умъ изъ помысловъ житейскихъ! Тогда Архіерей, омывъ очи и руки, дабы чисто созерцать и дѣйствовать и трижды простерши руки на молитву предъ престоломъ, идетъ самъ творить молитвенно воспоминаніе живыхъ и мертвыхъ надъ жертвенникомъ, и отпускаетъ пріуготовленнаго таинственнаго Агнца, для страшнаго его принесенія въ жертву на престолъ за грѣхи людей; а

Христіане ожидаютъ сего торжественнаго шествія и втайнѣ молятъ, съ преклоненіемъ главы, идущихъ мимо Пресвитеровъ, чтобы помянули ихъ предъ Господомъ, что исполняютъ они громко, начиная съ властей.

Пѣснь Василія великаго на сіе же мгновеніе, которую поютъ однажды только въ годъ, въ великую субботу, еще умильтельнѣе: «Да молчитъ всякая плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ: Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же сему лица Ангельстіи со всякимъ началомъ и властію: многоочитіи Херувимы и шестокрылатіи Серафимы, лица закрывающе и вопіюще пѣснь: аллилуія!»

И вмѣстѣ со звуками сей пѣсни ты видишь ея изображеніе въ лицахъ: Діаконы, въ образъ Ангеловъ, предъидутъ со свѣчами, опустивъ орари свои какъ крыла; другіе вѣютъ надъ сосудомъ рипидами съ изображеніемъ Херувимовъ; еще

иные облакають все шествіе облаками ѿ-
міама, какъ бы притотвляя ему воздуш-
ную стезю; одинъ несетъ на плечъ своемъ
воздухъ, память погребальной плащани-
цы Христовой, другой несетъ омофоръ,
знакъ вочеловѣченія, съ сіяющимъ на немъ
крестомъ, который какъ знаменіе Сына
человѣческаго, предъидеть Ему на небе-
сахъ въ день страшнаго суда. Старшій
Діаконъ высоко держитъ надъ главою дис-
косъ или блюдо, на коемъ лежитъ по-
кровенный Агнецъ; за нимъ старшій Пре-
свитеръ съ потиромъ, чашею, гото-
вою скоро исполниться крови Спасителя,
далѣе слѣдуютъ постепенно въ рукахъ іе-
рейскихъ орудія Божественнаго страданія:
крестъ, копіе, губа, которая напоила
его желчію, и лжица, дающая вкушать
кровь его вѣрнымъ. Архіерей, безъ митры
и омофора: раболѣпно встрѣчаетъ сіе изо-
бразительное шествіе въ дверяхъ царскихъ,
и поставляя дискосъ и чашу на пре-
столъ, какъ бы во гробъ, подобно Іосифу
Аримаѳейскому, воспоминаетъ его подвигъ
говоря: «благообразный Іосифъ съ древа

«снемъ пречистое тѣло Твое, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми во гробъ новъ покрывъ положи.»

Опять выходитъ Діаконъ къ народу и приглашаетъ исполнить молитву Господеви; но уже прошенія его не касаются благъ земныхъ и временныхъ, а простираются единственно къ духовнымъ и небеснымъ; онъ молить о Ангелѣ хранителѣ, о томъ что добро и полезно душамъ нашимъ, о прощеніи грѣховъ, провожденіи нашей жизни въ миръ и покаяніи, и о Христіанской ея кончинѣ съ добрымъ отвѣтомъ предъ страшнымъ судилищемъ Христовымъ. Какія назидательныя молитвы! Потомъ, услышавъ со всею Церковію желаніе мира изъ устъ Святительскихъ, приглашаетъ насъ любить другъ друга, дабы мы могли единомысленно исповѣдывать, — и хоръ договариваетъ за всѣхъ насъ: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную», показывая тѣмъ, что мы сохраняемъ взаимную любовь и съ любовію исповѣдуемъ истиннаго Бога. Прежде, во время сей пѣсни

всѣ Христіане цѣловались между собою, теперь одни только Священники въ алтарь цѣлуютъ Архіерея и другъ друга.

Потомъ взываетъ Діаконъ: «двери, двери, премудростію вонмемъ!» въ древности это служило знакомъ для вѣрныхъ заключать наружныя врата церкви, чтобы никто изъ непріобщенныхъ къ таинствамъ Христіанскимъ или гонителей Христіанства не могъ войти во время тайнодѣйствія. Нынѣ Церковь не имѣетъ причины къ подобному опасенію и потому напротивъ, при восклицаніи: «двери, двери», отдергивается завѣса отъ царскихъ вратъ, заключенныхъ при служеніи простаго Іерея, и сіе означаетъ, что тайна готова открыться и сообщиться каждому чрезъ вѣру. То же знаменуетъ и поднятіе воздуха съ сосудовъ, который во все время пѣнія сѣмвола вѣры колеблется надъ преклоненною главою Архіерея въ знаменіе нایتія Святаго Духа. Еще однажды возбуждаетъ Діаконъ вниманіе вѣрныхъ: «станемъ добръ, станемъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе въ миръ приносить!» и удаляется въ алтарь.

Тогда въ послѣдній разъ, для возже-
 нія усердія въ народъ предъ освященіемъ
 даровъ, изходитъ къ нему Епископъ, дер-
 жа въ рукахъ свѣщники и, поднявъ ихъ
 къ небу, сперва преподаетъ вѣрнымъ три
 духовныя дара отъ каждаго лица Святой
 Троицы: «благодать Господа нашего Иису-
 са Христа, любовь Бога и Отца, и прича-
 стіе Святаго Духа» и, какъ бы ради сихъ
 трехъ великихъ залоговъ, молитъ всѣхъ
 «да горѣ имѣемъ сердца:» а хоръ надежно
 отвѣчаетъ ему за всѣхъ: «имамы ко Гос-
 поду!», когда, быть можетъ, самыя нечи-
 стые помыслы вращаются въ сію страшную
 минуту въ душѣ нашей: — «Что творишь о
 братъ мой!» говорилъ нѣкогда Св. Ефремъ
 Сирянинъ: «не обѣщаль ли Іерею горѣ
 имѣти сердце, и не срашишься ли въ часъ
 сей обрѣтаться лживымъ? О великое чудо!
 Агнецъ Божій ради тебя закалается, всѣ
 Силы небесныя съ Іереємъ за тебя молятся,
 кровь Христова вливается въ тайную чашу
 за твое очищеніе, а ты не стыдишься, не
 оплакиваешь самага себя въ сіе мгновеніе,
 не молясь ни о себѣ, ни о другихъ?»

«Благодаримъ Господа!» восклицаетъ въ третій разъ Епископъ, осылая вѣрныхъ, и когда при звукѣ колокола, возбуждающаго къ вящей молитвѣ, Церковь отвѣтствуетъ ему: «достойно и праведно есть» самъ онъ входитъ во внутренность святилища для возданія сего благодаренія. Тамъ воспоминаетъ онъ предъ престоломъ, гдѣ готовится жертва, всѣ дивныя и несказанныя благодѣянія Господа къ роду человѣческому, начиная отъ сотворенія міра и до его искупленія, и приходя какъ бы въ нѣкое изступленіе отъ недостатка словъ человѣческихъ для возданія достойной хвалы, воспоминаетъ пѣснь Ангельскую, которую слышалъ Исаія изъ устъ Серафимовъ, которыхъ видѣлъ Іезекіиль въ таинственныхъ образахъ орла, тельца, льва и человѣка, и восклицаетъ: «побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще;» а хоръ, участвуя въ его восторгѣ, отвѣтствуетъ сперва словами самихъ Ангеловъ, какъ бы на небѣ: «святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ исполнь небо и земля славы своея!» потомъ и на землѣ

привѣтствуетъ Господа кликами Еврейскихъ отроковъ, изшедшихъ съ пальмами на срътеніе сына Давидова : «Осанна въ вышнихъ! благословенъ грядый во имя Господне!» Въ сіе мгновеніе, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, многіе святыя мужи видали внутри святилища Ангеловъ, имъ сослужащихъ, и со страхомъ предстоящихъ трапезѣ.

Вотъ наступила самая вечеря Христова, Архіерей, въ лицѣ Спасителя, указываетъ на святой хлѣбъ и произноситъ слова Господни : «пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ» и на чашу : «пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ,» — и предлагая Богу Отцу сіе вольное Сыновнее приношеніе (подымаемое крестообразно руками Діакона), возглашаетъ : «Твоя отъ Твоихъ, Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся.» — Потомъ, воздѣвъ горѣ руки, трижды призываетъ Духа Святаго, низпосланнаго Апостоламъ ; потомъ, произнося тайнодѣйственныя слова, трепетно благословляетъ крестнымъ

знаменіємъ сперва хлѣбъ, а послѣ чашу, и наконецъ оба вида вмѣстѣ, какъ составляющіе единое таинство. Тогда, имѣя предъ собою уже не хлѣбъ и вино, но истинное тѣло Христово и истинную кровь Христову, онъ и всѣ сослужащіе благоговѣнно простираются ницъ предъ сверхъ-естественнымъ таинствомъ, какое дерзнулъ совершить смертный по благодати Святаго Духа. Во все же время сего великаго дѣйствія лики поютъ благоговѣнно : «Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ Господи и молимтися Боже нашъ!»

За симъ, воздавая честь тѣлу и крови Христовымъ, кажденіемъ еиміама, священнодѣйствующій воспоминаетъ, какъ объ участникахъ въ молитвѣ и таинствѣ, о всѣхъ Святыхъ благоугодившихъ Господу и наипаче «(изрядно) о пресвятѣй пречистѣй, преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и присно дѣвѣ Маріи;» а Церковь ублажаетъ Ее достойными хвалами, величая : «честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ срав-

ненія Серафимъ.» Потомъ Святитель молится за власти духовныя и мірскія, за всѣхъ Христіанъ живыхъ и усопшихъ, и даже за всю вселенную : ибо точно на всю вселенную простирается сила и дѣйствіе жертвы Христовой, — молится въ особенности, чтобы всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ славили и воспѣвали Бога, и наконецъ испрашиваетъ на нихъ милость свѣше.

Выходитъ изъ алтаря Діаконъ и повторяетъ прежнія духовныя, высокія молитвы, но присоединяетъ къ нимъ вначалѣ : «чтобы Господь, принявъ святыя принесенныя Ему дары въ мысленный свой жертвенникъ, низпослалъ намъ божественную благодать и даръ Святаго Духа ;» — наконецъ, приготовляясь къ причащенію, крестообразно слагаетъ на себѣ орарь, какъ бы отсюда облакаясь крестомъ, чтобы симъ священнымъ знаменіемъ покрывъ все немощное и недостойное въ чловѣчествѣ, неосужденно пріобщиться Божественныхъ Тайнъ. Другое ближайшее приготовленіе есть богоугоднѣйшая изъ всѣхъ

молитвъ , молитва собственно Господня : «Отче нашъ. » Она произносится въ слухъ всея церкви ; а Святитель присовокупляетъ къ ней тайную молитву, для участія въ которой присутствующіе, по приглашенію Діакона, приклоняють главы. Наконецъ съ возбуждающимъ вниманіе словомъ : вон-мемъ , святилище закрывается завѣсою, для причащенія священнослужащихъ, и въ сію минуту Архіерей , поднявъ съ диска тѣло Христово, возноситъ горѣ, возглашая торжественно : «Святая святымъ ! » чѣмъ даетъ разумѣть, сколь святу должно быть для принятія подобной святыни , а ликъ смиренно отвѣчаетъ ему : «единъ святъ , единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу Бога Отца, аминь.»

Въ сіе время опускается въ чашу часть пресвятаго тѣла, для соединенія обоихъ видовъ одного таинства, и вливается въ чашу теплота, съ сими словами : «теплота вѣры, полна Духа Святаго» для большаго напоминовенія теплоты крови и воды, изтекшихъ на крестъ изъ прободеннаго ребра Христова. Архіерей, испросивъ себѣ Хри-

стіанское прощеніе, приступаетъ самъ къ приобщенію тайнъ Христовыхъ и раздаетъ пречистое тѣло Его, съ лѣвой стороны престола, Пресвитерамъ и Діаконамъ; потомъ и Божественную кровь подаетъ въ чашъ подошедшимъ съ правой стороны Пресвитерамъ, трогательно напоминая послѣднюю вечерю Христову симъ умиленнымъ зрѣлищемъ, котораго, по истинѣ, нельзя видѣть безъ слезъ и сердечнаго сокрушенія. Послѣ него старшій Пресвитеръ приобщаетъ Діаконовъ.

Врата царскія вновь отверзаются. Спаситель самъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ на свою трапезу, устами Діакона: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!» и блаженъ могущій вкусить достойно сей небесной пищи, ибо «ядый и пійя недостойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня,» по словамъ Апостола Павла.

А Церковь радостно воскликнувъ: «благословенъ грядый во имя Господне! Богъ Господь и явился намъ!» поетъ трогательную пѣснь: «видѣхомъ свѣтъ истинный,

пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльный Троицъ покланяемся, та бо насъ спасла.» Еще однажды показываются народу святыя Дары въ царскихъ вратахъ и тотчасъ скрываются отъ церкви на жертвенникъ. При семъ священнодѣйствующій воспоминаетъ послѣднее явленіе Христова Апостоламъ и Его вознесеніе на небо и, какъ бы удаляясь за Христомъ на небеса, онъ произноситъ у престола: «благословенъ Богъ нашъ,» такъ что Церковь сего не слышитъ, а только конецъ славословія отдается въ слухъ земли среди царскихъ вратъ: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.» Ибо Господь обѣщалъ быть съ нами во вѣки.

Послѣ краткой эктении и заамвонной молитвы, Архіерей въ послѣдній разъ благословляетъ народъ и отпускаетъ его, воздавъ хвалу Богу и приводя на память вѣрнымъ празднуемыхъ въ сей день Святыхъ, прославившихъ Господа своею богоугодною жизнію.

Таково страшное совершеніе Божественныхъ тайнъ Христовыхъ!

ПИСЬМО V.

Окончивъ такимъ образомъ, хотя и весьма несовершенно, толкованіе литургіи, коснусь вкратцѣ и другихъ церковныхъ службъ. По примѣру небесныхъ Силъ, непрестанными гимнами славящихъ Творца, и по заповѣди Апостольской : провождать время въ псалмахъ и пѣніи и пѣсняхъ духовныхъ, святые Отцы первыхъ вѣковъ Христіанства, постановили семь различныхъ временъ дня и ночи, для молитвы тѣхъ, кои посвятили себя исключительно на служеніе Богу ; и понынѣ молитвы сіи наблюдаются, частію отдѣльно, частію слитыя вмѣстѣ, особенно въ церквахъ приходскихъ, въ которыя народъ не можетъ собираться слишкомъ многократно.

Въ самую полночь подымались для

первой молитвы Христіане, какъ бы по зову страшной трубы послѣдняго суда, на встрѣчу жениха грядущаго въ полунощи, который велѣлъ бодрствовать, по невѣдѣнію тайнаго часа Его пришествія. По краткомъ отдыхѣ вновь соединялись они для утренняго всенароднаго исповѣданія грѣховъ своихъ, словами псалмовъ, испытывающихъ и открывающихъ тайны человеческого сердца, и для благодаренія Господу хвалебными пѣснями; на великомъ славословіи, съ наступленіемъ дня, въ самый первый часъ его, они молитвенно предавали себя Богу: и въ третьемъ часу, памятуя сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, призывали благодать Его. Распятіе Спасителя, въ шестомъ часу дня бывшее, и Его крестная смерть въ девятомъ, своими торжественными воспоминаніями отзывались также въ благочестивомъ днѣ Христіанъ, и послѣ Божественной литургіи, соединявшей ихъ общеніемъ тѣла и крови съ своимъ Искупителемъ, — благодарственныя вечернія молитвы заключали свято протекшій день.

Но въ первыя три столѣтія жестокихъ гоненій Церкви, когда Христіане укрывались для молитвы въ подземельяхъ, или стекались ночью для памяти мучениковъ на мѣста, орошенныя ихъ святою кровію, всѣ сіи разновременныя служенія непосредственно сливались въ одно продолжительное бдѣніе; оно приняло отъ самаго времени названія всенощнаго, по Греческій панихѣида, и поелику нѣкоторыя молитвы онаго посвящены были памяти усопшихъ, то названіе панихиды усвоено у насъ исключительно поминовенію преставшихся. И донынѣ, въ церквахъ бдѣствующаго Востока подъ игомъ Магометанъ, большею частію ночь посвящена Божественной службѣ; въ нашей же торжествующей Церкви вечернія и утреннія молитвословія, соединяемыя вмѣстѣ наканунѣ большихъ праздниковъ и воскресныхъ дней, служатъ намъ духовнымъ приготовленіемъ къ торжеству дня и пріобщенію Христовыхъ таинъ.

Я постараюсь объяснить тебѣ постепенный ходъ всенощной, (состоящей изъ

трехъ главныхъ частей: вечерни, утренни, и перваго часа), ибо ты чаще бываешь на этомъ служеніи предъ великими праздниками, нежели на будничныхъ службахъ; тогда же простая вечерня соединенная съ повечеріемъ, поется отдѣльно отъ утренни, предшествуемой полунощницею, безъ торжественныхъ обрядовъ и безъ чтенія Пророчествъ и Евангелія, знаменующихъ предпразднественныя бдѣнія.

При самомъ началѣ всенощной отверзаются царскія врата, какъ бы небеснаго царствія, и Священникъ возглашаетъ славу Святой Троицѣ, открывая вѣрующимъ сію неисповѣдимую глубину естества Божія, и вслѣдъ за тѣмъ призываетъ ихъ поклониться Тому, чрезъ Кого единственно тайна сія сдѣлалась доступна человѣкамъ, — «Христу Царю и Богу нашему.» Тогда Священникъ съ кадиломъ въ рукахъ, предшествуемый Діакономъ, несущимъ свѣтильникъ, идетъ кругомъ всей церкви и въ притворъ, чтобы никакая часть храма не лишена была свѣта благо-

дати Христовой и исполненія Святаго Духа, образуемаго ѳиміамомъ. Огонь и ѳиміамъ, въ сію торжественную минуту напоминаютъ также Творческій гласъ: «да будетъ свѣтъ!» и Духа Божія, носившагося надъ бездною во дни творенія, ибо, во все время сего хода, лики поютъ великолѣпный псаломъ Давида: «Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло, вся премудростію сотворилъ еси,» — изображающій въ самыхъ вдохновенныхъ стихахъ дивную картину мірозданія. Господь одѣвается свѣтомъ какъ ризою, простираетъ небо какъ шатеръ и полагаетъ облака на восхожденіе свое, ходитъ на крыльяхъ вѣтра, творитъ Ангеловъ своихъ пламенемъ огненнымъ, основываетъ землю на тверди ея и даетъ ей одѣяніемъ бездну. Воды боятся гласа Его грома и данъ имъ предѣлъ, его же не прейдутъ; источники въ дебряхъ напояютъ звѣрей сельныхъ, при нихъ обитаютъ небесныя птицы; земля же насытится отъ плода дѣлъ своихъ, и хлѣбъ сердце человека укрѣпитъ. Солнце познало западъ свой и

бысть пощъ, во тѣмъ коей скитаются дубравные звѣри въискать себѣ отъ Бога пищу, но возсіяетъ солнце и они въ ложахъ своихъ лягутъ, тогда выходитъ человекъ на дѣланіе свое до вечера. — Далѣе восторженный Давидъ уже прямо обращаетъ рѣчь свою къ Господу: «исполнилась вся земля твари Твоей; всѣ отъ Тебя чаютъ исполниться благами; отворишь лице и возмѣются, отымешь духъ и исчезнутъ; но пошлешь Духа Твоего и созиждутся и обновишь лице земли; призираешь на землю и трясется, прикасаешься горамъ и дымѣются. Буди слава Господня во вѣки, пою Богу моему доколѣ есмь, да усладится Ему бесѣда моя . . . яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси!»

Но не долго наслаждался человекъ симъ чистымъ созерцаніемъ дѣлъ Божіихъ. Онъ палъ своею гордостію и рай сладости ему заключился; — это скорое изгнаніе изображается закрытіемъ царскихъ вратъ вслѣдъ за окончаніемъ псалма. Послѣ первой эктеніи оба хора поютъ избранные

стихи трехъ первыхъ псалмовъ, какъ бы увѣщательныя рѣчи, низлетающія изъ утраченнаго рая. «Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, — и путь нечестивыхъ погибнетъ. Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ; блажени вси надѣющіися на нѣ. Во-скрѣсни Господи, спаси мя Боже мой; яко Господне есть спасеніе и на людяхъ Его благословеніе Его» Каждый выразительный стихъ сей отдѣленъ Ангельскимъ припѣвомъ: аллилуія. Потомъ и хоръ, подражая изгнанному Адаму, какъ бы отъ лица всего человѣчества, подвигнутаго душевною болѣзнію о своемъ паденіи, восклицаетъ:

«Господи, возвахъ къ Тебѣ, услыши мя! услыши мя Господи вѣгда возвати ми къ Тебѣ. — Да взыдетъ молитва моя, какъ ѿиміамъ предъ Тобою: воздѣянiе рукъ моихъ вмѣсто вечерней жертвы.» — Въ сію минуту является Діаконъ съ кадломъ, знаменуя онымъ тѣ жертвы, какія приносились Богу отъ начала міра и предобразовали грядущую искупительную

жертву Богочеловѣка, — а лицемъ своимъ представляя служителей Божіихъ, которые посылались въ міръ для возвѣщенія о Мессіи. Между тѣмъ хоръ продолжаетъ взывать: «изведи изъ темницы душу мою исповѣдаться имени Твоему,» и начинаетъ уже прибавлять къ стихамъ псалмовъ другіе стихи новозавѣтные, изображающіе празднество дня, какъ бы въ радостномъ ожиданіи искупленія.

«Аще беззаконія назриши Господи, Господи кто постоитъ? яко у Тебе очищеніе есть.»

«Отъ стражи утреннія до ночи, отъ стражи утреннія, да уповаеть Израиль на Господа.»

И провидя наконецъ скорое спасеніе, восклицаетъ: «яко у Господа милость и многое у Него избавленіе, и Той избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его. Хвалите Господа вси языцы.» Тогда при новомъ отверстіи царскихъ вратъ, хоръ воспѣваетъ славу Тріединому Богу вмѣстѣ съ пѣснію о воплощеніи, и въ то же время является изъ алтаря Священникъ, въ обра-

зъ обѣщаннаго Спасителя, предшествуемый Діакономъ съ кадиломъ, какъ Предтечею, и при возгласѣ: «премудрость!» входитъ вновь во святая святыхъ, а лики поютъ трогательный гимнъ Софронія, Патриарха Іерусалимскаго:

«О тихій свѣтъ святыхъ славы, безсмертнаго небеснаго Отца, святаго и блаженнаго, — Іисусе Христе! Мы, пришедшіе на западъ солнца, увидя свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Св. Духа Бога. Ты одинъ достоинъ во всѣ времена быть воспѣваемъ гласами преподобныхъ: Сыне Божій дающій жизнь! за сіе міръ Тебя славить.»

Выразительный гимнъ сей ясно изображаетъ, какъ на закатъ первобытнаго свѣта, даннаго міру, и уже на вечеръ человечества, возсіялъ для него новый тихій свѣтъ въ кроткомъ лицѣ Спасителя, ради немощи смертныхъ, умѣрившаго въ себѣ безсмертную славу небеснаго Отца. Послѣ сего гимна, читаются наканунѣ праздниковъ пророчества и притчи или пареміи, подобіями извлеченными изъ ветхаго

завѣта предзнаменующія событія новаго, и вслѣдъ за сугубою эктеніею доканчиваются стихеры, прерванныя торжественнымъ входомъ священнослужителей.

Тогда Священникъ и Діаконъ, предшествуемые двумя свѣщниками, и самъ Архіерей, если онъ присутствуетъ, окруженный всѣмъ духовенствомъ, выходятъ на литію въ притворъ, по древнему милосердому обычаю, чтобы и кающіеся, коимъ запрещенъ былъ входъ въ церковь, могли хотя на краткое время участвовать въ общей молитвѣ; посему Діаконъ молится о всякой душѣ Христіанской, озлобленной и кающейся и милости Божіей требующей, призывая ходатайство всѣхъ небесныхъ силъ и святыхъ угодниковъ, а Іерей проситъ, чтобы Господь, даруя намъ оставленіе грѣховъ, умирилъ нашу жизнь.

Потомъ, поелику Христіане послѣ долгихъ вечернихъ молитвъ готовились начинать утреннія, Настоятель входилъ обратно въ трапезу и посреди оной благословлялъ хлѣбы, пшеницу, вино и елей для

Маріе, Господь съ тобою ; благословена ты подкрѣпленія утомленныхъ, и сей древній обрядъ сохранялся донынѣ въ благословеніи хлѣбовъ, на концѣ вечерни, что также воспоминаетъ ту духовную пищу, какую низпослалъ намъ Господь въ словахъ Писанія.

Вечерня приближается къ концу, но чѣмъ умиленнѣе можно было довершить ее, если не молитвою Св. Симеона Богопріимца, который, по столькимъ годамъ ожиданія, удостоясь наконецъ видѣть Мессію, радостно воскликнулъ :

« Нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, ибо очи мои видѣли спасеніе Твое, которое Ты уготовилъ предъ лицомъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровеніе язычникамъ и славу народа Твоего Израиля.»

Воспоминается и Ангельскій привѣтъ Пресвятой Дѣвѣ, по вечернему времени сего событія.

» Богородице Дѣво радуйся благодатная

въ женахъ и благословенъ плодъ чрева
твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ»
и съ громкимъ благословеніемъ имени Го-
сподня и преподаніемъ Божія благослове-
нія отъ Настоятеля народу, оканчивается
торжественная вечерня.

ПИСЬМО VI.

Послѣ торжественнаго окончанія вечерни тихо начинается утренняя. По древнему обряду должны погашаться всѣ лампы, кромѣ малаго свѣта въ алтарѣ и предъ иконами Спасителя и Божіей Матери, и среди всеобщаго безмолвія и мрака внезапно раздается одинъ только голосъ: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!» — трижды повторяемый онъ напоминаетъ Ангельскій привѣтъ Виѳлеемскимъ пастырямъ въ ночь рождества Спасителя. Потомъ избранный чтецъ, уединенно посреди церкви, возглашаетъ дважды: «Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвѣстятъ хвалу твою» чтобы тѣмъ приготовить къ большому вниманію слушающихъ, и начинается шесто-

псалміе, которое должно выражать внутреннюю бесѣду Христіанина со Христомъ, словами утреннихъ шести псалмовъ: по сему чтеніе это всегда совершается съ особеннымъ благоговѣніемъ, и Священникъ выходитъ предъ царскія врата присовокупить свои тайныя молитвы къ безмолвному моленію паствы.

Въ первомъ псалмѣ изображается твердое упованіе души на Бога: «Господи что ся умножиша стужающіи ми? мнози востають на мя, мнози глаголють душѣ моей: нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его. Ты же, Господи, заступникъ мой еси, слава моя и возносяй главу мою,» — а на концѣ: «азѣ уснухъ и спасъ, востахъ яко Господь заступитъ мя.» Второй псаломъ: «Господи да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене,» есть вопль болѣзненной души, преслѣдуемой бѣдствіями міра и взывающей: «не остави мене Господи Боже мой, не отступи отъ мене: вонми въ помощь мою, Господи спасенія моего!» Третьимъ псалмомъ выражается утренняя утѣ-

шительная молитва : « Боже Боже мой, къ Тебѣ утреннюю, возжада къ Тебѣ душа моя. . . , прильпе душа моя по Тебѣ, мене же пріять десница Твоя.»

Слава и тройное аллилуія, въ честь Пресвятой Троицы отдѣляютъ сіи первые три псалма отъ трехъ послѣдующихъ, въ коихъ Давидъ, то представляя нищету свою Богу, вопіетъ : « Господи Боже спасенія моего, во дни возвахъ и въ нощи предъ тобою, да внидетъ предъ Тя молитва моя, приклони ухо Твое къ моленію моему ; нищъ есмь азъ и въ трудѣхъ отъ юности моея : вознесжеся, смирихся и изнемогахъ : » — то, проникнутый благодарностію при воспоминаніи всѣхъ благодареній Божіихъ, велитъ душѣ своей благословлять Господа и всей внутренности своей имя святое Его, и не забывать всѣхъ воздаяній Его. Здѣсь, изображая величіе Божіе, трогательно памятуетъ онъ и собственное ничтожество : « яко Той позна бытіе наше, помяну яко персть есмь ; человекъ яко трава, дни его яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ ; яко духъ пройдетъ

въ немъ и не будетъ, и не познаетъ кому мѣста своего; милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его.» — Наконецъ въ послѣднемъ псалмѣ еще однажды проситъ Господа услышать его въ правдѣ своей и не внити въ судъ съ рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ Нимъ всякъ живой; Духъ твой благій наставитъ мя на землю праву;» — и опять слава и аллилуія заключаютъ псалмы. Діаконъ же начинаетъ великую эктенію. «Богъ Господь и явился намъ» поютъ громко и радостно оба хора и, какъ бы готовясь на Его срѣтеніе, восклицаютъ: «благословенъ грядый во имя Господне!» изображая за тѣмъ, въ пѣніи тропаря, торжество дня, возбудившее ихъ духовную радость.

За симъ слѣдуетъ продолжительное чтеніе двухъ каѳисмъ псалтыря; съ краткими на концѣ ихъ эктеніями, для восстанія къ молитвѣ, ибо самое греческое слово каѳисма, или сидѣніе, показываетъ, что дозволено было сидѣть во время ихъ чтенія или тотчасъ послѣ для отдыха. На двадцать подобныхъ каѳисмъ раздѣленъ

стопятидесяти псаломный псалтырь, прочитываемый весь въ теченіи недѣли и дважды въ недѣли великаго поста; каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ псалмовъ и трижды прерывается возглагошеніемъ славы трисвятому Богу и пѣснью аллилуія. Сіе чтеніе составляло въ древности сущность всей утренни и перешло во всѣ церкви Востока отъ монашествующей братіи Египта. Тамъ, отшельники собираясь въ субботу изъ отдаленныхъ пустынь, послѣ пятидневнаго уединенія проводили всю ночь на воскресеніе въ стихословіи псалтыря, прерываемаго также вдохновенными молитвами святыхъ Игумновъ, каковы были Макарій, Антоній, Пахомій и другіе, сіявшіе пустынною славою своихъ добродѣтелей и чудесъ.

Вотъ наступило время полуделя, какъ бы полдень всего служенія, ибо названіе полуделя, означающее многое освѣщеніе, показываетъ, что въ сію торжественную минуту, когда и самъ Архіерей готовится выдти на средину церкви

для чтенія Евангелія, вся церковь должна быть ярко освѣщена свѣтомъ лампадъ и еще ярче духовнымъ свѣтомъ благовѣстія, чтобы насладиться не только слышаніемъ, но самымъ зрѣніемъ Слова Божія, исходящаго къ народу изъ тайной внутренности алтаря.

Съ открытіемъ царскихъ вратъ оба хора попеременно воспѣваютъ избранные стихи изъ 19-й каѳисмы, съ умиленнымъ припѣвомъ: аллилуія, какъ бы исключительно посвященнымъ утреннему служенію. «Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа!» восклицаетъ одинъ ликъ, а другой въ отвѣтъ ему: «благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ.» — и опять первый призываетъ «исповѣдаться Господеви, яко благъ, яко во вѣкъ милость Его,» а другой поясняетъ слова сіи прибавляя: «исповѣдайтесь Богу небесному,» но то же убѣжденіе въ устахъ обоихъ: «яко во вѣкъ милость Его.»

Во время пѣнія изходитъ изъ алтаря со всемъ духовенствомъ Епископъ, въ образъ самаго Спасителя, который, по выраженію Псалмопѣвца, живетъ среди сла-

вословій Израилевыхъ. Онъ обходитъ всю церковь съ благовоннымъ кадиломъ, предшествуемый свѣтильниками, не забывая и притвора, ибо всѣхъ просвѣщаетъ свѣтъ Христовъ и посылаетъ благодать Его. Потомъ, если бдѣніе сіе совершается въ честь какого либо праздника Господня, или въ честь Божіей Матери и святыхъ угодниковъ, приносится Діаконами на аналоѣ икона праздника и вокругъ нее все духовенство величаетъ Господа, или пречистую Дѣву, или Святыхъ, а хоръ отвѣчаетъ тѣмъ же величаніемъ съ припѣвами стиховъ псаломныхъ. Если же всенощная сія только воскресная, то всѣ пѣснопѣнія ея посвящены памяти дивнаго востанія Спасителя, и чтобы оно сильнѣе напечатлѣлось въ сердца вѣрующихъ, Епископъ, посреди церкви, или Священникъ, когда онъ одинъ служитъ, въ алтарѣ, всегда читаютъ Евангеліе о воскресеніи и о событіяхъ божественныхъ послѣ воскресенія. Такихъ воскресныхъ Евангелій, собранныхъ изъ всѣхъ Евангелистовъ и попеременно благоговѣствуемыхъ, — числомъ одиннадцать.

Но прежде Евангелія о воскресеніи, во ожиданіи радостной вѣсти, воспоминается раннее пришествіе Муроносицъ и Учениковъ къ упраздненному гробу и самое изумленіе небесныхъ Силъ, при возрѣніи на Божественнаго мертвеца, все собою ожившаго.

«Ангельскій соборъ удивися, зря Тебе въ мертвыхъ вѣнчившася, смертную же Спасе крѣпость раззоривша и съ собою Адама воздвигша, и отъ ада вся свободяща.»

Такъ Ангелы, но не такъ Муроносицы.

«Муроносицы жены, съ муръ пришедшія ко гробу Твоему, Спасе, рыдаху : Ангель же къ нимъ рече, глаголя : что съ мертвыми живаго помышляете ? яко Богъ бо воскресе отъ гроба !»

И сіи два противоположныя впечатлѣнія Ангеловъ и человѣковъ, соединяются въ одну пѣснь трогательнымъ восклицаніемъ : «благословенъ еси Господи, научи

мя оправданіемъ Твоимъ,» которое Церковь поетъ и надъ усопшимъ Христомъ, и надъ усопшими во Христѣ, въ той же надеждѣ воскресенія ; а вслѣдъ за тѣмъ всѣ вѣрныя призываются поклониться вмѣстѣ съ Серафимами, поющими трисвятое Отцу и Его Сыну и Св. Духу.

Тогда читаются или поются три антифона Св. Іоанна Дамаскина, по примѣру Давида, излившаго стремленіе души своей къ Богу изъ юдоли плача ; всѣхъ же умиленныхъ антифонъ пѣваемый въ праздники :

«Отъ юности моя мнози борють мя страсти, но самъ мя заступи и спаси, Спасе мой.»

«Ненавидящій Сіона посрамится отъ Господа : яко трава бо огнемъ, будете изсохши.»

«Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется Тройческимъ единствомъ, священно тайнѣ.»

Когда же по прочтеніи Евангелія оно представляется народу для поклоненія и

цѣлованія, лики, уже какъ очевидцы востанія, возглашаютъ : «воскресеніе Христоу видѣвъше, поклонимся святому Господу Іисусу : — Ты бо еси Ботъ нашъ, развъ Тебе иного не знаемъ ; — се бо пріиде крестомъ радость всему міру ; — распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разрушилъ ;» — и прибѣгая къ молитвамъ Апостоловъ и Богородицы, ради очищенія множества согрѣшеній нашихъ, воспоминають псаломъ покаянія : « помилуй мя Боже.» Архіерей же послѣ литіи діакона, во дни праздниковъ, помазываетъ елеемъ духовной радости приходящихъ поклониться святой иконѣ.

За симъ немедленно слѣдуетъ чтеніе и пѣніе канона или правила, составленнаго изъ девяти пѣсней, въ честь праздника или Святаго. Каноны сіи приняты были въ составъ утренняго служенія въ седьмомъ и осьмомъ столѣтіи, и большая часть ихъ написаны краснорѣчивымъ Дамаскинымъ и другомъ его Космою Епископомъ Маіумы, которые обогатили ими

Церковь, на торжественные дни ея, и опредѣлили самый напѣвъ ихъ на восемь разныхъ гласовъ, понедѣльно пѣваемыхъ. Первый стихъ каждой пѣсни называется ирмосомъ или связью всѣхъ другихъ, по образцу его писанныхъ, и основная мысль его заимствуется изъ пѣсней ветхозавѣтныхъ. Такъ первый ирмосъ напоминаетъ всегда гимнъ Моисея на прехожденіе Чермнаго моря: «поемъ Господеви, славно бо прославися;» второй же обличеніе его на Іудеевъ по прошествіи пустыни: «вонми небо и возглаголю» и какъ обличеніе грѣховъ, поется только во дни великаго поста. Образцемъ третьяго послужила молитва Анны, матери Самуила. Послѣ сей пѣсни произносится малая эктенія, какъ равно послѣ шестой и девятой; число же всѣхъ пѣсней напоминаетъ девять чиновъ Ангельскихъ. Пророки Аввакумъ, Исаія и Іона внушили три послѣдующіе ирмоса; за тѣмъ слѣдуютъ: кондакъ, краткое изложеніе праздника или доблестей Святаго, и икосъ, что значитъ уподобленіе, такъ какъ сія

пѣснь составляетъ большею частію изъ уподобленій, наконецъ пространное описаніе самой причины торжества или дѣяній Святаго, собранное въ синаксарѣ. — Седьмой и осьмой ирмосы воспоминаютъ всегда подвигъ и хвалебный гимнъ трехъ отроковъ въ печи Вавилонской, прославлявшихъ Бога отцевъ своихъ и призывавшихъ среди пламени всѣ творенія, превозносить вмѣстѣ съ ними Господа во вѣки. Поелику же девятый ирмосъ основанъ на пророчествѣ Захаріи о сынѣ своемъ Предтечѣ и посвященъ исключительно памяти воплощенія, то предъ онымъ, Діаконъ съ кадиломъ въ рукахъ, какъ бы воспоминаая посѣщеніе Богоматери дому Захаріи, приглашаетъ вѣрныхъ возвеличить пѣснями Матерь Свѣта, и хоръ ее прославляетъ собственною ея молитвою, какую произнесла она при цѣлованіи Елисаветы : «величитъ душа моя Господа и возрадовахся духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ» — а въ припѣвахъ превозноситъ ее : «честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ.» Потомъ вслѣдъ за канономъ читаются и

поются еще три хвалебные псалма, перемѣшанные съ праздничными стихирами.

Тогда какъ въ сихъ псалмахъ вся тварь, небо и земля совокупляются воспѣвать славу Творца своего, — врата алтаря, заключенныя во время канона, вновь отверзаются и Священникъ полагаетъ начало великому славословію, возгласомъ : «слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ.» Въ древности, настоятель произносилъ слова сіи къ собранію вѣрныхъ, когда по всенощномъ бдѣніи видѣлъ наконецъ, что заря уже занималась на востокъ, и Христіане, прежде нежели имъ разойтись, исповѣдывали еще однажды въ единомъ великомъ и общемъ славословіи, собранномъ изъ пѣсней обоихъ завѣтовъ, Божество Искупителя; они начинали словами Ангеловъ, прославившихъ Виѳлеемскаго младенца, и кончали трисвятою пѣснію Серафимовъ, видѣнныхъ Исаіею, и славою Пресвятой Троицы.

Ты знаешь пѣснь сію, любезный другъ, отъ начала ея до конца, и можно ли не знать ее, не умиляться сердцемъ

при ея возваніяхъ къ кроткому Агнцу, вземлющему грѣхи міра и съдящему оденую Отца. Давидъ и Евангелисты отзываются въ каждомъ стихѣ ея.

Надобно слышать эту пѣснь на Востокѣ, чтобы имѣть ясное понятіе о ея торжественности; у насъ просто поютъ ее оба хора, а тамъ поелику обѣдня не отдѣляется отъ утренни, то Архіерей, сошедшій съ своей кафедры на средину церкви и облачившійся во время пѣнія хвалебныхъ стиховъ, принимаетъ въ руки свѣщники, и осѣняя народъ, возглашаетъ: «слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ;» а все духовенство вокругъ него начинаетъ пѣть вмѣстѣ съ ликами: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе, хвалимъ тя, благословимъ тя, кланяемтися славословимъ тя, благодаримъ тя, великія ради славы твоея. Господи, Царю небесный, Боже Отче вседержителю, Господи Сыне единородный, Іисусе Христе, и святыи Душе! Господи Боже, Агнче Божій, Сыне Отець, вземлай грѣхи міра, помилуй насъ; вземлай грѣхи міра, пріими молитву нашу;

сѣдая одесную Отца помилуй насъ, яко ты еси единъ святъ, ты еси единъ Господь, Иисусъ Христосъ, во славу Бога Отца аминь.»

Сугубая эктенія и молитва съ прекло-
непіемъ главы, за кою слѣдуетъ благо-
словеніе Настоятеля, кончаютъ утренню;
первый же часъ, читаемый опять во мракъ
какъ шестипсалміе, заставляеть Христіани
на углубиться въ самого себя, при слыща-
ніи первоначальныхъ основныхъ молитвъ,
какія пріучаются лепстать младенческія
уста наши: «Святый Боже, Отче нашъ,
честнѣйшую Херувимъ; иже на всякое
время и на всякій часъ на небеси и на
земли поклоняемый и славимый Христе
Боже нашъ!» Потомъ еще однажды вы-
ходитъ Настоятель изъ заключеннаго ал-
таря и молить, чтобы Христосъ, свѣтъ
истинный, просвѣщающій всякаго человѣка
грядущаго въ міръ, знаменовалъ на насъ
свѣтъ лица своего, — и прерывая его ти-
хое моленіе, громко и торжественно воз-
глашаютъ оба лика побѣдительную пѣснь
Божіей матери: «избранной Воеводъ.»

ПИСЬМО VII.

Еще одно Божественное служеніе не было предметомъ бесѣды нашей. Я хочу говорить о литургіи преждеосвященной, которая исключительно совершается во дни великаго поста, и вѣрно часто поражала тебя своими трогательными обрядами и молитвами.

Учрежденіе оной относится къ первымъ вѣкамъ Христіанства; но окончательное образованіе далъ ей святой Григорій великій, Папа Римскій, называемый Двоесловъ, въ шестомъ столѣтіи, еще прежде раздѣленія Церкви. Она совершается въ среды и пятки святой čtyредесятницы, которая какъ подражаніе сорокодневнаго поста Христова и приготовленіе къ церковному воспоминанію Его страданій, была у

древнихъ Христіанъ въ такомъ уваженіи, что Отцы Церкви, ради сердечнаго сътова- нія и сокрушенія духа, не дерзали совер- шать въ плачевные дни сіи торжествен- наго служенія; полная же литургія доз- волена только въ субботы и воскресенія, посвященныя памяти мірозданія и воста- нія Господня. «Дни великаго поста суть время покаянія, говоритъ соборъ Лаодикій- скій, и потому каждый долженъ размы- шлять о своихъ согрѣшеніяхъ, а не укло- няться на празднества, чтобы прежде вре- мени не насытиться радости духовной.»

Въ началъ воспрещено было присту- пать даже къ источнику небеснаго утѣ- шенія, Божественнымъ тайнамъ, въ пер- вые пять дней каждой недѣли поста; но, когда въ послѣдствіи, немощь духовная благочестивыхъ Христіанъ, обыхшихъ еже- дневно пріобщаться своему Искупителю, не могла переносить столь тяжкаго лише- нія, Церковь оказала имъ милосердіе; она разрѣшила въ два дня недѣли, посвящен- ные памяти преданія и распятія Спасителя, выносить на вечерни, для поклоненія и для

причащенія вѣрныхъ, Божественные дары, прежде освященные на литургіи воскресной и соблюдаемые на сіе въ ковчегъ; отсель приняло свое начало и названіе литургія преждеосвященныхъ даровъ. Посему чинъ ея совершенно отличенъ отъ обѣдни святыхъ Василія и Златоуста; она состоитъ собственно изъ вечерни, предшествуемой часами, и нѣкоторой части обыкновенной литургіи, кромѣ важнѣйшаго, то есть освященія самыхъ даровъ, и хотя менѣе торжественна, но внушаетъ не менѣе страха и благоговѣнія: ибо при самомъ ея началѣ присутствуетъ уже закланный агнецъ Божій, подъ видомъ хлѣба, напоеннаго виномъ, которые освящены и преложились въ тѣло и кровь Христовы, во время полной литургіи.

Самые часы отличны отъ тѣхъ, которые обыкновенно читаются предъ обѣднею; чтеніе ихъ гораздо продолжительнѣе: — кромѣ положенныхъ трехъ псалмовъ, на каждомъ часѣ читается еще по каѳисмѣ, дважды прерываемой и окончиваемой славою пресвятой Троицы и троякимъ али-

луія, подобно какъ на утренни, а на шестомъ часѣ еще статья изъ пророчествъ. При концѣ сихъ каѳисмъ, Священникъ выходитъ изъ алтаря и творитъ предъ царскими вратами три земные поклона, повторяемые всѣми вѣрными, произнося основной стихъ cadaго часа, который выражаетъ, что побудило Христіанъ освятить именно сей часъ молитвою.

Третій утѣшительно напоминаетъ сошествіе Св. Духа; «Господи, иже Пресвятаго твоего Духа въ третій часъ Апостоламъ твоимъ ниспославый, того благій не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся.»

Поразительна молитва къ Распятому на шестомъ часѣ: «иже въ шестый день же и часъ на крестъ пригвоздивый, въ раи дерзновенный Адамовъ грѣхъ, и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери Христе Боже и спаси насъ.»

Умилительна послѣдняя: «иже въ девятый часъ насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ.»

И чтобы еще болѣе смирить сіе сует-

ное мудрованіе, предъ окончаніемъ cadaго часа, Священникъ опять выходитъ къ народу, и воздѣвъ къ небу руки, съ тремя земными поклонами, произноситъ высокую молитву Св. Ефрема Сирянина, глубоко постигшаго тайну смиренія, когда изъ сокрушенной души его истекли сіи трогательныя прошенія:

«Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми. — Духъ же цѣломудрія, смиреномудрія, терпѣнія и любви даруй мнѣ рабу Твоему. — Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего; яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь.»

Произнесши сперва сію молитву по частямъ, Священникъ даетъ время безмолвной молитвѣ съ малыми поклонами, и въ заключеніе вновь произноситъ ту же молитву, всю и нераздѣльно, сопровождаемую однимъ земнымъ поклономъ.

Все на сей Божественной службѣ должно призывать насъ къ покаянію; — послѣ Св. Ефрема, Василій Великій, на кон-

цѣ девятого часа, молитъ: »чтобы долго-терпѣливый Господь, приведшій насъ до сего часа, въ который, вися на животворящемъ древѣ, открылъ входъ въ рай благо-разумному разбойнику, самъ бы очистилъ насъ, недостойныхъ возрѣть на высоту небесную; ибо мы ходили въ воляхъ сердецъ нашихъ и въ суетѣ исчезли дни наши, и далъ бы намъ, сложить съ себя ветхаго человека чтобы облечься въ новаго и пожить Богу.» — Тогда оба хора, подражая спасительнымъ словамъ распятаго разбойника, съ нимъ вопіютъ: «во царствіи Твоемъ помяни насъ Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!» Потомъ попеременно напоминаютъ другъ другу тѣ добродѣтели, какія могутъ открыть врата сего царствія, и поютъ девять блаженствъ Евангельскихъ: нищихъ духомъ, плачущихъ, кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ, миротворцевъ, изгнанныхъ правды ради и поносимыхъ ради Господа, и обѣщая имъ многую мзду на небесахъ между каждымъ стихомъ повторяютъ молитву благоразумнаго разбойника. Они еще

трижды припадаютъ къ Пресвятой Троицѣ съ тою же мольбою, дабы глубже напечатлѣлась въ сердцѣ: «помяни насъ Господи, помяни насъ Владыко, помяни насъ Святый, егда приидеши во царствіи Твоемъ.»

Начинается самая вечерня и до малаго входа священнослужителей и пѣсни: »свѣтихій,» совершается по обыкновенному чину. Иногда только когда празднуется въ великопостные дни память Мучениковъ и посему разрѣшается чтеніе Апостола и Евангелія, Діаконъ во время хода, вмѣсто кадила, несетъ въ рукахъ Евангеліе какъ на литургіи.

Но прежде сего во время пѣнія вечернихъ стиховъ: «Господи, возвахъ къ Тебѣ,» Священникъ наполнивъ благовоніемъ оиміама весь алтарь, вынимаетъ изъ стоящаго на престолѣ ковчега преждеосвященный хлѣбъ — тѣло Христово, напоенное Его кровію, возлагаетъ на дискось: благоговѣнно кадитъ, троекратно обходя престолъ, и поднявъ на главу несетъ, предшествуемый Діакономъ съ кадиломъ, на жертвенникъ; тамъ вливаетъ так-

же въ чашу вино и воду, не освящаемыя въ послѣдствіи, но только явственнѣе дополняющія второй видъ таинства.

Послѣ вечерняго пѣнія : «свѣте тихій,» чтецъ среди церкви читаетъ двѣ пареміи, — одну изъ книги Бытія, повѣствующую вначалѣ паденіе Адамово, заблужденія его потомковъ, и послѣдовавшія за оными казни; другую же изъ притчей Соломона, гадательно предъявляющихъ уже нѣкій свѣтъ грядущаго Христа. Дабы знаменательнѣе выразить сей переходъ отъ мрака къ свѣту, между обѣими пареміями Священникъ, держа въ рукахъ кадило и свѣтильникъ, который стоялъ предъ святыми Дарами, изъ царскихъ вратъ осѣняетъ крестообразно народъ, съ сими таинственными словами: « премудрость прѣсти, свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!» Сей зримый свѣтъ долженъ отчасти замѣнять вѣрнымъ свѣтъ слова Евангельскаго, коего лишены они во дни плача, а вмѣстѣ и напоминаетъ имъ о томъ Божественномъ свѣтѣ, которому скоро поклонятся въ преждеосвященныхъ Дарахъ.

Для большаго умиленія, вслѣдъ за пареміями, три отрока, какъ три Ангела, напоминая также и трехъ Еврейскихъ отроковъ, воспѣвшихъ славу Божию посреди Халдейской печи, отдѣляются отъ прочаго хора и становятся предъ царскими вратами, гдѣ, чувствительнымъ сердцу напѣвомъ, повторяютъ вечерній стихъ: «да исправится молитва моя.» Тотъ же стихъ попеременно поется также и на клиросѣ: а въ промежуткахъ воспѣваются еще слѣдующіе стихи псалма, спасительные всякому, кто только будетъ дѣйствовать въ духъ сихъ прошеній: «Господи возвахъ къ тебѣ услыши мя, услыши мя Господи внемли возвати ми къ тебѣ; — положи Господи храненіе устомъ моимъ и дверь огражденія о устнѣхъ моихъ; — не уклони сердца моего въ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсѣхъ» (не вымышлять извиненія во грѣхахъ).

Благочестивое же собраніе молящихся Христіанъ чувствуя съ сокрушеннымъ сердцемъ, сколь далеко отстоятъ всѣ ихъ дѣянія отъ сихъ возвышенныхъ моленій, на колѣ-

няхъ внимаєть имъ. Оно подражаетъ смиренію мытаря, который, въ притворѣ храма бія себя въ перси, произносилъ только: »Боже милостивъ буди мнѣ грѣшнику!» и уповаєть подобно ему обрѣсти оправданіе не отъ дѣлъ своихъ, но отъ сознанія своего недостойнства. А Священникъ во время пѣнія стиховъ, стоитъ съ кадиломъ въ рукахъ предъ престоломъ и, чрезъ восходящее облако ѿиміама, видимыми образами напоминаетъ, чтобы во время сей вечерней жертвы и воздѣянія рукъ нашихъ къ Богу, самая молитва прямо возносилась къ Нему, подобно ѿиміаму; при послѣднемъ же повтореніи стиха сего самъ, отдавая кадило, преклоняетъ колѣна со всею Церковію.

Съ половины великаго поста Діаконъ, на сугубой эктеніи, послѣ молитвы объ оглашенныхъ, приглашаетъ вѣрныхъ помолиться также и о братіяхъ, готовящихся къ просвѣщенію; ибо въ первыя времена Церкви нѣкоторые изъ оглашенныхъ, болѣе пріуготовленные къ принятію святаго крещенія, были просвѣщаемы онымъ, пре-

имущественно въ великую субботу. Молитвы сіи изображаютъ духовныя ихъ нужды: просвѣщеніе разума и благочестія, баню паки бытія и одежду нетлѣнія, рожденіе водою и духомъ, совершеніе вѣры, и сопричтеніе къ святому избранному стаду. Потомъ и они должны выходить изъ храма, ибо «нынѣ Силы небесныя съ нами невидимо служатъ, се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершенна доручается.»

Въ сію торжественную минуту, свѣтильникъ, являющійся въ сѣверныхъ дверяхъ алтаря, извѣщаетъ вѣрныхъ о пришествіи Царя ихъ, въ видѣ жертвы несомого на главѣ Пресвитера, которому предшествуетъ Діаконъ, устилающій путь его ѳиміамомъ, и всѣ падаютъ ницъ благоговѣнно предъ непостижимымъ таинствомъ, какъ падалъ Исаія, предъ нестерпимою славою Съдѣщаго на Херувимахъ, и страшное безмолвіе водворяется въ церкви. Слегка слышатся только на возвышеніи кругомъ алтаря, надъ главами приникшими къ помосту, тихія, мѣрныя стопы трехъ иду-

щихъ, иногда останавливающіяся, или звукъ потрясеннаго кадила предъ Дарами, и мнится — нынѣ Силы небесныя съ нами невидимо служатъ! — такою робостію проникаютъ звуки сіи трепетное сердце; а поднявшійся хоръ начинаетъ, еще надъ простертыми долу, призывную пѣснь: «съ вѣрою и любовію приступимъ, да причастицы жизни вѣчныя будемъ, аллилуія.»

Всѣ встаютъ, ибо жертва уже на престолѣ, готовая датися въ снѣдь вѣрнымъ, которыхъ приготавливаетъ къ ея принятію изшедшій изъ алтаря Діаконъ, молитвами о вѣчныхъ благахъ, Пресвитеръ же молитвою Господнею: «Отче нашъ,» и вслѣдъ за тѣмъ задерживается завѣса съ возгласомъ: «преждеосвященная святая святымъ.» Ликъ по обычаю отвѣчаетъ: «единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ,» и во время причащенія священнослужителей поетъ въ назиданіе Церкви: «вкусите и видите яко благъ Господь: аллилуія.» Когда же Діаконъ призываетъ къ пріобщенію во вратахъ алтаря, еще убѣдитель-

нѣе взываетъ ликъ, пророческими словами Давида: «благословлю Господа на всякое время, хвала Его во устнѣхъ моихъ: хлѣбъ небесный и чашу жизни вкусите и видите яко благъ Господь: аллилуія.» По отнесеніи святыхъ Даровъ на жертвенникъ, поется обычный стихъ: «да исполнятся уста наша хваленія Твоего Господи; — соблюди насъ во Твоей святыни, весь день поучатся правдѣ Твоей, аллилуія.»

Особенно замѣчательна, глубокимъ смысломъ своихъ прошеній, заамвонная молитва, въ которой Пресвитеръ проситъ: «чтобы Вседержитель, введшій насъ въ пречестные дни сіи къ очищенію душъ и тѣлѣсь, къ воздержанію страстей и къ надеждѣ воскресенія, далъ бы намъ подвизаться подвигомъ добрымъ, теченіе поста совершить, вѣру нераздѣльную соблюсти, главы невидимыхъ змievъ сокрушить, явиться побѣдителями грѣха и неосужденно достигнуть и поклониться святому воскресенію.»

А я, желая тебѣ искренно исполненія всѣхъ сихъ прошеній, на время останавли-

ваюсь, ибо, постепеннымъ объясненіемъ Богослуженія, непримѣтно коснулся и самаго поста, который вначалѣ не былъ предметомъ бесѣдъ нашихъ. Мнѣ бы весьма хотѣлось однакоже изложить предъ тобою и трогательныя красоты великопостнаго служенія, исполненныя тайнственнаго смысла; онѣ всѣ заключаются въ книгѣ, называемой тріодію постною, и если ты мнѣ изъявишь на то свое желаніе, не замедлю приступить къ дѣлу, чтобы тѣмъ доказать тебѣ, какъ все относящееся до блага души твоей, близко и моей собственной.

ПИСЬМО I.

КНИГА II.

О ВЕЛИКОМЪ ПОСТѢ И ПАСХѢ.

1870
The following is a list of the names of the persons who have been
admitted to the office of the Secretary of the Board of Education
since the last meeting of the Board, held on the 1st day of
January, 1870. The names are given in alphabetical order.
The names of the persons who have been admitted to the office
of the Secretary of the Board of Education since the last meeting
of the Board, held on the 1st day of January, 1870, are given
in alphabetical order.

ПИСЬМО I.

И такъ, по твоему желанію, продолжая бѣсѣды наши, любезный другъ, мы вступаемъ нынѣ на пространное поприще великаго поста. Не думай однако же, чтобы я привелъ тебя къ нѣкоей безводной пустынѣ, на отдаленномъ краю коей съ нетерпѣніемъ будешь ты ожидать появленія свѣтлаго праздника. Нѣтъ, и сію мнимую для тебя пустыню оживили благодатными водами святые Отцы Церкви; и ее обратили они въ землю воздѣланную, усѣянную цвѣтами Іисуса Христа, ибо вертоградарями были Дамаскинъ и Косма, и Студиты, и Андрей Критскій, свѣтильники своего вѣка и послѣдующихъ, возсіявшіе изъ глубины уединенныхъ келій. Прежде нежели приступимъ къ раз-

витію трудовъ ихъ, я уже могу заранѣе обратить къ тебѣ, какъ бы отъ ихъ лица, сіи сладостныя слова блаженнаго Іеронима къ своему другу :

«Посмотри, я собралъ для тебя удивительныя мѣста изъ Святаго Писанія и я, такъ сказать, сплелъ тебѣ душистый вѣнокъ покаянія изъ лучшихъ Евангельскихъ цвѣтовъ ; возложи его на чело твое, прими кроткій духъ и крылія голубицы и полети искать покоя и примиренія у Господа, сего столь милосердаго Отца.»

По истинѣ, благая Церковь, заботясь о спасеніи дѣтей своихъ, семью недѣлями великаго поста и тремя имъ предшествующими, какъ будто написала (если только позволено такъ выразиться) поэму всего человѣчества, рѣзко обозначивъ три его грани : паденіе, искупленіе и послѣдній судъ ! Все же пространство сей трогательной поэмы наполнила она то горькимъ плачемъ покаянія, то псаломными восторгами, то пророческимъ вдохновеніемъ о грядущемъ спасеніи, то самымъ изображеніемъ страданій Искупителя, уже не только въ

пѣсняхъ духовныхъ, но и въ обрядахъ, для
 большаго впечатлѣнія. Весь наружный че-
 ловѣкъ долженъ содѣйствовать внутреннему
 въ дѣлѣ своего спасенія : и ухо его должно
 слышать, и око видѣть, и молиться уста,
 и руки подыматься къ небу, и припадать
 колѣна, и смиряться къ землѣ гордое чело,
 и наконецъ поститься алчная утроба, вле-
 кущая долу высокіе помыслы духа.

За три недѣли до великаго поста, уже
 начинается духовное приготовленіе, и прит-
 ча о Мытарѣ и Фарисеѣ научаетъ насъ
 сокрущенной молитвѣ, безъ киченія духа.
 Потомъ, въ другой воскресный день, притча
 о блудномъ сынѣ приведетъ каждого, не
 совсѣмъ ожесточеннаго грѣшника, въ со-
 крушеніе о грѣхахъ своихъ, или если сего
 недовольно, то въ слѣдующую недѣлю за-
 ставитъ его содрогнуться чтеніе страшнаго
 Евангелія о послѣднемъ судѣ. И вся сыр-
 ная недѣля, провождаемая нами, по боль-
 шей части въ увеселеніяхъ, посвящена па-
 мяти сего суда. Но наканунѣ Церковь со-
 страдательно воспоминаетъ въ молитвахъ ду-
 ши всѣхъ преставшихся, которые по на-

сильственной или внезапной кончинѣ не могли въ свое время воспользоваться молитвами и таинствами, и сіе творить для того, чтобы ни одна вѣренная ей душа не предстала на судъ безъ спасительнаго щита ея. Въ концѣ же сырной недѣли, для поощренія вѣрныхъ, воспоминаетъ пустынныхъ подвижниковъ, пребывавшихъ въ постѣ и молитвѣ.

Наконецъ, послѣднее воскресеніе предъ самымъ постомъ открываетъ входъ къ нему повѣствованіемъ о грѣхопадѣніи праотца Адама, дабы мы знали, что оплакивать во дни плача, и еще болѣе возчувствовали изъ какой бездны извлекъ насъ Искупитель, когда на концѣ дней сихъ будемъ прославлять побѣду его надъ смертію; и поему въ первые четыре дня поста читается съ умиленіемъ великій канонъ покаянія.

Не безъ высокой цѣли учредила Церковь праздновать и востановленіе честныхъ иконъ въ первый воскресный день великаго поста, называемый обыкновенно недѣлею Православія, возбуждая насъ симъ торжествомъ къ возобновленію въ падшемъ

человѣкъ образа Божія, чрезъ теплую вѣру въ Іисуса Христа. Когда же, зная по опыту немощь человѣческую, видитъ она, что силы тѣлесныя начинаютъ изнемогать отъ подвиговъ поста, то на серединѣ его выносить для подкрѣпленія вѣрныхъ крестъ Господень, знаменіе побѣды, и на пятой недѣлѣ поддерживааетъ снова унывающихъ чтеніемъ великаго канона покаянія, и примѣромъ духовныхъ подвиговъ Маріи Египетской, и похвалою Богоматери, скорой помощницы въ скорбяхъ нашихъ.

Утѣшительное воскресеніе Лазаря, какъ предвѣстіе общаго востанія мертвыхъ, и вербное торжество Спасителя, освѣжая духовною радостію душу, даютъ ей и новыя силы къ перенесенію трудныхъ подвиговъ страстной седмицы; а сія одна, обширными созерцаніями, объемлетъ весь міръ, видимый и невидимый, всю глубочайшую связь неба и земли, столь рѣзко разрозненныхъ, жизни и смерти, столь по видимому несодружимыхъ, все поприще страданій Богочеловѣка, которое только вѣчность можетъ измѣрить, хотя оно чудесно заклю-

чено въ немногихъ земныхъ дняхъ, и на конецъ внезапно переноситъ насъ отъ плача ветхаго Адама, надъ гробомъ Адама новаго, къ свѣтлому и свѣтоносному : «Христосъ воскресъ!»

Вся же святая, великая четырехдесятница, подражаетъ числомъ дней и сорокодневному посту Моисея на Синаѣ, для пріятія Ветхаго Завѣта, и сорокодневному посту Іліи Пророка на Хоривѣ, услышавшаго гласъ Господень въ легкомъ дыханіи эѳира, послѣ бурь и громовъ, и сорокодневному посту самаго Спасителя, на горѣ искушенія, предъ началомъ благовѣствованія Новаго Завѣта. Вся она есть какъ бы десятина цѣлаго года, изъ числа дней нашей жизни удѣленная сокрушеннымъ сердцемъ въ жертву Господу.

Но такъ какъ въ семи недѣляхъ великаго поста болѣе сорока дней, то ты можешь спросить : отъ котораго же и до котораго дня простирается четырехдесятница? Должно знать, что Церковь отъ временъ Апостольскихъ не употребляетъ всей строгости поста не только въ день воскресный,

какъ посвященный радостному воскресенію Христову, но и въ субботній, какъ посвященный воспоминанію сотворенія міра, и коленнопреклоненія въ сіи дни въ церкви не употребляются. Посему нѣкоторые изъ древнихъ Палестинскихъ Отцевъ пустыни, присоединяя сырную недѣлю къ семи послѣдующимъ, и исключая изъ сего времени всѣ субботы и воскресенія, такимъ образомъ производили число сорока дней, въ строгомъ смыслѣ постныхъ. Вообще же православная Церковь, держась преданія Апостольскаго, ограничиваетъ подъ именемъ четырехдесятницы только первыя шесть недѣль поста, не прилагая къ нимъ Лазарева и Вербнаго Воскресенія, какъ дней торжественныхъ, что составляетъ сряду полное число сорока дней, и потому поется въ Вербную субботу: «душеполезную совершивше четырехдесятницу, и святую седмицу страсти твоея просимъ видѣти человеколюбче.» А великіе дни страстной седмицы, ради страшнаго воспоминанія Господнихъ страданій, Церковь чтитъ отдѣльно отъ прочихъ недѣль, особенными молитвами и обря-

дами, какъ вѣнецъ всего поста и преддверіе Пасхи.

Къ симъ возвышеннымъ, драгоцѣннымъ днямъ великаго поста, какъ бы исключительно дарованнымъ намъ для нашего спасенія, призываю я нынѣ все твое вниманіе. Не поскупимся временемъ на молитву, которое мы часто расточаемъ, и доколѣ не исчезли въ суетѣ дни наши, воздадимъ должную десятину ихъ Богу, все намъ даровавшему.

ПИСЬМО II.

Сперва я начерталъ тебѣ все теченіе великаго поста, чтобы ты однимъ взглядомъ могъ обнять сію духовную лѣстницу, ведущую насъ отъ земли на небо, подобно той, которую видѣлъ во снѣ странствовавшій Іаковъ; теперь же мы будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ ея ступеняхъ, ибо и на нихъ стоятъ земные Ангелы и небесные человеки, Отцы пустыни и Церкви, святыми молитвами своими облегчающіе намъ трудное восхожденіе; на верху же лѣстницы самъ Господь — наша Пасха. Въ семъ письмѣ изложу я тебѣ нѣсколько пространнѣе три первыя предуготовительныя недѣли и соберу умильтельныя красоты вечернихъ стихиръ, утреннихъ каноновъ и синакса-

рієвъ, болѣе выражающія порывы сердца къ Богу и сознаніе нашей немощи. Это будетъ какъ бы нѣкая духовная анѳологія, тотъ душистый вѣнокъ покаянія, о коемъ говорилъ Іеронимъ.

«Не помолимся фарисейски братіе, ибо возносяй себе смирится: смиримъ себе предъ Богомъ, мытарски пощениемъ зовуще: очисти ны Боже грѣшныя!»

Сими смиренными словами начинается тріодъ постная, и сообразно сему первому вечернему стиху ея, поется на утренни предъ канонѣмъ умиленный тропарь:

«Покаянія отверзи ми двери жизнедаче, утреннуетъ бо духъ мой ко храму святому твоему, храмъ носяй тѣлесный весь оскверненъ; но яко щедръ очисти благоутробною твоею милостію.»

Должно однакоже объяснить тебѣ значеніе самага слова тріодъ; прочти его въ синаксаріѣ:

«Въ настоящій день, съ Ботомъ и тріодъ начинаемъ, которую, по движенію Святаго Духа, благоприлично сложили изъ пѣсней многіе святыя Богоносныя Отцы

наши. Но прежде всѣхъ умыслилъ тріодъ, т. е. три пѣсни, во образъ Святой и животначальной Троицы, великій писатель Косма, сочинивъ по три пѣсни для каждаго дня великой седмицы святыхъ страстей Господа и Бога нашего Іисуса Христа. Послѣ него, подражая ему въ ревности, другіе Отцы, наипаче же Феодоръ и Іосифъ Студиты, написали духовныя пѣсни и для прочихъ седмицъ великой четырехдесятницы. Мысль же Святыхъ сихъ была: всею книгою тріодию вкратцѣ вспомнать, отъ самаго начала, благодѣянія Божіи къ человѣкамъ и изложить ихъ для памяти всѣхъ. Какъ предъ сраженіемъ воеводы, примѣрами и рѣчами, возбуждаютъ воиновъ, отгоняя лѣность и боязнь и уныніе: такъ и божественные Отцы, чтобы очистить закопѣвшія въ душахъ нашихъ страсти, возбуждаютъ насъ быть готовыми на подвиги поста; но поелику первое оружіе добродѣтели есть покаяніе и смиреніе, а преградою къ нимъ служатъ гордость и киченіе, то прежде всего предлагается намъ настоящая притча о Мыта-

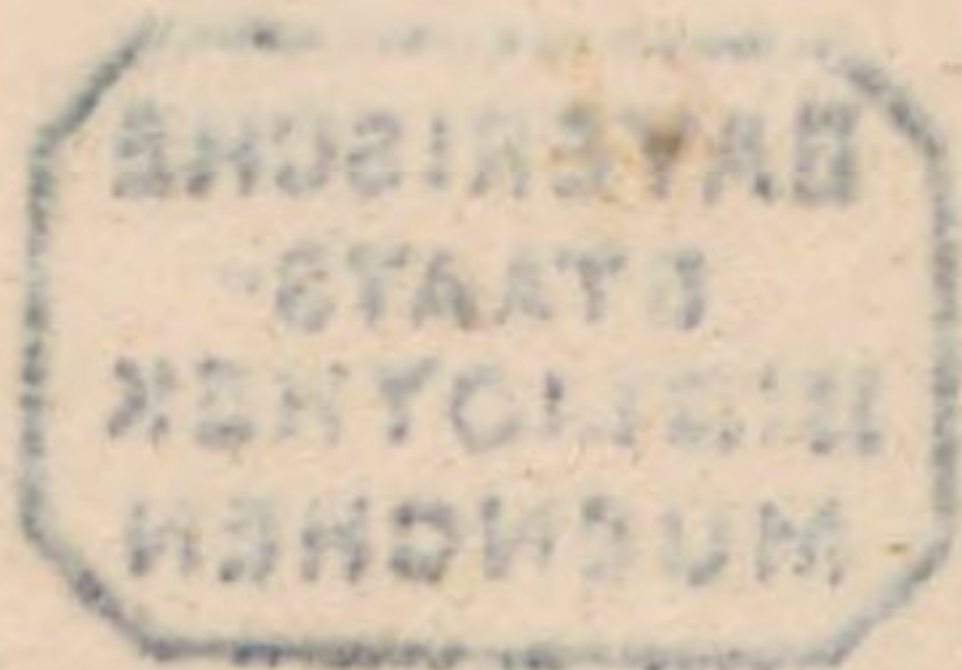

ръ и Фарисеѣ, изъ божественнаго Евангелія.»

Еще чувствительнѣе для сердца синаксарій о блудномъ сынѣ, читаемый во вторую недѣлю:

«Есть люди, имѣющіе на душѣ много тяжкихъ грѣховъ, предавшіеся страстямъ отъ юнаго возраста, которые впали во глубину зла и приходятъ въ отчаяніе, (а вина отчаянія гордость), но совсѣмъ тѣмъ они не хотятъ обратиться къ добродѣтели; напротивъ же укрѣпляя на себѣ узы порока, еще въ горшую впадаютъ пагубу. Къ такимъ людямъ святыя Отцы имѣютъ состраданіе и желая ихъ спасти, предлагаютъ здѣсь сію притчу, чтобы съ корнемъ исторгнуть страсть отчаянія и возбудить къ добродѣтели, показавъ согрѣшившимъ богатство благодати и человеколюбія Божія: ибо изъ сей притчи Христовой явствуется, что никакой грѣхъ не можетъ побѣдить благоутробія Господа.»

Всѣ стихи, и вечерніе и утренніе сей недѣли, какъ бы тайныя упреки нашей совѣсти, потрясаютъ душу, и тщетно бун-

туетъ гордое сердце, уста невольно готовы повторять:

«Объятія отчія поспѣши мнѣ отверсти: расточительно изжилъ я житіе мое, взирая на неизживаемое богатство твоихъ щедротъ Спасе; нынѣ да не презриши обнищавшаго моего сердца, ибо къ тебѣ Господи съ умиленіемъ взываю: согрѣшихъ Отче на небо и предъ тобою!»

И дабы еще болѣе напомнить намъ, что мы только странники на землѣ чуждой, Церковь въ теченіи трехъ недѣль, до великаго поста, кладетъ намъ въ уста жалобную пѣснь плѣнниковъ Вавилонскихъ, пронзающую сердце своимъ трогательнымъ напѣвомъ и тоскою по родинѣ, коею она исполнена. За каждымъ выразительнымъ стихомъ псалма слѣдуетъ тихое аллилуія, какъ бы зовъ Ангельскій, чуть слышимый сквозь плачь земной.

«На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо съдохомъ и плакахомъ, внемли поманути намъ Сіона; на вербіяхъ посреди его обвѣсихомъ органи наша: яко тамо вопросиша ны плѣншіи насъ о словесехъ пѣсней, и

ведшіи насъ о пѣніи: воспойте намъ отъ пѣсней Сіонскихъ. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей! аще забуду тебе Іерусалиме, забвена буди десница моя; прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началъ веселія моего. Помани Господи сыны Едомскіе, въ день Іерусалимль глаголющіе: истощайте, истощайте до основаній его! Дщи Вавилоня окаянная, блаженъ иже воздасть тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ; блаженъ иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень.»

Сія пѣснь, сильная и поразительная, какъ воспоминаніе, представляется еще болѣе возвышенною, какъ иносказаніе: Вавилонъ, смѣшеніе есть образъ смѣшаннаго множества страстей и грѣховъ, которые господствуютъ въ мірѣ, берутъ въ плѣнъ невнимательную душу и порабащаютъ ее; Іерусалимъ, городъ мира, значитъ состояніе души собравшейся изъ разсѣянія и обратившейся къ Богу, — миръ непорочной или покаяніемъ очищен-

ной совѣсти. Ахъ, другъ мой, не забудемъ сего Іерусалима, постараемся не забывать его! Мысль о сокрушеніи младенцевъ Вавилонскихъ о камень, которая была бы слишкомъ жестока въ буквальномъ значеніи, есть напротивъ самая чистая въ иносказаніи; это значитъ: блаженъ кто имѣетъ довольно твердости сокрушать о камень вѣры едва раждающіяся дурныя мысли и желанія, прежде нежели онъ вырастутъ въ злыя дѣла и навѣки.

Еще одинъ образецъ милосердія являетъ благая Церковь, равно заботясь о живыхъ и мертвыхъ, и синаксарій субботній предъ сырною недѣлею пространнѣе о томъ свидѣтельствуется:

«Въ сей день божественные Отцы узаконили совершать память всѣхъ отъ вѣка скончавшихся благочестиво чловѣковъ, ибо многіе пріяли безвременную смерть на странствіи, въ морѣ и непроходимыхъ горахъ, въ стремнинахъ и пропастяхъ и заразахъ, голодомъ, отъ пожаровъ, на льдахъ, и въ браняхъ, и отъ стужи, и претерпѣли иныя всякія смерти; рав-

номѣрно убогіе и немощные не могли воспользоваться пѣніемъ узаконенныхъ псалмовъ. Посему святые Отцы, движимые человеколюбіемъ, положили въ соборной церкви совершать общую ихъ память; день же избранъ субботній, ибо суббота значитъ упокоеніе, а слѣдующее воскресеніе посвящено памяти втораго Христова пришествія.»

Но уже на вечерни сей субботы душъ страшно развивается предъ нами картина послѣдняго суда, начертанная живою кистію Пророковъ, какъ бы очевидцевъ.

«Возгласятъ трубы, и истощатся гробы и воскреснетъ все естество человѣческое въ трепетъ! . . . Книги разгнутся, явлены будутъ дѣла человѣковъ предъ нестерпимымъ судилищемъ; возшумитъ же юдолю вся страшнымъ скрежатаніемъ плача, видя всѣхъ согрѣшившихъ, по праведному суду, отпускаемыхъ на вѣчныя муки и тщетно плачущихся!»

И вотъ при видѣ сего грознаго зрѣлища пробуждается наконецъ голосъ покаянія:

«Увы мнѣ, мрачная душа! доколѣ отъ злыхъ не отрѣвляешься? доколѣ льешь слезы унынія? что не помышляешь о страшномъ часѣ смерти? что не трепещешь вся страшнаго судилища Христова? какой отвѣтъ ему дашь? дѣла твои предстоятъ на обличеніе твое; дѣянія, какъ доносители, обличаютъ тебя. Впрочемъ о душа время настало, бѣги, предускори, вѣрою возопи: согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ тебѣ, но знаю, о человеколюбецъ, твое благоутробіе; пастырь добрый, не отлучи меня отъ стоящихъ одесную тебя, ради великой твоей милости!»

О томъ же взываетъ и на утреннемъ канонѣ Феодоръ Студитъ, творецъ его: «Боже, когда пріидешь во тмахъ и тысящахъ Ангельскихъ небесныхъ началъ, и меня окаяннаго сподоби встрѣтить тебя, Христе, на облакахъ.»

«Во юдоли плача, когда на мѣстѣ, избранномъ тобою возсядешь, многомилостивый, сотворишь праведный судъ, не объяви моихъ тайныхъ и не посрами ме-

ня предъ Ангелами, но пощади меня Боже и помилуй!»

Благоразумно положили святые Отцы совершать память сего второго страшнаго пришествія, послѣ двухъ снисходительныхъ притчъ о мытарѣ и блудномъ, дабы кто либо, увѣдавъ Божіе человеколюбіе, не предавался лѣности говоря: человеколюбивъ Богъ, и когда ни вздумаю оставить грѣхъ, еще успѣю все исполнить. Они же, устрашая чаяніемъ будущей казни, хотятъ лѣнотныхъ возбудить къ добродѣтели, дабы не взирали на одно только человеколюбіе Божіе, но видѣли бы въ Господѣ и праведнаго Судію, который каждому воздаетъ по дѣламъ его.

Послѣ сего великаго воспоминанія о судѣ, какъ нѣкое предочищеніе, полагается предъ самымъ началомъ поста сырная недѣля, отъ воздержанія мясъ постепенно приводящая къ совершенному посту, чтобы и тѣло наше не почувствовало вдругъ слишкомъ рѣзкой перемѣны въ пищу: ибо святые Отцы проникали во всѣ немощи человѣческія и, заботясь о спасеніи души

не почитали низкимъ для себя попещись и о слабости естества человѣческаго ; по сему поется въ первый день сей недѣли :

«Отверзлось преддверіе божественнаго покаянія ; приступимъ усердно, очистивъ тѣлеса , отлагая брашна и страсти , какъ послушники Христа, призвавшаго міръ въ царствіе небесное ; принесемъ десятину всего лѣта Царю всѣхъ , да съ любовію и воскресеніе его узримъ.»

Но сей постъ, къ которому призываетъ насъ Церковь, глубоко объясненъ ею въ стихирахъ среды и пятка.

«О душа моя, постящаяся отъ брашенъ и отъ страстей не очистившаяся, напрасно радуешься неядѣнію ; если оно не послужитъ тебѣ виною къ исправленію, какъ лживая будешь ты возненавидѣна Богомъ , и уподобишься злымъ демонамъ никогда не ядущимъ. И такъ не сдѣлай тщетнымъ поста , продолжая грѣшить , но будь неколебима стремленіемъ порочнымъ, мысленно предстоя распятому Спасу и , сораспинаясь пострадавшему ради

тебя, взывай къ нему : помяни мя Господи, егда прїидеши во царствїи твоємъ !»

Въ сіи два дня сырной недѣли уже начинается служба великопостная съ поклонами ; вмѣсто литургїи читаются только часы съ вечернею и двѣ статьи пророчествъ, на шестомъ часѣ и за вечернею : Пророка Іоила, о постѣ и судѣ, въ среду, и Пророка Захарїи въ пятницу, о обѣтованїяхъ Божїихъ Израилю и очищенїи. Особенно замѣчательны вдохновенныя рѣчи Іоила :

«Такъ глаголетъ Господь : обратитесь ко мнѣ всемъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и въ плачѣ и рыданїи, и разторгните сердца ваши, а не ризы ваши, и обратитесь къ Господу Богу вашему, ибо онъ милостивъ и щедръ и долготерпѣливъ и многомилостивъ, и жалѣетъ о злыхъ дѣлахъ ; кто знаетъ : не обратится ли и не сжалятся ли и не оставитъ ли за собою благословенїе и жертву и возліянїе, которыя приносите Богу вашему ? Вострубите трубою въ Сїонѣ, освятите постѣ, проповѣдуйте исцѣленїе ; соберите народъ, освя-

тите церковь, изберите старѣйшинъ, совокупите сосущихъ младенцевъ; да изыдетъ женихъ отъ ложа своего и невеста изъ чертога своего; на ступеняхъ жертвенника пусть восплачутся жрецы служащіе Господу и рекутъ: пощади Господи людей твоихъ!»

Еще торжественнѣе другое пророчество его о судѣ:

«Такъ глаголетъ Господь: да востанутъ и въздуть всѣ языки на юдолю Іосафатову, ибо тамъ я сяду и разсужу всѣ языки сущіе окрестъ. Обнажите серпы, ибо предстоитъ обрѣзаніе винограда; войдите для топтанія, ибо исполнено точило; изливаются подточилія, ибо умножились ихъ злобы. Гласы прогласилися на полѣ судебномъ, ибо близокъ день Господень на юдоли судебной! солнце и луна померкнутъ и звѣзды скроютъ свѣтъ свой, Господь же отъ Сіона воззоветъ и отъ Іерусалима дастъ гласъ свой, и потрясется небо и земля!»

Посмотри съ какою любовію привѣт-

ствуешь Церковь своих избранныхъ въ субботу, посвященную ихъ памяти :

«Прійдите всѣ вѣрные, воспоемъ лики преподобныхъ Отцевъ : Антонія верховнаго, Евфимія свѣтлаго, и cadaго, и всѣхъ вкунѣ, и мысленно обтекая ихъ гражданства, какъ бы другой рай сладости, воскликнемъ : вотъ дерева, которыя насадилъ Богъ нашъ ! они цвѣли и принесли Христу плоды нетлѣнной жизни, питая души наши.»

«Радуйся Египетъ вѣрный, радуйся Ливія преподобная, радуйся Оиваида избранная ! радуйтесь всякое мѣсто и градъ и страна, воспитавшіе гражданъ небеснаго царствія, возрадившіе ихъ въ воздержаніи и болѣзняхъ, и показавшіе ихъ Богу совершенными мужами желаній ; они явились свѣтилами душъ нашихъ, просіявъ мысленно во всѣ концы, зарею чудесь и знаменіемъ своихъ дѣяній.»

Отъ сего новаго Эдема, духовно насажденнаго Отцами пустыни, Церковь, высокими пѣснопѣніями, внезапно переходитъ

къ утраченному раю и наканунѣ поста воспоминаетъ о горькомъ пресыщеніи Адама:

«Создатель мой Господь, взявъ меня, персть отъ земли, оживилъ дуновеніемъ живоноснымъ, и почтилъ на землѣ начальствомъ надъ всѣми видимыми и общежитіемъ Ангеловъ; сатана же лъстивый, употребивъ орудіемъ змія, снѣдію прельстилъ и лишилъ меня божественной славы, предавъ въ землю преисподней смерти; но воззови меня опять благоутробный Владыко.»

«Господи, по совѣту врага, преслушавъ твое божественное повелѣніе, совлекся я окаянный боготканной одежды, и облекся смоковнымъ листвіемъ и кожаными ризами, и былъ осужденъ снѣдать хлѣбъ трудный, земля же проклята была приносить мнѣ тернія и волчцы; но ты, въ послѣднія времена воплотившійся отъ Дѣвы, воззавъ меня, введи опять въ рай.

Внемли, какъ плачется горько Адамъ, возсѣвъ въ виду утраченнаго рая:

«О лугъ блаженный, богонасажденные сады, красоты рая! нынѣ обо мнѣ про-

ливайте слезы съ листьевъ, какъ бы изъ очей, о мнѣ обнаженномъ и чуждомъ Божіей славы.»

«Пожалѣй, о рай, о твоємъ обнищавшемъ владыкѣ, и шумомъ листьевъ твоихъ умоли Создателя, дабы не затворялъ тебя падшему.»

Въ синаксаріѣ сего воскресенія пространно описано святыми Отцами, въ назиданіе вѣрныхъ, грѣхопаденіе Адамово, и два великіе Святителя : Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, своими глубокими толкованіями проливаютъ духовный свѣтъ на горькое измѣненіе первоначальнаго бытія нашего.

«Между тлѣніемъ и нетлѣніемъ былъ созданъ Адамъ, дабы получилъ то, что самъ изберетъ по произволу; Богу возможно было сотворить его и безгрѣшнымъ, но надобно было чтобы человѣкъ совершилъ подвигъ произвольнаго выбора; для сего данъ былъ ему законъ: прикасаться всѣхъ насажденій, но не сего, то есть древа познанія добра и зла. Можетъ быть сіе значило: изъ размышленія о всѣхъ созда-

ніяхъ извлекать познаніе Божественной силы, но не испытывать помысломъ естества Божія. Такъ любомудрствуетъ и Св. Григорій Богословъ: Богъ повелѣлъ Адаму помышлять умомъ о Божескомъ естествѣ, разсматриваемомъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, но отнюдь не испытывать какѡвъ есть Богъ внутренно по естеству, гдѣ онъ и какъ все изъ ничего создалъ? Адамъ же, оставивъ все прочее, наипаче любопытствовалъ о Богѣ, усиливаясь подробно дознать его естество, и будучи еще несовершеннымъ, простымъ и младенцемъ, впалъ въ искушеніе, ибо Сатана, посредствомъ Еввы, внушилъ ему мечтаніе самому сдѣлаться Богомъ. А великій и божественный Златоустъ говоритъ, что древо сіе имѣло нѣкоторымъ образомъ двоякую силу; онъ полагаетъ рай на землѣ, но разумѣетъ его вмѣстѣ духовнымъ и чувственнымъ, каковъ былъ самъ Адамъ, и что оба находились посреди тли и нетлѣнія, и соблюдаетъ такимъ образомъ слова писанія, въ то же время не оставаясь при одной ихъ буквѣ.»

На концѣ же сихъ трехъ предуготови-

тельныхъ седмицъ еще однажды приглашаются къ подвигамъ вѣрныя чада Церкви: «Поприще добродѣтелей открылось! хотящіе страдальчествовать войдите, препоясавшись добрымъ подвигомъ поста, ибо законно страдальчествующіе праведно вѣнчаются. Воспріявъ всеоружіе креста, воспротивимся врагу, имѣя вѣру, какъ нерушимую стѣну, и какъ щитъ молитву, а шлемомъ милостыню; и вмѣсто меча постъ, который отсѣкаетъ отъ сердца всякую злобу. Творящій сіе воспріиметъ истинный вѣнецъ отъ Царя всѣхъ Христа въ день судный?»

ПИСЬМО III.

Если въ предъидущемъ письмѣ моемъ я собралъ для тебя лучшіе отрывки, изъ духовныхъ пѣсней трехъ первыхъ недѣль до поста, и даже наполнилъ ими все письмо, то это для того, чтобы ты получилъ понятіе о красотахъ языка церковнаго, мало намъ доступнаго. Не поскучай чтеніемъ сихъ избранныхъ пѣсней, ибо кромѣ достоинства внѣшняго, онѣ заключаютъ въ себѣ и внутреннее сокровище, располагая душу къ принятію всего благаго. Между тѣмъ мы достигли до первой великой недѣли четыредесятницы, и переходъ къ ней, по церковному пути, не будетъ для насъ столь разителенъ, какъ случается обыкновенно послѣ шумныхъ увеселеній масля-

ницы, къ сожалѣнію перешедшихъ изъ Запада въ наше отечество.

Сію первую недѣлю святые Отцы наипаче посвящали безмолвію и подвигамъ духовнымъ, какъ начатокъ поста, чтобы рѣшительнѣе сокрушить въ себѣ мірскіе навики и предаться вполнѣ созерцанію духовному, ибо на всякомъ поприщѣ важенъ первый шагъ, и многіе удалялись на все теченіе поста въ глубочайшія пустыни. И у насъ издревле сохранился благочестивый обычай посѣщать другъ друга на сырной недѣлѣ, смиренно испрашивая предъ покаяніемъ взаимное прощеніе, но онѣ обратились въ пиршества и гульбища.

Одинъ изъ великихъ отшельниковъ, соотечественникъ и почти современникъ Св. Іоанна Дамаскина, святой Андрей, сперва просіявшій славою своихъ добродѣтелей въ пустынь Палестинской, а потомъ, какъ ревнитель вѣры, на шестомъ Вселенскомъ соборѣ въ Царьградѣ, и наконецъ на архипастырскомъ престолѣ Крита, сложилъ, въ уединеніи своего вертепа, умильный канонъ покаянія, который съ любовію

приняла Церковь. Она узаконила читать его, какъ вѣрное выраженіе чувствъ всякаго Христіанина, сокрушеннаго духомъ, дважды въ теченіе поста: на великомъ повечеріи первыхъ четырехъ дней его, по частямъ, и весь сполна на утренни въ четвертокъ пятой недѣли; къ сему же присоединенъ и малый канонъ о Маріи Египетской, бывшей образцемъ совершенства, какого можетъ достигнуть раскаянный грѣшникъ при содѣйствіи благодати.

Изъ всѣхъ каноновъ, которыми столь богата наша Церковь, самый пространнѣйшій и замѣчательнѣйшій есть сей великій канонъ Св. Андрея Критскаго, ибо онъ, духовными, весьма возвышенными созерцаніями, объемлетъ оба Завѣта и въ особенномъ свѣтѣ поставляетъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ лицъ священной исторіи, извлекая назиданіе даже изъ ихъ паденій и растворяя плачь ихъ собственными слезами. Каждая пѣснь начинается молитвеннымъ возваніемъ, потомъ какъ на нѣкое духовное зрѣлище выступаютъ предъ нами Праотцы, Патріархи, Судіи, Цари и Пророки ветхо-

завѣтныя, связанныя между собою цѣпью глубокихъ созерцаній; наконецъ, какъ бы изнемогая подъ бременемъ оныхъ, пустынный писатель обращается вновь на молитву, и въ изреченіяхъ Евангельскихъ притчей ищетъ достойнаго выраженія порывамъ души своей къ Богу. — Вся же девятая пѣснь, какъ вѣнецъ канона, исключительно посвящена воспоминанію дѣяній Спасителя. Я не могу описать тебѣ подробно всего творенія, хочу однакоже представить нѣкоторыя разительныя черты, чтобы ты съ большимъ вниманіемъ слушалъ его чтеніе.

«Откуда начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній? Кое ли положу начало, Христе, нынѣшнему рыданію? но яко благоутробенъ даждь ми прегрѣшеній оставленіе.»

«Гряди окаянная душе, съ плотію твою, Зиждителю всѣхъ исповѣждся и устранися отнынѣ прежняго безсловесія и принеси Богу въ покаяніе слезы.»

Такъ начинается плачь свой Андрей Критскій и хоръ, отъ лица народа, на каж-

дый стихъ жалобно ему отвѣчаетъ: «помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

И вотъ потекли изъ устъ его горькія, но вмѣстѣ высокія по духу обличенія:

«Мы поревновали преступленію праотца Адама, и подобно ему познали себя обнаженными отъ Бога; вмѣсто Евы чувственной, Евою мысленною былъ для насъ страстный помыслъ плоти, показующій сладкое, но наполняющій горькимъ. Мы превзошли Каина убійствомъ, произвольно сдѣлавшись убійцами совѣсти душевной, и не принесли подобно Авелю ни чистой жертвы, ни житія непорочнаго Богу.»

«Вонми небо и возглаголю, земля внушай гласъ, кающійся къ Богу и воспѣвающій Его.»

«Душа моя, ты одна разверзла всѣ хляби гнѣва Божія и потопила ими тѣло и жизнь, какъ нѣкогда потоплены земля и все оставшееся внѣ спасительнаго ковчега.»

Послѣ сей страшной картины потопа нашихъ страстей, зоветъ онъ окаянную душу, не наслѣдовавшую ни благословенія

Симова, ни пространнаго владычества Іафетова, зоветъ отъ языческой земли Харранъ, отъ грѣховъ ея, въ обѣтованную землю нетлѣнія, и велитъ ей быть вольнымъ пришельцемъ въ міръ, подобно Аврааму; уразумѣть новую жертву Исаака, тайно всесожженную Господу, и подражать его сердечному расположенію; беречься, чтобы ласкаемая плоть, какъ другая рабыня Агарь, не родила новаго Измаила; дерзости во грѣхѣ, который долженъ быть изгнанъ изъ дома Божія. Онъ даетъ ей образцемъ мирное житіе Священника Божія и Царя уединеннаго, Мельхиседека, который былъ подобіе Христово; велитъ бѣгать отъ возгорающейся чувственной похоти, какъ отъ пожара Содомскаго, и не озираться вспять, чтобы не сдѣлаться столпомъ сланнымъ, какъ жена Лотова, но спастись горѣ въ Сигорѣ.

«Приближается, душа, конецъ приближается, и не радиши, не готовиши; время сокращается, близъ при дверяхъ судія есть; яко соніе, яко цвѣтъ время житія течетъ, что всеу мятемся!»

Глубоко изображено видѣніе Іакова и страдальческое его поприще:

«Лѣствица, которую видѣлъ древле великій въ Патріархахъ, о душа моя, есть указаніе дѣятельнаго восхожденія и разумнаго возшествія; и такъ, если хочешь вступить въ жизнь дѣятельную, разумную и созерцательную, — то обновися.»

«Подъ образами двухъ женъ Іакова разумѣй двоякую жизнь, дѣятельную и созерцательную: Лія, какъ многочадная изображаетъ дѣятельность, Рахиль же, какъ многотрудная — созерцаніе: но безъ трудовъ не будетъ успѣха, ни въ дѣятельности ни въ созерцаніи.»

Вотъ и великое лице Моисея является на обличеніе души. Она не убила подобно ему Египтянина, бійцу сына Израилева, то есть не умертвила въ себѣ чувственнаго помысла, отъ котораго страждетъ и изнемогаетъ умъ духовный: — какъ же вселился, чрезъ покаяніе, въ пустыню оставленія страстей, чтобы быть въ созерцаніи Бога, котораго видѣлъ въ кушии неопалимой Моисей? — Жезлъ его ударяющій

море, былъ образомъ креста божественнаго, коимъ и ты душа можешь совершить великое. «Да будутъ слезы мои купелію Силоама, восклицаетъ пѣвецъ, проникнутый величіемъ развивающихся предъ нимъ судебъ Божіихъ, да и я умою зѣницы сердца и вижу мысленно тебя, свѣтъ превѣчный!»

Цари Іуды и Пророки Израиля, одинъ за другимъ, сходятъ со ступеней своего престола или выходятъ изъ глубины своихъ пустынь, чтобы, по зову пастыря Критскаго, бесѣдовать къ душѣ нераскаянной, или поражать ее своими дѣянiями. Величественъ въ стихахъ канона сей рядъ помазанниковъ Божіихъ, которые какъ пестуны ветхаго Завѣта ведутъ ее къ новому, дабы она не предпочла кладези Хананейскихъ мыслей живымъ струямъ камня, точащаго Божію премудрость.

«Давидъ, избранный на царство, царски помазался рогомъ Божественнаго мѹра; — и ты, душа, если хочешь царствiя вышняго, помажься слезами, какъ мѹромъ.»

Страшными примѣрами представляются ей Саулъ и Авессаломъ и Соломонъ, утратившій премудрость, Ровоамъ и Іеровоамъ, раздѣлившіе царство, и прокаженный святотатецъ Осія и Ахаавъ нечестивый, гонитель Пророковъ.

«Если, подражая ему, не покоришься словамъ Іліи Ѳесвитянина, то и тебѣ, о душа, заключится небо, и тебя постигнетъ гладъ Божій; но уподобися вдовицѣ Сарептской и напитай Пророчью душу.»

«Дни мои исчезли, какъ сновидѣнія пробуждающагося, и я плачу на ложѣ моемъ, какъ царь Іезекіа, дабы приложилися мнѣ лѣта жизни: но какой Исаія предстанетъ тебѣ, о душа, если не всѣхъ Богъ?»

И къ сему жизнедавцу, Спасителю душъ, восходитъ наконецъ духовный дѣеписатель, прешедши все ветхозавѣтное, вопія какъ разбойникъ: «помяни мя!» взывая какъ мытарь: «Боже милостивъ буди мнѣ грѣшнику!» подражая въ неотступности Хананеи и слѣпцамъ на распутіи: «помилуй мя сыне Давидовъ!» источая слезы вмѣсто мѣла на главу и ноги Христовы,

подобно блудницѣ, и горько плача надъ собою, какъ Марѳа и Марія надъ Лазаремъ.

«Законъ изнемогъ, торжествуетъ Евангеліе, Христосъ вочеловѣчился, призвавъ къ покаянію разбойниковъ и блудницъ; — душа покаяйся! отверста уже дверь царствія и прежде тебя вторгаются въ нее мытари и фарисеи и грѣшники кающіеся!»

Когда же, въ нѣкоемъ духовномъ ужасѣ, издали слѣдуя за чудесами Спасителя и умиляясь надъ каждымъ подвигомъ земной его жизни, доходитъ онъ и до страшнаго заколѣнія, — крѣпость сердца его оскудѣваетъ и, вмѣстѣ со всею тварію, онъ умолкаетъ на трепещущей Голгоѣ, въ послѣдній разъ воскликнувъ:

»Судія мой и вѣдче мой, хотѣй паки прійти со Ангелы, судити міру всему, милостивымъ твоимъ окомъ тогда видѣвъ мя пощади, ущедри мя, Іисусе, паче всякаго естества чловѣка согрѣшивша.»

Внимая чтенію сего умилительнаго канона, невольно воскликнешь изъ глубины сердца:

»Господи! если бы не имѣли мы Свя-

тыхъ твоихъ за себя молитвенниками и твою благодать, милующую насъ, — какъ дерзали бы мы воспѣвать тебя, Спаситель, котораго непрестанно славословятъ Ангелы!»

И сію молитву произноситъ Церковь, вслѣдъ за хвалебнымъ псалмомъ, прерываемымъ трогательнымъ пѣніемъ : «Господи силъ съ нами буди !» на томъ же великомъ повечеріи, которое называется мѣимонами, отъ Греческаго : мѣѳимонъ о Θεосъ, съ нами Богъ, ибо нѣсколько разъ стихъ сей повторяется.

Во все теченіе четырехдесятницы, на утреннихъ и вечернихъ служеніяхъ, читаются книги ветхаго Завета ; такъ съ самой первой вечерни предлагаются во услышаніе вѣрнымъ : книга Бытія и книга Притчей Соломоновыхъ, поставляющая началомъ премудрости страхъ Господень. Одна дѣписательная, открываетъ намъ высокое происхожденіе наше и первобытныя судьбы міра ; другая, нравственная, руководствуетъ насъ въ дѣлахъ жизни. А на шестомъ часѣ чтеніе Исаіи, столько же Евангелиста какъ и Пророка, ибо онъ яс-

но говоритъ, какъ бы современникъ, о грядущемъ Искупителѣ, соединяетъ собою оба Завѣта. Сіи три книги, полнотою историческихъ, нравственныхъ и духовныхъ созерцаній, питаютъ душу на пути покаянія.

«Услыши небо и вонми земля, такъ начинается Исаія, ибо Господь возглаголалъ : сыновъ родилъ я и воспиталъ, а они меня отверглись ; знаетъ волю стяжавшаго и осель ясли господина своего ; а Израиль меня не знаетъ и люди мои меня не уразумѣютъ ! . . . Измойтесь и чисты будьте, отымите лукавство отъ душъ вашихъ ; научитесь добро творить, взыщите правосудіе, избавьте обидимаго, судите сирому и оправдайте вдовицу, и тогда прійдите и состязимся, и если будутъ грѣхи ваши какъ багряница, какъ снѣгъ ихъ убѣлю.»

Далѣе отъ обличеній ветхаго человѣка, въ ветхомъ Завѣтѣ, переходя къ отраднымъ чаяніямъ новаго человѣка, въ новомъ Завѣтѣ, Пророкъ говоритъ : «Въ послѣдніе дни явлена будетъ гора Господня и домъ

Господень на верху горы, и вознесется
 превыше всѣхъ холмовъ, и прїидутъ къ
 нему всѣ языки, и пойдутъ языки многіе
 и рекутъ: прїидите и взыдемъ на гору
 Господню и въ домъ Бога Іаковля, и воз-
 вѣститъ намъ путь свой и пойдемъ по немъ.
 Такъ глаголетъ Господь: отъ Сїона изы-
 детъ законъ и слово Господне отъ Іеруса-
 лима, и судить будетъ посреди языковъ и
 изблitchитъ людей многихъ.»

Въ среду сей великой недѣли совер-
 шается первая преждеосвященная ли-
 тургія, соединенная съ вечернею, о коей
 я подробно говорилъ тебѣ въ прежнихъ
 моихъ письмахъ. Трогательные стихиры
 поются въ назиданіе Церкви, во время пер-
 вой великопостной обѣдни, особенно рас-
 полагающей душу къ молитвѣ.

«Братіе, постясь тѣлесно, станемъ по-
 ститься и духовно: развяжемъ всякой узелъ
 неправды, всякое писаніе неправедное раз-
 деремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и ни-
 щихъ безкровныхъ введемъ въ дома, да
 прїимемъ отъ Христа Бога велию милость.»

«Если есть какая добродѣтель или ка-

кая похвала, то онѣ подобаютъ Святымъ. Они приклонили выю свою подъ мечъ, ради Тебя, приклонившаго небеса и къ намъ сошедшаго; они изліяли кровь свою ради Тебя, истощившаго себя для насъ и пріявшаго образъ раба, и подражая нищетѣ твоей, смирили себя даже до смерти. Ихъ молитвами, Бже, по множеству щедротъ твоихъ, помилуй насъ.»

Особенно замѣчательно въ день сей чтеніе притчей, коими Соломонъ, научая насъ, говоритъ: «если ты призовешь премудрость, если подашь голосъ твой разуму, если громогласно будешь звать къ себѣ сокровенное духовное чувство, если будешь искать премудрости какъ серебра и доискиваться какъ сокровища, то уразумѣешь страхъ Господень и обрѣтешь познаніе Божіе; ибо Господь даетъ премудрость и отъ лица его нисходитъ познаніе и разумъ. Если же пріидетъ премудрость въ мысль твою, если душа твоя найдетъ прекраснымъ нравственное духовное чувство, — то доброе намѣреніе сохранить тебя и святое помышленіе сбережетъ

тебя; ибо правые вселяются на землю и святые останутся на ней, пути же нечестивых погибнутъ.»

Чтеніе Бытія, по днямъ, слѣдуетъ порядку самой книги, но достойно примѣчанія, что во дни литургій, когда собирается болѣе народа во храмъ, предложены два важнѣйшія сказанія о судьбѣ всего человѣчества: въ среду, сотвореніе человека по образу Божію и по подобію, а въ пятницу, горькое его преслушаніе и изгнаніе изъ рая. Въ пятницу же, предъ окончаніемъ обѣдни, выносятся посреди церкви и благословляется коливо, то есть варенныя хлѣбныя сѣмена съ сухими плодами, и поется канонъ на память св. Θεодора Тирона, бывшаго ратникомъ и мученикомъ во дни гоненій. Когда Іуліанъ отступникъ, ругаясь надъ Христіанами, велѣлъ однажды, чтобы все продаваемое для пищи, на торжищахъ Царьградскихъ, окроплено было кровію идольскихъ жертвъ, тогда св. Θεодоръ явился во снѣ Патріарху, чтобы охранить вѣрныхъ отъ оскверненія, и предложилъ ему сію простую пищу для

употребленія тайно въ домахъ; и отсель Церковь установила совершать ежегодно воспоминаніе его благой помощи.

Другое продолжительное гоненіе подало поводъ къ другому торжеству, которымъ заключается сія великая седмица. Я хочу говорить о недѣлѣ православія, или первомъ воскресеніи поста. Когда седьмой Вселенскій соборъ, соединившійся подобно первому въ Никей, при Царѣ Константинѣ и матери его Иринѣ и при Св. Тарасіѣ Патріархѣ Цареградскомъ, востановилъ почитаніе святыхъ иконъ, которыя началъ нечестиво истреблять Левъ Изаврскій, — то не долго послѣ сего продолжались тишина и благоденствіе Церкви на Востокъ; новые иконоборцы встали между властителями Цареградскими и послѣдній изъ нихъ Теофилъ былъ самый жестокій.

По смерти его, благочестивая супруга, Царица Θεодора, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, оставшись правителями потрясеннаго расколами царства, избрали Патріархомъ Св. Меѳодія, знамени-

таго исповѣдника вѣры при ея гонителяхъ и съ нимъ вмѣстѣ созвали духовный соборъ въ Константинополѣ, для водворенія мира въ Церкви. Тогда съ великимъ торжествомъ возвращены были ей иконы и утвари, расхищенные нечестивыми. Память сего радостнаго событія празднуема была молитвами о живыхъ и усопшихъ ревнителяхъ православія, и предохранительнымъ напоминаніемъ народу отлученій отъ Церкви, въ разныя времена произнесенныхъ на различныя лжеученія, которыя православная Церковь по необходимости должна была отринуть, въ сильныхъ выраженіяхъ, потому что онѣ угрожали поврежденіемъ основанію вѣры. Она исполнила сей прискорбный долгъ изъ человеколюбія, чтобы спасти многія тысячи неопытныхъ, обличеніемъ нѣсколькихъ коварныхъ обольстителей, и взяла себѣ въ примѣръ Апостола Павла, употребивъ даже точное его выраженіе: «хотя бы и мы, или Ангелъ съ неба, сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, — да будетъ анаѳема.» Такъ го-

ворить Апостолъ языковъ въ посланіи къ Галатамъ (гл. 1. ст. 8), описывая вслѣдъ за тѣмъ собственное обращеніе изъ гонителя Церкви въ Апостола, и я совѣтую тебѣ прочесть еще разъ его убѣдительное посланіе. Сія вѣчная память благочестивымъ Царямъ и Патріархамъ Греческой и Россійской Церкви и сіе громогласное отлученіе ея отступниковъ (по Гречески анаѳема), отъ тѣхъ временъ и до нынѣ, постоянно совершается въ началѣ четырехъдесятницы, какъ назидательная картина грядущаго раздѣленія агнцевъ отъ козлищъ, самимъ небеснымъ Пастыремъ Христомъ, въ послѣдній день.

Церковь отражаетъ отъ своего общенія, какъ ядъ или язву отъ здраваго тѣла, отрицающихъ бытіе Божіе и утверждающихъ, что міръ сей самобытенъ, и что все въ немъ по случаю бываетъ безъ промысла Божія, и не признающихъ благодати, милосердія, премудрости Творца; отвергаетъ также не покланяющихся единому Богу во святой Троицѣ; невѣрующихъ пришествію на землю Сына Божія во плоти, не приѣмлю-

щихъ благодати искупленія, проповѣданнаго Евангеліемъ, какъ единственнаго средства къ спасенію, и невѣрующихъ, что Духъ Святый умудрявшій Пророковъ и Апостоловъ, чтобы возвѣститъ намъ истинный путь, и донынѣ обитаетъ въ сердцахъ вѣрныхъ. Церковь отвергаетъ хулящихъ дѣвство Божіей Матери, отметающихъ безсмертіе души, кончину вѣка и грядущій судъ съ воздаяніемъ, святыя таинства Церкви Христовой, соборы Св. отецъ и ихъ преданія, съ Божественнымъ откровеніемъ согласныя и ругающихся надъ св. иконами, которыя Церковь пріемлетъ для воспоминанія дѣлъ Божіихъ и его угодниковъ и къ возбужденію благочестиваго имъ подраженія. — Наконецъ она отсѣкаетъ отъ себя, не только не воздающихъ Божіе Богови, но и Кесарево Кесареви, и дерзающихъ на мятежи и измѣну противъ помазанника Божія, и обличаетъ всѣхъ таковыхъ, какъ недостойныхъ членовъ, вредныхъ для внутренняго и внѣшняго ея мира.

ПИСЬМО IV.

«Постную пучину преплыти тихо сподоби мя, Христе, утишая волны мысли моея, и въ пристанище воскресенія окорми.»

Такъ начинаю я письмо сіе, любезный другъ, въ которомъ хочу вкратцѣ изложить порядокъ остальныхъ церковныхъ службъ святой четьредесятницы, чтобы не обременить твоего вниманія, ибо по двумъ предшествующимъ письмамъ ты уже можешь судить сколь обильны красотами духовными и сіи пять послѣдующихъ недѣль поста; — такъ напримѣръ:

«Предложивъ духовную трапезу постъ научаетъ насъ обильно насыщаться ею: вкусимъ какъ брашна живительные дары Духа, и піемъ какъ питіе струи слезъ бо-

готовыхъ, и возвеселившись непрестанно привесемъ хвалу Богу.»

«Какъ наречемъ васъ, о Святые? — Херувимами? ибо на васъ почиетъ Христосъ: Серафимами? ибо непрестанно его прославляете: Ангелами ли? ибо вы чуждались своего тѣла: Силами ли? ибо вы творите чудеса. — Многія ваши имена и еще большія дарованія; молитесь о спасеніи душъ нашихъ.»

Равно возвышенны въ продолженіи сего времени и чтенія ветхозавѣтныхъ книгъ, особенно на второй недѣлѣ, Пророка Исаи, когда онъ созерцалъ Господа на горнемъ престолѣ, и шестокрылатыхъ Серафимовъ окрестъ его вопіющихъ: «святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь вся земля славы его!» и когда посреди дыма и гласа исполнившихъ храмъ, одинъ изъ Серафимовъ, горящимъ углемъ съ алтаря, коснулся устъ Пророка, и очищенный дерзнулъ на зовъ Господа: «кого пошлю къ людямъ моимъ?» воскликнуть: «се азъ есмь!»

И вотъ что вдохновенныя уста сіи чуд-

но возвѣстили о Христѣ: «яко отроча родися намъ, сынъ, и дадеся намъ, его же начальство бысть на рамаго, и нарицается имя его: великаго совѣта Ангелъ, чуденъ совѣтникъ, Богъ крѣпкій, властелинъ, князь міра, отецъ будущаго вѣка.»

Не уступаетъ Исаи и премудрый Сомонъ, въ пророческомъ изображеніи тайной вечери, подъ видомъ притчи, на третьей недѣлѣ:

«Премудрость создала себѣ домъ, и утвердила столповъ седмь, заклала свои жертвы и растворила въ чашѣ своей вино и уготовила свою трапезу; послала рабовъ своихъ съ высокимъ проповѣданіемъ: кто безуменъ да уклонится ко мнѣ, и требующимъ ума говоритъ: прїидите и пійте вино, которое я растворила вамъ; оставьте безуміе и будьте живы, дабы во вѣкъ воцариться, и взыщите разума, да будете живы и управьте себя на путь вѣдѣнія.»

Какъ первое воскресеніе поста посвящено памяти о торжествѣ Церкви противъ иконоборцевъ, такъ и второе воспоминаетъ подвиги Св. Григорія Архіепископа Тесса-

лонійскаго, на частномъ соборѣ въ Царьградѣ, противъ ереси Варлаама и Акинди-на, которые не признавали божественности свѣта Преображенія Христова.

Третіе же воскресеніе посвящено поклоненію честнаго креста Господня и вся слѣдующая недѣля называется крестопклонною. Синаксарій сего воскресенія весьма краснорѣчиво и трогательно описываетъ причину торжества.

«Когда проходящіе долгій и жестокий путь, утомленные трудомъ, обрѣтутъ гдѣ либо обильными листьями одѣтое тѣнистое древо, — они присѣвъ немного отдыхаютъ, и какъ будто опять сдѣлавшись юными, совершаютъ остальной путь: такъ и нынѣ въ постное время, посреди при-скорбнаго пути и подвига, насажденъ святыми Отцами живоносный крестъ, подающій прохлажденіе и покой, и утружденныхъ творящій легкими и мужественными къ довершенію труда. И какъ бываетъ при Царевомъ пришествіи, что ему предносятъ знамена и скипетръ, потомъ же и самъ онъ приходитъ, радуясь и веселясь о побѣдѣ,

и вмѣстѣ съ нимъ веселятся всѣ ему послушные: такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, неуклонно хотящій показать побѣду надъ смертію и со славою явиться въ день воскресенія, предпослалъ скипетръ свой, царское знаменіе, животворящій крестъ, исполняющій насъ радости и прохлады, дабы мы были сколь возможно готовыми воспріять самага Царя и восхвалить свѣтлаго побѣдителя; предпослалъ же по среди седмиць святой чотыредесятницы, ибо она подобна горькому источнику, по причинѣ сокрушенія и бывающей намъ отъ поста горести и печали. Какъ нѣкогда божественный Моисей вложилъ древо въ средину горькаго источника и усладилъ его, такъ нынѣ Богъ, проведшій насъ сквозь мысленное Чермное море отъ Фараона, животворящимъ древомъ честнаго креста, услаждаетъ горестъ поста чотыредесятницы и утѣшаетъ насъ, пребывающихъ въ пустынѣ, доколѣ не возведетъ своимъ воскресеніемъ къ мысленному Іерусалиму. И поелику крестъ называется и есть древо жизни, и сіе древо было насаждено по-

среди рая Эдемскаго, то божественные Отцы прилично насадили посреди святой чотыредесятницы крестное древо, напоминая вмѣстѣ и невоздержаніе Адамово и исцѣленіе онаго настоящимъ древомъ, ибо вкушая отъ него не умираемъ, но еще болѣе оживляемся.»

Таково знаменованіе священнаго обряда, совершаемаго на утренни сей недѣли, послѣ великаго славословія. При умиленномъ пѣніи: «святый Боже,» священникъ, предшествуемый діакономъ съ кадиломъ, выноситъ изъ алтаря на главѣ своей крестъ, украшенный цвѣтами, которые напоминаютъ намъ что терновый вѣнецъ распятаго процвѣлъ для насъ розами и лиліями полей. Онъ возлагаетъ его на уготованный аналой, посреди церкви, и простирается предъ нимъ трижды, со всѣмъ народомъ, при трогательномъ восклицаніи:

«Кресту твоему поклоняемся Владыко и святое воскресеніе твое славимъ»

Тогда поются на оба хора стихиры крестные, и величается спасительное древо и

призываются всѣ отечествія языковъ, къ его радостному поклоненію.

Въ два послѣдующія воскресенія великаго поста предлагаются, въ назиданіе вѣрнымъ, духовные подвиги двухъ великихъ пустынножителей: въ четвертое, — святаго Іоанна Лѣстничника, который проведя девяностолѣтнюю жизнь въ созерцаніи на горѣ Синайской, оставилъ намъ свое высокое твореніе подъ названіемъ лѣстницы. Лѣстница сія тридцатью ступенями, по числу лѣтъ земнаго возраста Христова, до времени его явленія міру, изображаетъ постепенное духовное усовершенствованіе Христіанина, и есть зеркало житія иноческаго, запечатлѣннаго собственнымъ примѣромъ Іоанна.

Дивная жена, Св. Марія Египетская, изъ бездны порока внезапно переступившая въ состояніе раскаянія, въ храмъ Іерусалимскомъ, и потомъ достигшая совершенства духовнаго, въ пустынь Іорданской, и даже силы чудодѣйственной, является намъ въ пятое воскресеніе какъ разительный примѣръ благодати Божіей надъ каю-

щимся грѣшникомъ, приглашая и насъ къ разрѣшенію отъ страстей. Большая часть сей пятой недѣли поста убѣдительно насъ къ тому призываетъ; повторяется также чтеніе великаго канона Св. Андрея Критскаго, ибо уже близки великіе дни страданій Господнихъ.

Въ субботу же Церковь торжественно прибѣгаетъ къ покрову Божіей Матери, обращая почти всю утреннюю въ одинъ умиленный акаѳистъ Пресвятой Дѣвѣ, избранной воеводѣ вѣрныхъ, съ частыми изъ глубины сердца восклицаніями: «радуйся невѣста неневѣстная!» Нѣкогда при Царѣ Иракліѣ и Патріархѣ Сергіѣ, ея заступленіемъ, спасена была столица Греческая отъ губительной осады Сарацынъ и Скиѳовъ, въ сіи самые дни поста, и тогда, собравшіеся въ Влахернскомъ храмѣ клиръ и народъ, совершили въ честь ея благодарственное пѣснопѣніе, не сядя съ для отдыха въ теченіи цѣлой ночи, отъ чего и произошло названіе: несѣдальнаго, по Гречески акаѳистъ.

Поелику въ семь пѣснопѣній, между

хвалебными восклицаніями въ честь пресвятой Дѣвы, возвышенно изображено таинство воплощенія Сына Божія: то Церковь узаконила для памяти и назиданія грядущихъ родовъ, въ опредѣленный день совершать сіе служеніе, называемое похвалою Богородицы, а свободному усердію сыновъ своихъ поручила частое возобновленіе акаѳиста, въ особенныхъ церковныхъ и домашнихъ молитвахъ.

»Радуйся, поютъ ей вѣрные, цвѣтъ неувядаемый, древо принесшее яблоко благовонное, сладкоуханная лилія, пріятное кадило молитвы, одушевленный рай, облакъ всесвѣтлый, свѣтило незаходямаго свѣта, звѣзда являющая солнце, колесница сущаго на Херувимахъ, корабль хотящихъ спастися, отишіе въ пучинѣ скорбей, пристанище житейскихъ плаваній, столпъ огненный вводящій человѣчество въ вышнюю жизнь! »

Шестая недѣля великаго поста есть какъ бы нѣкое отдохновеніе на трудномъ его поприщѣ, ибо два послѣдніе дня ея: суббота Лазаря и вербное воскре-

сеніе празднуются, а всѣ каноны и стихиры прочихъ дней приготавлиють мысленно къ радостному срътенію Христову, съ ваіями добродѣтелей, отваливъ камень ожесточенія отъ сердца.

»Марѣѣ и Маріи подражая, вѣрные, пошлемъ ко Господу божественныя дѣянія, какъ молитвы, дабы онъ пришедъ воскресилъ нашъ умъ, мертвъ лежащій во гробъ лѣности безчувственной, и отнюдь не ощущающій божественнаго страха, и не имѣющій въ себѣ жизненныхъ силъ; воззовемъ ко Господу: Господи щедрый, ты, страшнымъ твоимъ предстаніемъ оживилъ древле друга твоего Лазаря, — такъ и всѣхъ насъ оживи, имѣющій велию милость.»

На сей недѣль кончается чтеніе книги Бытія, трогательною повѣстію о Іосифѣ, который, какъ образъ Христа, проданъ былъ братіею за тридцать сребренниковъ и узнанъ ею въ Египтѣ, и повѣстію погребенія Іакова въ земль обѣтованной. Въ то же время Исаія, яркими пророчествами, указываетъ на самаго Христа восклицая:

»Такъ глаголетъ Господь: се я далъ

тебя въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкамъ, дабы ты былъ имъ во спасеніе, даже до послѣднихъ земли. Такъ глаголетъ Господь, избавившій тебя Богъ Израилевъ: освятите уничижающаго душу свою, которымъ гнушаются рабы князей языческихъ; Цари узрятъ его и востанутъ князья и поклонятся ему Господа ради, ибо вѣренъ Святый Израилевъ, и я избралъ тебя.»

Пророчества Софоніи и Захаріи, читаемая на вечерни вай, столь же ясно предвозвѣщаютъ пришествіе Господа въ обрадованный Сіонъ и даже самыя обстоятельства его вербнаго торжества:

»Радуйся дщерь Сіона, проповѣдуй дщерь Іерусалимская, се Царь твой грядетъ къ тебѣ, праведенъ и спасаея; онъ кротокъ и возсѣлъ на подъяремника и жребца юнаго.»

Воздвигается и умирающій Патріархъ Іаковъ на смертномъ одрѣ своемъ, чтобы возвѣстить будущее двѣнадцати сынамъ своимъ и Христа грядущаго отъ Іуды:

»Призвалъ Іаковъ сыновъ своихъ и рекъ имъ: соберитесь да возвѣщу вамъ, что срѣтитъ васъ въ послѣдніе дни; соберите-

ся и послушайте меня сыновья Иаковли, послушайте Израиля, послушайте отца вашего. Иуда, тебя похвалят братія твои; руки твои на раменахъ враговъ твоихъ, поклонятся тебѣ сыновья отца твоего. — Скимень (дѣтище) львовъ Иуда, отъ лѣто-расли возшелъ ты сынъ мой, возлегъ и уснулъ какъ левъ и скимень! — кто возбудить его? Не оскудѣетъ Князь отъ Иуды и вождь отъ чреслъ его, доколѣ не прійдетъ предуставленный ему Умиротворитель, и Сей есть чаяніе языковъ.»

Сими высокими пророчествами встрѣчаетъ Церковь вербное торжество въ день воскресенія Лазарева, которое узаконила она праздновать наканунѣ, потому что оно близко предшествовало страданіямъ Христовымъ и потому что служить утѣшительнымъ увѣреніемъ общаго всѣхъ востанія; — такъ и поется:

«Общее воскресеніе прежде твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвигъ еси Лазаря, Христе Боже; тѣмъ же и мы, яко отроцы, побѣды знаменіе носяще, тебѣ побѣдителю смерти вопіемъ: осанна

въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»

На память сего радостнаго пришествія Господа, и мы, приѣмля въ руки освященныя вербы, исходимъ какъ бы на срътеніе кроткому Царю, грядущему на вольную страсть, взывая:

«Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра и вси взявши крестъ твой глаголемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»

А святая Церковь, какъ благая мать, руководя насъ къ сему духовному торжеству, глубокими созерцаніями поясняетъ намъ, что значать сіи вѣтви и какъ должно встрѣтить въ ними Христа:

«Восплещемъ согласно вѣрные, принося Христу подобно отрокамъ, вѣтви добродѣтелей; распростремъ и мы на пути его одежды боголюбезныхъ дѣлъ и таинственно Его приѣмемъ.»

ПИСЬМО V.

Приступая къ описанію богослуженія страстной седмицы, я невольно останавливаюсь, пораженный величіемъ предмета, котораго, быть можетъ, неосторожно коснулся; ибо сію великую седмицу наипаче украсила Церковь, возвышенными пѣснями и знаменательными обрядами, и премудрымъ расположеніемъ Пророческихъ и Евангельскихъ чтеній, такъ чтобы даже и разсѣянный Христіанинъ, созерцаніемъ одной сей недѣли, былъ приготовленъ къ срътенію Пасхи и чтобы день Господень, по словамъ Писанія, не пришелъ къ нему неожиданно «яко тать нощю.»

Каждый день страстной седмицы, есть какъ бы шагъ въ вѣчность, ибо ея днями постепенно обозначены послѣдніе дни

земной жизни Христовой и съ ними идутъ они ровною стопою, — какой страшный отголосокъ событій! Сколь же внимательны должны мы быть къ симъ искупительнымъ днямъ, ибо и мы призваны идти въ путь земной и небесный вслѣдъ за Христомъ!

«Грядый Господь къ вольной страсти, Апостоламъ глаголаъ на пути: се восходимъ во Іерусалимъ и предается Сынъ человѣческій, какъ о немъ писано есть. Приидите и мы, очищенными мыслями, сопутствуемъ ему и сораспнемся, и будемъ ради его мертвы житейскимъ сластямъ, да съ нимъ и оживемъ, и услышимъ его вопіющаго: — я уже болѣе не восхожу въ земной Іерусалимъ для страданій, но къ Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему, и возвышу васъ съ собою въ горній Іерусалимъ, въ царство небесное.»

«Господи, ты рекъ своимъ ученикамъ: взирая на меня не мудрствуйте высокое, но руководитесь смиреніемъ: — пійте ча-

шу мою, которую я пію, да и вы прославитесь со мною въ царствіи Отца.»

«Богатый Божествомъ, пришелъ я, самъ Создатель, послужить обнищавшему Адаму, коего образъ волею на себя принялъ и, безстрастный по Божеству, восхотѣлъ я положить за него душу.»

Сими возвышенными увѣщаніями, какъ бы отъ лица самаго Спасителя, срѣтаетъ насъ великая седмица его страданій, на первой утренни, руководя подобными назиданіями и въ послѣдующіе дни. Органами же столь высокихъ созерцаній служатъ два духовные пѣвца, оба пустынники, оба святители, но одинъ оставившій паству для уединенія, другой изъ безмолвія восшедшій на кафедру: Косма Маіумскій и Андрей Критскій вторятъ другъ другу, утренними и вечерними трипѣсницами, какъ бы нѣкими антифонами, пересылаемыми отъ утра къ вечеру и отъ вечера къ утру; оба они подобно двѣмъ свѣтиламъ озаряютъ священные дни сіи.

На каждой утренни возбуждаемся мы отъ сна грѣховнаго къ духовнымъ подви-

гамъ, рукою благодѣтельной Церкви, которая заблаговременно толчетъ въ затворенныя двери нашего сердца, чтобы грядущій Господь не засталъ насъ спящими не пробудно.

«Се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща; недостоинъ паки, его же обрящетъ унывающа: блюди убо, о душе! не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши и царствія внѣ затворишися; но воспрями зовуще: святъ, святъ, святъ еси Господи, Богородицею помилуй насъ.»

Мы же, пробужденные симъ спасительнымъ зовомъ и чувствуя свое недостоинство, плачемъ, какъ Адамъ предъ дверями рая, какъ невѣста оставленная предъ брачнымъ чертогомъ:

«Чертогъ вижу, Спасе, твой украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ онъ; просвѣти и одѣянiе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя.»

Сообразно съ величiемъ дней возвышается и богослужение: къ часамъ и вечернѣ, которые во все теченiе поста совершались

въ понедѣльники и вторники, присоединяется преждеосвященная обѣдня, подобно какъ бываетъ въ среду. Измѣняется и самое чтеніе книгъ ветхаго Завета, хотя соблюденъ тотъ же порядокъ.

Вмѣсто Исаіи является на шестомъ частъ Пророкъ Іезекіилъ, исполненный страшныхъ, таинственныхъ видѣній, которыя видѣлъ онъ на водахъ Ховарскихъ, во дни плѣненія Вавилонскаго. Онъ видитъ на огненныхъ колесахъ, движимыхъ Духомъ, дивные образы животныхъ, шестокрылатыхъ, многоочитыхъ, съ четырьмя ликами : орла, тельца, льва и человѣка, которыя даны Церковію символами Евангелистамъ; онъ видитъ ихъ стоящихъ лицомъ на всѣ страны, и всюду стройно идущихъ и возносящихся надъ землею, а надъ ними сіяніе славы Господней въ подобіи человѣческомъ; видитъ и таинственную книгу, которую дастъ ему вкушать Ангелъ, и находитъ ее сладкою.

Такъ и за вечернею чтеніе Бытія кончилось: древній Іаковъ погребенъ уже въ землѣ обѣтованной; открывается вторая

книга Моисеева, — Исходъ изъ Египта, подъ именемъ коего Писаніе всегда знаменуетъ царство грѣха, строго воспрещая къ нему обращаться сынамъ Израиля. Рожденіе Моисея и его чудное спасеніе въ колыбели, на водахъ Нила, и воспитаніе при дворѣ Фараона, и бѣгство въ пустыню Мадіамскую, гдѣ его ожидали откровенія Божіи, — все сіе предлагается намъ въ первые три дня.

Краснорѣчиво говоритъ также нашему сердцу многострадаальный Іовъ въ замѣнѣ Соломоновыхъ притчѣй. Мы постепенно видимъ три разительныя эпохи его жизни: сперва является онъ во всемъ блескѣ земнаго благополучія, богатый имуществомъ, богатый дѣтьми, за коихъ ежедневно молить, дабы не погрѣшили предъ Господомъ, хвалимый Ангелами и возбуждавшій зависть діавола, который проситъ о испытаніи праведника бѣдствіями. И вотъ, въ промежуткѣ чтеній, для насъ протекъ одинъ только день, а для Іова день сей какъ бы цѣлая вѣчность, — такъ внезапно исчезло его благоденствіе: хищники расхитили ста-

да, пустынный вѣтеръ обрушилъ на дѣтей храмину; но Іовъ не ропщетъ: «Господь даде, Господь отъя!» восклицаетъ онъ, раздирая свои одежды. Въ третій день онъ уже сидитъ предъ нами на гноищѣ, покрытый язвами, терзаемый упреками жены и друзей, и посреди всѣхъ сихъ искушеній Іовъ смиренъ сердцемъ «и не даде безумія Богу.»

Воспоминаніе сего невиннаго страдальца, во всѣ дни недѣли, и въ первый день память Іосифа, проданнаго братьями за тридцать сребренниковъ, вверженнаго въ темницу между двухъ преступниковъ, изъ коихъ одинъ спасается, другой гибнетъ, и наконецъ вознесеннаго надъ всемъ Египтомъ, который онъ чудно питаетъ хлѣбомъ, — воспоминаніе сіе возводитъ насъ, древними образами Христа, къ самымъ страданіямъ Христовымъ.

Но свѣше всѣхъ книгъ ветхаго Завета питаетъ душу въ великіе дни сіи чтеніе Евангельское; каждый день, на утренни и на обѣдни, внимаемъ мы современнымъ дѣяніямъ Христовымъ: въ понедѣльникъ — о

изсушеніи имъ смоковницы, за ея неплодіе, и пророчество его о кончинѣ міра, а потому Церковь предостерегая насъ поетъ:

«Братіе, убоившись проклятія смоковницы, изсохшей за ея неплодіе, принесемъ плоды, достойные покаянія Христу, подающему намъ великую милость.»

Во вторникъ, изъ Евангельскихъ притчей, о пяти мудрыхъ и пяти безумныхъ дѣвахъ, не возжегшихъ свѣтильники на срѣтеніе жениху, и о талантахъ, дарованныхъ отходящимъ владыкою рабамъ своимъ, извлекаются также назидательныя стихиры.

«Пріидите вѣрныя, поработаемъ усердно Владыкѣ, ибо онъ раздаетъ рабамъ своимъ богатства; каждый да умножитъ въ себѣ талантъ благодати: одинъ пусть принесетъ мудрость, какъ плодъ благихъ дѣлъ, другой да совершаетъ служеніе просвѣщенія; вѣрный пусть сообщается словомъ тому, кто не вѣдаетъ таинствъ, и богатый да расточаетъ убогимъ; такъ усугубимъ мы данное намъ въ займы, и какъ вѣр-

ные строители благодати, сподобимся радости владычней.»

Въ среду, на утренни, постепенное чтеніе Евангелиста Матѳея, прерывается Евангеліемъ Іоанна, въ коемъ Спаситель, предъ самымъ страданіемъ прославляется свыше, небеснымъ гласомъ, и возвѣщаетъ вольную смерть свою; а на литургіи опять повѣствуетъ Апостолъ Матѳеей о блаженной женѣ, пролившей миро на главу и ноги Іисусовы, и тѣмъ помазавшей его на смерть; посему поется:

«Тебя, сына Дѣвы, Богомъ познала блудница и съ плачемъ къ тебѣ взывала, ибо сотворила дѣла достойныя слезъ: разрѣши долгъ мой, какъ я разрѣшила власы, возлюби любящую, праведно ненавижимую, и я вмѣстѣ съ мытарями проповѣдаю о тебѣ, благодѣтель чловѣковъ.»

Но Церковь не довольствуется краткими Евангельскими чтеніями для столь великихъ дней: нѣтъ, она желаетъ одною седмицею замѣнить шесть предъидущихъ, въ теченіи коихъ лишены были вѣрныя утѣшительнаго благовѣстія, и потому въ пер-

вые три дня, на часахъ, прочитываются всѣ четыре Евангелія: Матѳея и Марка въ понедѣльникъ, Луки и Іоанна во вторникъ и среду. Такимъ образомъ не одни страданія Христовы, но вся жизнь, весь Новый Завѣтъ его повторяются памяти предъ искупительною Пасхою, подобно какъ и въ Ветхомъ Завѣтъ, Моисей повторилъ Израильтянамъ всѣ заповѣди Божіи, второзаконіемъ, предъ тѣмъ какъ другой Іисусъ, Іисусъ Навинъ, долженствовалъ ввести ихъ чрезъ Іорданъ въ землю обѣтованную.

Таковы три первые дня страстной недѣли, сходные между собою богослуженіемъ; но три послѣдующіе носятъ на себѣ разительный отпечатокъ молитвъ и обрядовъ, исключительно присвоенныхъ каждому изъ нихъ, сообразно съ важностію воспоминаній.

Измѣненіе сіе начинается уже съ самой утренни великаго четверга, во время коей оставляется обычное чтеніе псалтыря, и послѣ Евангелія отъ Луки о вечери тайной, канонъ Св. Космы, ее воспѣвающій, замѣняетъ великопостный

трипѣснецъ; а на первомъ часть предлагается пророчество Іереміино о страданіяхъ Господнихъ:

«Я же, какъ агнецъ, незлобивый, ведомый на заколеніе, не примѣчалъ, что на меня умыслили помысль лукавый глаголющіе: прїидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его, и истребимъ его отъ земли живыхъ, и да не помянется болѣе имя его.»

О томъ же пророчествуетъ Исаія на вечерни, которая въ сей день совершается вмѣстѣ съ литургіею великаго Василія, ибо вечернее время соотвѣтствуетъ самому часу вечера тайной.

«Господь даетъ мнѣ языкъ наученія, чтобы разумѣть когда подобаетъ изрекать слово. Рамена я далъ на раны, и ланиты мои на заушенія, лица же не отвратилъ отъ стыда заплеваній, и Господь, Господь помощникъ мнѣ былъ; сего ради не устыдился, но положилъ лице свое какъ твердый камень и разумѣлъ, что не буду постыжденъ, ибо приближается оправдающій меня.»

И стихиры великаго четвертка выражаютъ

съ одной стороны козни Іудейскія и вѣроломство Іуды, съ другой терпѣніе агнца Божія:

»Уже стекается соборище Іудейское, да предасть Содѣтеля и Зиждителя всѣхъ Пилату. О незаконные! о невѣрные! они готовятъ на судъ грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ, исцѣляющаго страсти страстямъ обрекаютъ! Господи долготерпѣливый, велія твоя милость, слава тебѣ.»

»Агнецъ, котораго проповѣдалъ Исаія, грядетъ на вольное заколеніе и плечи дасть на раны, ланиты на заушенія, лица же не отвратилъ отъ стыда заплеваній, и на смерть неблаговидную осуждается; безгрѣшный все пріемлетъ волею, да всѣмъ даруетъ изъ мертвыхъ воскресеніе.»

Въ сей день, воспоминающій кроткое преподаваніе Новаго Завѣта за мирною вечерею, запечатлѣнною кровію Богочеловѣка, — противуполагается картина Ветхаго Завѣта, даннаго Моисею посреди бурь и громовъ Синайскихъ, и книга Исхода огненными чертами живописуетъ дивное событіе.

»Въ третій день, при наступленіи утра, раздались гласы и были молніи и облакъ

мрачный на горѣ Синайской; сильно раздавался гласъ трубный и убоялись всѣ люди въ станѣ Израильскомъ. Моисей извелъ народъ въ срътеніе Богу изъ стана и поставилъ подѣ горою; гора же вся дымилась, ради схождения Божія на нее въ огнь, и восходилъ дымъ какъ дымъ пещный, и ужаснулись всѣ люди; сильно и громко истекали трубные гласы: Моисей глаголаше, Богъ же отвѣтствовалъ ему гласомъ.»

Вслѣдъ за сею предлагается другая таинственная бѣсѣда Бога съ человекомъ, опять сквозь бурю и облакъ. Господь говоритъ Іову, когда уже начиналъ онъ, отъ продолженія бѣдствій, колебаться сомнѣніемъ о правдѣ Божіей, и вопрошаетъ его: испыталъ ли онъ премудрость Божію въ дѣлахъ творенія? Гдѣ былъ человекъ, когда Господь основалъ землю и всѣ Ангелы его восхваляли? — Слѣдуетъ великолѣпный рядъ картинъ мірозданія: какъ заградилъ Господь врата изливающагося моря и далъ ему въ одѣяніе облака, и повилъ его мглою, и положивъ ему предѣлы, рекъ: «доселѣ дойдеши и не прейдеши и въ

тебѣ сокрушатся волны твои.» Каждый изъ вопросовъ разителенъ своимъ необъятнымъ величіемъ брѣнному человѣчеству, и изнемогающій подъ симъ бременемъ Іовъ наконецъ восклицаетъ то, что долженъ воскликнуть изъ глубины сердца, а не суетнаго ума, всякій дерзкій испытатель судебъ Божіихъ: «вѣмъ Господи, яко вся можеши, не возможно же тебѣ ничтоже!» И тогда, послѣ сознанія своего ничтожества, вмѣстѣ со смиреннымъ Іовомъ и онъ можетъ сказать Господу: «прежде я только слышалъ о тебѣ слухомъ уха, нынѣ же и око мое видитъ тебя.»

О семъ утѣшительномъ видѣніи Бога, который сдѣлался намъ доступнымъ въ образѣ человѣческомъ и, сообщеніемъ собственнаго тѣла и крови, далъ намъ Новый Заветъ, для обновленія нашего, трогательно повѣствуетъ въ своемъ посланіи, на литургіи, Апостолъ Павелъ, а Евангелистъ Матѳей, отъ вечера тайной приводитъ насъ къ началу страданій Господнихъ, къ болѣзненной молитвѣ во мракѣ Элеона, и горькому преданію, и отреченію Петра. На

столь страшномъ мѣстѣ останавливается Евангеліе, и обличеніе Іуды вмѣстѣ съ сокрушенною молитвою разбойника, на сей литургіи, замѣняетъ даже Херувимскую торжественную пѣснь:

«Вечери твоея тайныя днесъ, Сыне Божій, причастника мя пріими, не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія ти дамъ яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдуюся: помяни мя Господи во царствіи твоємъ.»

И обычная похвальная пѣснь Богоматери уступаетъ ирмосу утренняго канона, чтобы напоминованіемъ вечери Христовой болѣе приготовить сердце къ ея пріятію.

»Пріидите вѣрные, на горнемъ мѣстѣ, насладимся Владычнымъ угощеніемъ и безсмертною трапезою, возвышенными умами, изъ слова, научаясь познанію восшедшаго паки ко Отцу Богу Слова, котораго величаемъ.»

Когда Архіерей совершаетъ торжественное служеніе великаго четвертка, то, какъ носящій на себѣ образъ Христовъ, дополняетъ онъ изображеніе тайной его вечери, повтореніемъ, послѣ литургіи, смиреннаго умовенія ногъ ученикамъ. Посреди

церкви на возвышенномъ амвонѣ, разоблачается Святитель, въ кругу двѣнадцати сидящихъ Пресвитеровъ, и слѣдуя словамъ Евангелія отъ Іоанна, громогласно читаемаго Діакономъ съ кафедры, беретъ лентіонъ, возливаетъ воду въ умывальницу и омываетъ имъ ноги. Для совершеннаго подобія чтеніе Евангелія переходитъ изъ устъ Діакона въ уста Архіерея и старшаго изъ сослужащихъ; симъ послѣднимъ повторяются слова Апостола Петра, претящаго омыть себѣ ноги, самимъ же Архіереемъ отвѣтъ Христовъ; наконецъ вновь облачившись садится онъ посреди Пресвитеровъ и доканчивая чтеніе Евангелія говоритъ имъ отъ лица Господня:

«Вы глашаете мя учителя и Господа, и добрѣ глаголете, есмь бо; аще убо азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и учитель, и вы должны есте другъ другу умывати нозѣ, образъ бо дахъ вамъ, да яко же азъ сотворихъ вамъ и вы творите. Аминь, аминь, глаголю вамъ, нѣсть рабъ болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его; аще сія вѣсте, блажени ести, аще творите я.»

ПИСЬМО VI.

Наступилъ великій пятокъ со всѣми воспоминаніями страстей Господнихъ; онъ стоитъ между знаменательными днями сей недѣли, какъ нѣкій возвышенный крестъ, пріосѣняющій субботній гробъ Христовъ: — до такой степени исполненъ онъ весь безчестіемъ и славою креста! каждый часъ его есть мѣра искупительныхъ страданій Богочеловѣка; ихъ отголосокъ отзывается въ каждомъ глаголь его духовныхъ пѣсней, пророчествъ и Евангелій.

Одна его утрення есть уже повѣсть всѣхъ страданій Христовыхъ, исторически расположенныхъ въ двѣнадцать Евангеліяхъ; всѣ событія Пятка являітся въ хронологическомъ порядкѣ, отрывками избранными изъ всѣхъ Евангелистовъ, начи-

ная отъ трогательной бесѣды Господа, прощающагося съ учениками на вечери тайной, и послѣдней его молитвы предъ разлукою, въ такой цѣлости сохраненныхъ любящимъ сердцемъ Іоанна: «нынѣ прославися Сынъ человѣческій и Богъ прославися о немъ» и до послѣдней злобы Фарисеевъ уже надъ умершимъ, которые по словамъ Матѳея: «шедше утвердиша гробъ, знаменовавше камень съ кустодіею.»

Тоже самое чтеніе о страданіяхъ предлагается опять на царскихъ часахъ, особенно для сего дня составленныхъ изъ псалмовъ, относящихся къ страданіямъ Христовымъ, но только въ другомъ порядкѣ: тамъ соблюдалась въ повѣствованіи постепенность событій, здѣсь же напротивъ, выступаютъ въ видѣ свидѣтелей четыре Евангелиста, одинъ за другимъ повторяя то же великое событіе, но разнствуя только въ изреченіяхъ. Это самое даетъ имъ признакъ достовѣрныхъ свидѣтелей, которые согласны въ существѣ дѣла, потому что вѣрно повѣствуютъ то, что вѣрно зна-

ютъ; разнятся же иногда въ словахъ, ибо говорятъ, что знаютъ, а не то, въ чемъ взаимно условились. Наконецъ, на вечерни, которая молитвами и обрядами живописуетъ самое распятіе и погребеніе Господне, исторія дня сего, прежде представленная въ раздѣленныхъ чтеніяхъ, сливается въ одно чтеніе, составленное изъ трехъ Евангелистовъ, и происшествія протекаютъ, однимъ непрерывнымъ потокомъ, предъ нашими очами.

Таково премудрое расположеніе Евангельскихъ чтеній; не уступаетъ оному выборъ изъ посланій Апостольскихъ и книгъ ветхозавѣтныхъ, и самыхъ антифоновъ и стихиръ, на утренни, часахъ и вечерни; торжество же литургіи не совершается въ день сей, какъ ради сокрушенія и плача Церкви, такъ и по той глубокой мысли, что жертва Голгоѣская, принесенная Спасителемъ въ великій Пятокъ, есть единственная и заключаетъ въ себѣ всѣ жертвы всѣхъ алтарей.

Между первыми шестью Евангеліями утренни пятнадцать возвышенныхъ анти-

фоновъ, частію извлеченныхъ изъ псалмовъ и пророчествъ, частію изъ сердечныхъ сокровищъ пѣвцевъ духовныхъ, потрясаютъ душу умилительными стихами.

«Представимъ чистыми наши чувства Христу, и какъ друзья его пожертвуемъ для него нашими душами, и не станемъ угнѣтать себя попеченіями житейскими, вмѣстѣ съ Іудою, но во внутреннихъ храминахъ нашихъ возопіемъ: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, отъ лукаваго насъ избави.»

Антифонъ сей вполне соответствуетъ своему наименованію, ибо онъ противуполагаетъ миръ Христіанскій злобѣ Іудейской, выраженной въ первомъ стихѣ его, словами пророческаго псалма:

«Князи людстѣи собрашася на Господа и на Христа его.»

Другіе антифоны заключаютъ въ себѣ также прорицанія ветхозавѣтныя о Христѣ:

«Поставиша тридесять сребренниковъ, цѣну цѣннаго, его же оцѣниша отъ сыновъ Израилевыхъ.»

«Даша въ снѣдъ мою желчь и въ жажду мою напоиша мя оцта.»

«Раздѣлиша ризы моя себѣ и о одеждѣ моей меташа жребій.»

Посреди столь разительныхъ своею ясностію пророчествъ, пріавшихъ исполненіе въ сей великій пятокъ, еще иные антифоны выражаютъ дивную противоположность Божества и страждущаго человечества, въ одномъ лицѣ Христовомъ.

«Днесъ висить на древѣ повѣсившій на водахъ землю; вѣнцомъ изъ тернія вѣнчается Ангеловъ Царь; облакается въ ложную багряницу одѣвающій облаками небо; заушеніе пріемлетъ освободившій въ Іорданѣ Адама! поклоняемся страстямъ твоимъ, Христе, покажи намъ и славное свое воскресеніе.»

И вотъ что, въ тѣхъ же пѣсняхъ, взываетъ со креста распятый къ распинателямъ :

«Людіе мои что сотворилъ я вамъ или чѣмъ васъ огорчилъ? — слѣпцевъ вашихъ я просвѣтилъ; прокаженныхъ очистилъ, разслабленнаго съ одра воставилъ. —

Людіе мои, что сотворилъ я вамъ и что вы мнѣ воздали? — за манну желчь, за воду оцетъ, вмѣсто любви ко кресту меня пригвоздили; но я уже не терплю болѣе: призову моихъ язычниковъ, и тѣ меня прославятъ, со Отцемъ и Духомъ, и я имъ дарую жизнь вѣчную.»

Ликъ Апостольскій вопіетъ также къ законоположникамъ Израилевымъ:

«Се храмъ, который вы раззорили, се агнецъ, котораго вы распяли и предали гробу, но властію своею онъ воскресъ. Не обманывайтесь, Іудеи, онъ есть спасшій васъ посреди Чермнаго моря и питавшій въ пустынь; онъ есть жизнь и свѣтъ и миръ міра.»

Въ противоположность такому ихъ невѣрію,

«Малый гласъ испустилъ на крестъ разбойникъ и великую обрѣлъ вѣру, въ одно мгновеніе спасся и первый взошелъ въ отверзшіяся врата рая. Господи, пріемшій его покаяніе, слава тебѣ.»

Столь же трогательныя тропари предшествуютъ и на царскихъ часахъ чтенію

четырехъ пророчествъ: Софоніи, Іере-
міи и Исаіи. Послѣ нихъ, предъ каж-
дымъ изъ Евангелистовъ, Апостолъ Па-
велъ, носящій на себѣ язвы Господа Іи-
суса, возвѣщаетъ о славѣ креста, имъ
однимъ похваляясь, и объясняетъ намъ всю
любовь Бога, давшего пострадать за насъ
Христу, который поставленъ Первосвящен-
никомъ для очищенія грѣховъ нашихъ;
онъ наконецъ восклицаетъ:

«Ежели отвергнѣйся закона Моисеева,
при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ
милосердія наказывается смертію, то сколь
жесточайшему, думаете, мученію повиненъ
тотъ, кто попираетъ Сына Божія, и не
почитаетъ за святыню кровь завѣта, кото-
рою онъ освященъ, и ругается надъ Ду-
хомъ благодати? — страшно впасть въ
руки Бога живаго!»

Еще слухъ и сердце исполнены сими
высокими впечатлѣніями, когда опять по-
вторяются намъ всѣ страшныя обстоятель-
ства распятія Господня на великой вечерни,
и даже въ самое время его событія: ибо у
Евреевъ, какъ и теперь на Востокъ, часы

дня считались отъ восхожденія солнца, а потому шестый часъ распинанія соотвѣтствовалъ полдню; девятый же, когда предалъ духъ Спаситель, третьему, и такимъ образомъ мы въ одно время съ Аримаѳеемъ приступаемъ къ погребенію божественнаго тѣла; но прежде готовятъ насъ къ оному таинственнымъ пѣсни и пареміи.

«Вся тварь измѣнялась отъ страха, зря тебя на крестъ висящаго, Христе: солнце омрачилось и потряслись основанія земли; все сострадало создавшему все! Господи, волею насъ ради пострадавшій, слава тебѣ.»

Такъ возглашаетъ одна стихира и ей вторитъ другая:

«Страшное и преславное таинство днесь зрится: неосязаемому прикасаются, вяжется разрѣшающій отъ клятвы Адама; испытующій сердца и утробы неправедно испытуется; въ темницу затворенъ затворившій бездну; Пилату предстоитъ тотъ, кому съ трепетомъ предстоятъ небесныя силы; рукою созданія заушается Создатель; на крестъ осуждается судія живыхъ и мертвыхъ; во гробъ заключается раззоритель ада! О

незлюбивый Господи, все терпящій мило-сердно и всѣхъ спасающій отъ клятвы, слава тебѣ.»

На пареміяхъ Пророки Моисей и Исаія выступаютъ, какъ бы на нѣкое духовное прѣніе, противопоставляя другъ другу, одинъ несказанную славу, другой несказанное уничиженіе Господа; но сіи обѣ, мнимыя только крайности, теряются въ необъятности безконечнаго существа Божія, ибо ограниченному человѣческому разуму равно непостижимо состояніе уничиженія Господа, какъ и состояніе его славы. Издали только можно созерцать ее въ безмолвномъ ужасѣ, подобно Моисею, когда сей отважнѣйшій изъ всѣхъ молитвенниковъ, дерзновенно молилъ Господа показать ему славу свою, и скрылся отъ лица Божія въ разсѣлинахъ камней Синая.

И кроткій Исаія, еще за шесть вѣковъ до его воплощенія, напрягаетъ силы духа, чтобы вынести зрѣніе Бога, хотя умѣрившаго неприступный свѣтъ, сквозь облаченіе умаленнаго образа человѣческаго; но посреди жалостнаго созерцанія всѣхъ его

страданій, за грѣхи міра, проникнутый ужасомъ онъ восклицаетъ: »родъ же его кто исповѣсть?«

»Такъ глаголетъ Господь: се уразумѣетъ отрокъ мой и вознесется и много прославится! ужаснутся о тебѣ многіе, — такъ обезславится отъ человѣкъ видъ твой и слава твоя отъ сыновъ человѣческихъ; такъ удивятся о немъ языки многіе, и цари заградятъ уста свои; ибо его узрятъ тѣ, коимъ не возвѣщали о немъ и неслышавшіе о немъ уразумѣютъ. Господи, кто вѣровалъ слуху нашему, и мышца Господня кому открылась? Мы возвѣстили имъ отрока, какъ корень въ землѣ жаждущей; нѣтъ вида ему, ни славы, и мы зрѣли его и не имѣлъ онъ вида, ни красоты; но видъ его умаленъ и безчестенъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, — человѣкъ въ язвѣ сущій и вѣдущій терпѣть болѣзнь; всѣ отвращаютъ лице свое отъ него, онъ поруганъ и вмѣненъ за ничто. Сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ, а мы думали, что онъ наказанъ отъ Бога язвою и трудомъ; онъ же му-

чимъ былъ за грѣхи наши и за беззаконія наши терзаемъ; наказаніе нашего міра на немъ, язвою его мы исцѣлѣли. Всѣ мы какъ овцы заблудились, человекъ совратился съ пути своего, и для нашихъ грѣховъ предалъ его Господь; и онъ, посреди оскорбленій, не отверзаетъ устъ своихъ, какъ овца ведется на закаланіе, безгласенъ какъ агнецъ предъ стригущимъ; въ униженіи его совершился судъ, — родъ же его кто изъяснить?»

Апостолъ Павелъ разрѣшаетъ, своимъ посланіемъ, таинственное недоумѣніе обоихъ Пророковъ; онъ примиряетъ между собою славу и безславіе Господа — словомъ крестнымъ.

«Ибо слово о крестѣ для погибающихъ есть безуміе, а для насъ спасаемыхъ — сила Божія; ибо написано: уничтожу мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ ниспровергну. Гдѣ мудрецъ, гдѣ книжникъ, гдѣ искусный въ состязаніяхъ вѣка сего? Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе? Ибо когда міръ, своею мудростію, не позналъ Бога въ премудрости Божіей,

тогда благоугодно было Богу спасти вѣрующихъ — невѣжествомъ проповѣди. Іудеи требуютъ чудесъ, а Еллины ищутъ мудрости, но мы проповѣдуемъ Христа распятаго, — для Іудеевъ соблазнъ, для Еллиновъ безуміе, для самихъ же призванныхъ Іудеевъ ли, или Еллиновъ, — Христа, Божію силу и Божію премудрость; потому что безумное Божіе мудрѣе чело-вѣковъ и немощное Божіе сильнѣе чело-вѣковъ.»

Между тѣмъ, во время чтенія сихъ возвышенныхъ писаній и Евангелія, протекли для насъ, въ благоговѣйномъ созерцаніи, самые часы страданія Господня и наступилъ девятый часъ погребенія. Тогда, въ лицѣ Іосифа Аримаѳейскаго, Епископъ, окруженный священнымъ соборомъ, сперва наполняетъ благовошіемъ кадила свя-тый олтарь, въ память тѣхъ ароматовъ, коими обвилъ погребатель божественное тѣло; потомъ подымаетъ его подобіе, плащаницу, съ престола, на коемъ какъ на Голгоѣ совершается всегда таинственная жертва агнца; онъ несетъ на главѣ пла-

щаницу, изъ зимней церкви въ лѣтнюю, и храмъ сей обращается въ святой гробъ до радостнаго дня Пасхи; вѣрные же сопутствуютъ Святителю, какъ нѣкогда благочестивыя жены Іосифу, зрѣвшія гдѣ полагали Господа; — а въ продолженіи сего знаменательнаго шествія лики поютъ погребальную пѣснь:

» Тебя, одѣвающагося свѣтомъ какъ ризою, Іосифъ снявъ съ древа съ Никодимомъ, и видя мертвымъ, нагимъ, непогребеннымъ, милосердый плачь подъялъ и рыдая восклицалъ: увы мнѣ, сладчайшій Іисусе, котораго еще недавно солнце узрѣвъ на крестѣ, обложилось мракомъ и земля поколебалась страхомъ, и раздралась церковная завѣса! — се нынѣ вижу тебя ради насъ пріѣвшаго смерть. Какъ погребу тебя, Боже мой, или какою плащаницею обовью? какими руками прикоснуса неплънному твоему тѣлу, или какія пѣсни воспою исходу твоему всещедрый? — величаю страданія твои, пѣснословлю и погребеніе твое съ воскресеніемъ, взывая: Господи слава тебѣ. »

Таинственнымъ ожиданіемъ наполнена вся чрезвычайная утренняя великой субботы, достойная быть преддверіемъ Пасхи. Христосъ во гробъ посреди церкви, вокругъ, въ черныхъ ризахъ, стоятъ священнослужители, но отверсты врата алтаря, какъ бы во срѣтеніе божественному мертвцу, и пѣніе погребальное безпрестанно прерывается воскресными гимнами, а возженные въ рукахъ народа свѣчи проливаютъ свѣтъ по всему храму, какъ зарю того невещественнаго свѣта, который возсіяетъ завтра изъ гроба.

При самомъ началѣ утренни, послѣ шестопсалмія, тропарь выражаетъ сіе смѣшеніе плача и ликованій:

«Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло твое, плащаницею чистою обвивъ и вонями во гробъ новъ покрывъ, положи.»

«Егда списшелъ еси къ смерти, животе безсмертный, тогда адъ умертвилъ еси блистаніемъ Божества; егда же и умершія отъ преисподнихъ воскресилъ еси, тогда

вся силы небесныя взываху: жизнедавче слава тебѣ!»

«Мурносицамъ женамъ, при гробѣ, представъ Ангелъ вопіяше: мѹра мертвымъ суть прилична; Христосъ же истлѣнія явися чуждѣ.»

Около плащаницы начинается другое смѣшеніе ветхозавѣтныхъ пѣсней Давида съ новозавѣтными похвалами Христу; сперва запѣваютъ ихъ оба лика, потомъ одинъ чтецъ или пѣвецъ откликается другому стихъ похвалъ, на каждый стихъ псалма, и такъ переплетается ими вся семнадцатая каѳисма, какъ многотканый покровъ, возложенный праотцемъ Давидомъ на тридневное ложе его Божественнаго сына.

«Блажени непорочніи, въ путь ходящїи въ законъ Господнемъ» восклицаетъ Давидъ, и ему отвѣтствуютъ:

«Жизнь во гробѣ положилъ еси, Христе, и Ангельскія воинства ужасавшася, снисхожденіе славяще твое.»

И снова Царь: «Блажени испытующїи свидѣнія его, всемъ сердцемъ взыщутъ его.»

Иногда сіи разновременныя пѣсни текутъ одна близь другой, взаимно чуждыя по разности своихъ предметовъ, иногда же чудно сходятся между собою, и на растояніи многихъ вѣковъ Церковь какъ бы отвѣчаетъ недоумѣвающему Пророку.

«Въ заповѣдяхъ твоихъ поглумлюся и уразумѣю пути твои,» говоритъ онъ, и ему поясняются пути сіи:

«Истинный небесе и земли Царь, аще и во гробъ малый самъ заключися, познался еси всей твари.»

На три статьи раздѣлена такимъ образомъ вся каѳисма, и на концѣ ея, какъ и въ началѣ, воспѣвается тропарь, но уже обычный воскресный, изображающій радость Ангеловъ и смятеніе Мүроносицъ:

«Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ.»

Канонъ субботній выражаетъ тоже возвышенное смятеніе неба и земли:

«Спасе мой! силы небесныя и преисподнія, помышляя о тебѣ, сущемъ горѣ на престолѣ и долу во гробѣ, недоумѣвали о твоей вольной смерти, ибо свѣще

всякаго ума являешься мертвымъ ты, начальникъ жизни.»

»Ужаснися страхомъ небо и да подвижутся основанія земли! се въ мертвецахъ вмѣняется живущій въ вышнихъ и въ малый гробъ странно пріемлется.»

На девятой пѣсни трогательно возглашаетъ, какъ бы изъ самаго гроба, Божественный Сынъ къ Матери, видѣвшей его на крестѣ:

»Не рыдай мене мати, зрящи во гробъ, его же безъ сѣмени во чревѣ зачала еси сына; востану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Богъ, вѣрою и любовію тя величающія.»

Пѣснь сія переноситъ насъ отъ недоступныхъ созерцаній его Божества къ нѣжнымъ, болѣе понятнымъ чувствамъ его человечества, и она повторяется на литургіи вмѣсто обычной похвалы пресвятой Дѣвы.

Послѣ великаго славословія, при тихомъ пѣніи трисвятой пѣсни, совершается опять торжественный ходъ съ плащаницею, и хотя кажется обрядъ сей есть отчасти повтореніе вечерняго, чтобы тамъ

гдѣ Священники соборно служили накануне съ Архіереемъ, они могли бы и у себя въ церквахъ совершить оный для прихожанъ, — однако же духовное значеніе утренняго хода отлично отъ вечерняго. Тогда, подражая Іосифу, мы только предавали гробу божественное тѣло; здѣсь же, торжественнымъ несеніемъ плащаницы кругомъ церкви, съ хоругвями, знаменуется, что и во время земнаго своего отдыха Господь дѣйствовалъ какъ побѣдитель, ограждая свою Церковь сокрушеніемъ ада. И другое таинственное дѣйствіе изображаетъ мертвенная плащаница, когда возвратясь въ храмъ, священнослужители, прежде нежели возложить ее на одръ, приносятъ къ царскимъ дверямъ олтаря предъ лице престола, — то именно, что язвенный ради насъ Господь, никогда не отлучался Божествомъ своимъ отъ престола славы Отчей.

По совершеніи хода, надъ тѣмъ же гробомъ, готовымъ упраздниться, возглашаетъ свидѣтель грядущаго востанія мертвыхъ Пророкъ Іезекіиль:

«На мнѣ была рука Господня и духомъ Господнимъ извела и поставила меня среди поля, полного костей человѣческихъ, и обвела окрестъ нихъ, и много ихъ было на лицѣ поля и сухи всѣ. Духъ рекъ ко мнѣ: сынъ человѣческій, оживутъ ли кости сіи? — и я воскликнулъ: Господи, ты знаешь! и снова голосъ: сынъ человѣческій, прорцы на кости сіи и скажи имъ: кости сухія услышьте слово Господне, се глаголетъ Адонаи Господь костямъ симъ: духъ жизни вдохну я въ васъ, и дамъ вамъ жилы, и наведу на васъ плоть, и простру по васъ кожу, и дамъ вамъ духъ мой, и оживете и узнаете, что я Господь; и я прорекъ, какъ заповѣдалъ мнѣ Господь; и вмѣстѣ съ моимъ глаголомъ былъ гласъ и землетрясеніе; совокуплялись кости, кость къ кости, каждая къ своему составу; смотрѣлъ я — и явились на нихъ жилы, и плоть росла, и простиралась сверху кожа, но въ нихъ не было духа. Ко мнѣ былъ голосъ: прорцы о духъ, прореки сынъ человѣческій и скажи духу: такъ глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣ-

тровъ пріиди духъ и дохни на мертвыхъ сихъ да оживутъ; и я прорекъ, какъ заповѣдалъ мнѣ Господь, и возшелъ въ нихъ духъ жизни, и ожили всѣ, и стали на ногахъ своихъ — соборъ многій, великій.»

И Апостолъ Павелъ, повсюду не отлучный, гдѣ только возвѣщается о язвахъ Господа, умоляетъ насъ очистить себя отъ ветхаго кваса злобы и лукавства, и праздновать въ безквасіи истины и чистоты, чтобы принять съ вѣрою обѣтованнаго Духа.

Посреди сихъ радостныхъ ожиданій, Евангелистъ Матѳеѣй еще разъ повѣствуетъ о послѣдней злобѣ Іудеевъ, мнившихъ стражами и печатію удержать во гробъ Сына Божія; внимая сему невольно приходитъ на мысль, какъ часто мелкій размѣръ ума человѣческаго, не обнимая и не покоряясь обширности судебъ Божіихъ, силится отвергнуть непостижимое. На концѣ же утренни Церковь ублажаетъ пѣснями погребателя Христова:

«Пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго, въ нощи пришедшаго къ Пилату и живота всѣхъ испросившаго: даждь ми

сего страннаго, иже не имѣеть гдѣ главы поклонити; даждь ми сего страннаго, его же ученикъ лукавый на смерть предаде: даждь ми сего страннаго, его же мати зрящи на крестѣ висяща, рыдая вопіяше: увы мнѣ! увы мнѣ чадо мое, увы мнѣ! — Симеономъ предреченное въ церкви, днесь сбыется: твое сердце оружіе пройдетъ! но въ радость воскресенія твоего плачь предложи.»

По мѣрѣ приближенія таинственного конца страданій Христовыхъ торжественнѣе становится богослуженіе и Церковь, лишившая себя пріобщенія тѣла Господня въ самый день его закланія, опять приступаетъ къ сему утѣшительному таинству въ субботу Божію. Она даже обильно преподаетъ дары Св. Духа, крещеніемъ, которое издревле предпочтительно совершалось въ сей день, дабы встрѣтитъ Христа сонмомъ оправданныхъ Его кровію.

Литургія Св. Василія великаго соединяется съ вечернею и поется по уставу поздно, такъ чтобы могла окончиться часъ спустя по захожденіи солнца и какъ бы

взойти въ предѣлы наступающаго радостнаго дня. По обычаю Церкви, вечерня накануне праздника уже ему принадлежитъ, а не протекшему дню: посему и богослуженіе великой субботы, стихирами и пареміями, частію изображаетъ субботній подвигъ Спасителя, частію же его воскресеніе. Церковь привыкшая всегда соединять память закланія агнца съ памятію о его востаніи, не могла, казалось, подобно какъ и самый гробъ, болѣе одного дня вмѣщать въ себѣ мертвенности Христовой, отдѣльно отъ послѣдующихъ утѣшительныхъ созерцаній; ея вечернія стихиры уже сзываютъ насъ на поклоненіе готовому воспрянуть, и воспѣваютъ пораженіе ада:

«Обыдите людіе Сіона и обымите его и дадите въ немъ славу воскресшему изъ мертвыхъ, яко той есть Богъ нашъ, избавлей насъ отъ беззаконій нашихъ.»

«Днесъ адъ стена вопіетъ: благо мнѣ, когда бы не принялъ рожденнаго Маріею, ибо онъ, наступивъ на меня, раззорилъ мою державу и врата мѣдныя сокру-

шилъ , и какъ Богъ воскресилъ души
искони мною плѣненные. »

Родъ же человѣческій воспѣваетъ: « все-
мѣрную славу, процвѣтшую отъ человѣковъ
и родившую Владыку, небесную дверь,
Марію Дѣву, безплотныхъ пѣснь и укра-
шеніе вѣрныхъ: ибо она явилась небомъ
и храмомъ Божества; она, разрушивъ вра-
ждебную преграду, водворила миръ и от-
верзла царствіе; имѣя ее утвержденіемъ
вѣры, мы имѣемъ поборникомъ родивша-
гося отъ нея Господа. И такъ дерзайте
людіе Божіи, ибо всесильный Сынъ ея
побѣдитъ враговъ. »

Въ слѣдъ за стихирами читаются пятнад-
цать паремій изъ книгъ ветхаго завета,
предобразующихъ грядущее воскресеніе и
славу Церкви. Книга Бытія, о началъ мі-
ра, открываетъ сей рядъ возвышенныхъ
созерцаній, дабы въ подлежащемъ боже-
ственномъ мертвецѣ съ ужасомъ узнали мы
Творца вселенной, который одинъ только
могъ, творческою силою своею, возобновить
въ насъ свой утраченный образъ, вна-
чалъ имъ самимъ данный Адаму.

Потомъ Исаія торжествуетъ востановленіе человечества подъ сѣнію Церкви: «свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, ибо твой свѣтъ пришелъ и слава Господня на тебѣ возсіяла; се тьма покроетъ землю и мракъ на язычникахъ, но тебя освѣняетъ Господь, и слава его на тебѣ узрится, и пойдутъ цари свѣтомъ твоимъ и языки свѣтлостію твоею; возведи очи твои окрестъ и виждь собранныя чада твои, всѣ сыны твои пришли издалеча и дщери твои на рукахъ принесутся. — Кто сіи, ко мнѣ летящіе какъ облака, какъ голубицы со птенцами? — они притекли ради имени святаго Господня и дабы прославиться Святому Израилеву.»

Таинственный агнецъ пасхальный, данный Евреямъ въ память ихъ исхода изъ плѣна, и кровію коего они были избавлены отъ смерти, поразившей Египтянъ, предлагается здѣсь образомъ настоящаго Агнца Божія; а его тридневное погребеніе предзнаменуется тридневнымъ пребываніемъ во чревѣ китовомъ Пророка Іоны, посланнаго проповѣдывать покаяніе наро-

ду Нинивійскому, и, чтобы прямо указать на лице Іисусово, повѣствуется вслѣдъ за тѣмъ о другомъ Іисусѣ, Іисусѣ Навинѣ, который провелъ Израиля чрезъ Іорданъ въ землю обѣтованную.

Величественная картина прехожденія Чермнаго моря, среди коего, по словамъ Апостола Петра, крестился весь народъ Израильскій въ Моисея, какъ мы во Христа, ибо Моисей былъ его образомъ, заключаетъ первую часть паремій, и обалика, по примѣру Маріами и дѣвъ Израильскихъ, возглашаютъ попеременно: «поемъ Господеви, славно бо прославися!» а чтець повторяетъ по стихамъ всю вдохновенную пѣснь:

«Коня и всадника вверже въ море, поемъ Господеви; помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе, поемъ Господеви; сей мой Богъ и прославлю его, Богъ отца моего и вознесу его, поемъ Господеви; Господь сокрушай брани, Господь имя его, поемъ Господеви.»

Въ послѣдующихъ пареміяхъ соединены образы закланія и воскресенія Господ-

ня съ пророчествами о призваніи язычниковъ. Авраамъ готовится принести въ жертву единственного сына Исаака, въ предзнаменованіе единороднаго Сына Божія, пожертаго за міръ, и два величайшіе по чудесамъ Пророка, Илія и Елисей, каждый воскрешаютъ отроковъ, сими двумя примѣрами, приготавлиая родъ человѣческій къ принятію воскресенія Христова.

Но если они оба благовѣствуютъ чудесами, то Пророки Софонія, Іеремія и Исаія дѣйствуютъ словомъ. Всѣ три видятъ грядущую славу Церкви и сонмъ язычниковъ ее восполняющій, а Іеремія обѣщаетъ новый завѣтъ народу Божію, начертанный въ мысляхъ и на сердцахъ; Исаія же обѣщаетъ сему народу новое имя, которымъ наименоуетъ его Господь, и дастъ ему землею вселенную, и пастыря овцамъ Божіимъ, влагающаго въ нихъ Духа Святаго. Онъ произноситъ даже тѣ слова, какія повторилъ самъ Іисусъ во дни своего пришествія: «Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя, исцѣлители со-

крушенные сердцемъ, проповѣдати плѣннымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, нареши лѣто Господне пріятно и день спасенія.»

Чудное спасеніе трехъ отроковъ отъ огненной смерти въ печи Халдейской, описанное Даніиломъ, среди пламени воспѣвшихъ Бога отцевъ своихъ, заключаетъ возвышенный рядъ паремій, и опять оба лица вторятъ чтецу, возглашающему пѣснь ихъ: «Благословите вся дѣла Господня Господа, пойте и превозносите во вся вѣки.»

Подобно какъ на утренни, Апостолъ Павелъ продолжаетъ свое возвышенное убѣжденіе: чтобы спогребшіеся со Христомъ въ водахъ крещенія и вмѣстѣ съ нимъ воскресшіе, ходили во обновленіи жизни и были бы мертвы грѣху, но живы Богу во Іисусѣ Христѣ; а Церковь ради торжества крещенія, въ день сей совершавшагося надъ язычниками, подобно какъ и въ Лазареву субботу, вмѣсто трисвятой пѣсни возглашаетъ:

»Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь; аллилуія.»

Чтеніемъ Апостола заключается погребальный день субботній и начинается уже свѣтатъ денница воскресенія. Какъ бываетъ въ природѣ, что лучи еще не явившагося солнца заранѣе уже озаряютъ верхи горъ, — такъ освѣщается и церковь зарею солнца правды, готоваго воспрянуть: первый его отблескъ на горнемъ ея мѣстѣ, олтарѣ, и таинственный свѣтъ сей, какъ муро на главѣ, сходящее, по словамъ псалма, на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его,—проливается сперва на одежды верховнаго Святителя, ближе и выспреннѣе другихъ созерцающаго таинства, и на сослужащихъ ему Пресвитеровъ и Діаконовъ, внезапно измѣняющихъ одежды черныя на бѣлыя, сходно съ убѣлившимися облаченіями престола и жертвенника, и на самый клиръ; четыре иподіакона, въ свѣтящихся ризахъ, приходятъ смѣнить черную стражу вокругъ плащаницы, какъ бы въ лицѣ Ангеловъ, и ожи-

дая Мүроносиць. Между тѣмъ три отрока предъ нею умиленно поютъ: «воскресни Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ.»

И когда вслѣдъ за тѣмъ выходитъ изъ олтаря Діаконъ благовѣствовать о воскресеніи, все такъ свѣтло и радостно въ церкви, какъ будто бы уже стоялъ посреди нея воскресшій съ привѣтомъ: «миръ вамъ!» такъ все измѣнилось внезапно и небесная слава отразилась на землѣ.

Устами Діакона Евангелистъ Матѳеѣй возвѣщаетъ о пришествіи Мүроносиць къ упраздненному гробу, и о срѣтеніи ихъ Ангелами и самимъ Іисусомъ; не таитъ онъ и коварства Фарисеевъ, давшихъ сребренники воинамъ, чтобы разгласили о похищеніи тѣла, и наконецъ возводитъ насъ мысленно вслѣдъ за учениками въ Галилею, въ гору, поклониться Іисусу, и мы слышимъ послѣднія слова возносящагося Господа:

«Дадеса ми всяка власть на небеси и на земли; шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елика

заповѣдахъ вамъ, и се азъ съ вами есмь
во вся дни до скончанія вѣка. Аминь.»

Тогда совершается литургія Св. Василия
Великаго, и проникнутые таинственнымъ
ужасомъ, послѣ всѣхъ сихъ необъятныхъ
созерцаній, вмѣсто Херувимской пѣсни мы
восклицаемъ :

«Да молчитъ всякая плоть человѣча,
и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и
ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ :
Царь бо царствующихъ и Господь господ-
ствующихъ приходитъ заклатися и датися
въ снѣдь вѣрнымъ; предходятъ же сему
лицы Ангельстїи со всякимъ началомъ и
властію : многоочитїи Херувими и шесто-
крилатїи Серафими, лица закрывающе и
вопїюще пѣснь : аллилуїя.»

ПИСЬМО VII.

Приближается наконецъ радостное давно желанное утро, и какъ встрѣчаютъ его вѣрные? какъ проводятъ остатокъ Божіей субботы? — въ чтеніи дѣяній Апостольскихъ, не выходя изъ храма, какъ бы желая предварить даже самихъ Мүроносицъ, и вмѣстѣ съ Ангеломъ отвалить камень съ гроба жизнедавца. Бьетъ полночь, и послѣдній гимнъ отдается субботѣ, опять слышится ея таинственный канонъ:

«Волною морскою кто древле покрылъ мучителя гонителя (Фараона), того дѣти спасенныхъ (Іудеевъ) подъ землею скрыли (Христа); но мы какъ дѣвы (Израильскія) поемъ Господу, славно бо прославился.»

Съ канономъ престаеъ уже суббота,

и настаетъ воскресеніе. Торжественно отверзаются царскія врата и, на главахъ священослужителей, выносятся плащаница въ алтарь и полагается на престолъ. Пѣснь: «воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси,» въ первый разъ слышится въ алтарѣ, ще затворенномъ: потому что великія судьбы человѣчества прежде открываются на небесахъ, нежели являются на землѣ. Потомъ священнослужители изходятъ съ крестомъ и хоругвями и, обходя вокругъ церкви поютъ опять во мракъ и тишинѣ ночи:

«Воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ тебе славить.»

У западныхъ заключенныхъ вратъ останавливается приготовительное шествіе. Между тѣмъ пустѣетъ храмъ, за клиромъ слѣдуетъ народъ; дѣти Адама стремятся къ новому Адаму, чтобы, при радостной вѣсти о его востаніи, узкими вратами войти въ его новую жизнь, и здѣсь, какъ первое лепетаніе младенца, раздается въ устахъ возрожденнаго человѣчества :

«Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.»

Но на сей кликъ, сокрушившій верени ада, не вдругъ отверзаются двери церковныя; не скорое ихъ открытіе выражаетъ радостное невѣріе учениковъ. Далѣе возглашается и пророческій псаломъ Давида:

«Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его, и да бѣжатъ отъ лица его ненавидящіи его» — и каждый стихъ псалма поясняется тѣмъ же убѣдительнымъ: «Христось воскресе!»

Наконецъ начальствующій въ священнослуженіи, держа въ одной рукѣ крестъ съ изображеніемъ распятаго Христа, а въ другой кадильницу съ ѿиміамомъ, движеніемъ ея, начертываетъ знаменіе креста противъ затворенныхъ дверей храма, и онѣ отверзаются; начинается торжественный входъ изъ внѣшней тьмы во внутренній свѣтъ храма, по подобію шествія Христова отъ преисподнихъ земли въ превыспренняя неба, съ избавленными имъ, когда входъ

отверсть былъ крестомъ его. Ликующій сонмъ съ побѣдною пѣснью, уже не останавливаясь, шествуетъ чрезъ всю церковь, прямо въ алтарь, отверстый на всю Пасху, ибо отнынѣ царствіе Божіе открыто вѣрнымъ; храмъ же внезапно весь озаряется свѣтомъ возженныхъ свѣчъ, а лики поютъ:

«Воскресенія день, просвѣтимся людіе, пасха, Господня пасха! отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси, Христосъ Богъ насъ приведе, побѣдную поющія.»

«Очистимъ чувствія и узримъ Христа, блистающаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, и побѣдную пѣснь поюще, ясно да услышимъ рекущаго: радуйтесь.»

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ міръ, видимый же весь и невидимый: Христосъ бо воста, веселіе вѣчное.»

Изъ вдохновенной души Св. Іоанна Дамаскина излился божественный канонъ сей, вѣнецъ всѣхъ духовныхъ пѣсней; первая вняла ему, на юдоли плача, лавра Св. Саввы и радостно передала вселенской Цер-

кви. Вся пѣснь какъ одинъ порывъ восторга; свѣтлыя мысли пѣвца обтекаютъ и небо, и землю, и бездны: ибо самъ онъ исполненъ Христомъ, все наполняющимъ.

«Нынѣ вся исполнишася свѣта: небо же и земля и преисподняя, да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христово, въ немъ же утверждаемся.»

Вторымъ ирмосомъ канона Дамаскинъ призываетъ вѣрныхъ: «пить новое питіе, чудесно текущее, не изъ безплоднаго камня, (удареннаго жезломъ Моисея), но изъ гроба Христова, который струитъ источникъ нетлѣнія.»

Какъ младенецъ, прильнувшій къ лону нѣжной матери, или держащійся за край ея одежды, чтобы всюду быть съ нею, — такъ пѣснопѣвецъ Іоаннъ не разлученъ отъ Искупителя, соединившись съ нимъ духомъ.

«Вчера спогребохся тебѣ, Христе, совою днесъ воскресшу тебѣ: сраспинахся тебѣ вчера, — самъ мя прослави, Спасе, во царствіи твоёмъ.»

Между каждымъ ирмосомъ во время

стиховъ, повторяемыхъ и раздѣляемыхъ многократнымъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!» священнослужители попеременно ходятъ, со крестомъ и кадиломъ и свѣтильниками, по всей церкви, наполняя ее ѳиміамомъ, какъ бы ранними ароматами Мүроносицъ, которыя со слезами искавъ мертвеца, поклонились радостно живому Богу. — Шествуя они возглашаютъ всюду: «Христосъ воскресъ», чтобы никто не остался въ сомнѣніи въ сію спасительную, свѣтозарную ночь, когда безначальный свѣтъ всѣмъ возсіялъ изъ гроба. Въ ирмосахъ же далѣе, то изображается видѣніе Пророкомъ Аввакумомъ Ангела, указавшаго день спасенія; то съ Исаіею приглашаются вѣрные «утреневать глубокую утренню, и вмѣсто мұра принести пѣснь Владыкъ, чтобы узрѣть Христа, правды солнце, всѣмъ жизнь возсіявшаго;» то открывается побѣдоносное торжество его въ самой области ада: «Снизшелъ еси въ преисподняя земли, и сокрушилъ еси верей вѣчныя, содержащія связанныя, Христе, и тридне-

вень, яко отъ кита Іона, воскресъ еси отъ гроба.»

«Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, инаго житія вѣчнаго начало» восклицаетъ Дамаскинъ и поясняетъ, сколь для насъ велико торжество искупленія:

«Сей нареченный и святыи день, единъ субботъ Царь и Господь, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжество, въ онъ же благословимъ Христа во вѣки.»

Въ сей торжественной пѣсни ликуютъ оба Сіона, но несравненною славою вѣнчается новый предъ древнимъ:

«Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо приидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки;»

«Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися Сіоне; ты же чистая красуйся, Богородице, о востаніи рождества твоего.»

Съ чѣмъ можно сравнить сію возвышенную утренню? — нѣкое духовное восхищеніе владѣетъ всѣми: каждый въ порывѣ священной радости, хотѣлъ бы выразить свои чувства — и вмѣсто рѣчей текутъ изъ устъ пѣсни; каждый готовъ былъ бы взыграть предъ Господомъ, какъ Давидъ предъ знаменательнымъ ковчегомъ, ибо люди Божіи видятъ нынѣ исполненіе древнихъ образовъ во Христѣ. Когда узникамъ, долго томившимся во мракъ темницы, вдругъ отверзаются двери и является освободитель, — до иступленія доходитъ восторгъ ихъ: сбрасывая цѣпи, они бросаются къ ногамъ своего благодѣтеля, или въ объятія другъ другу, и скачутъ и плачутъ, и смѣются и поютъ, и прощаются взаимно и молятся, и опять плачутъ и опять поютъ; — такъ и на утренни Пасхи.

«Воскресенія день! и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обымемъ, рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ и тако возопіемъ: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!»

Съ сею пѣснію начинается взаимное лоб-

заніе; привѣтъ мира раздается по всей церкви, которая вся обращается въ единое тѣло Христово, связуемое духомъ его любви, ибо въ подобныя минуты нельзя, по истинѣ, не отъ всей души, лобызать своего брата.

Тогда какъ святой Дамаскинъ довольно уже возбудилъ восторга своими божественными пѣснопѣніями, мѣсто его занимаетъ другой церковный витія, святой Златоустъ, и въ краткомъ словѣ убѣждаетъ cadaго, кто благочестивъ, насладиться настоящимъ свѣтлымъ торжествомъ, и внити въ радость Господа своего. Дабы показать, сколь велика открывшаяся намъ милость Господня, онъ напоминаетъ притчу о наемникахъ, которые въ разное время пришли работать въ вертоградъ, но отъ щедротъ домовладыки всѣ получили одинаковую плату за трудъ. Всѣхъ зоветъ онъ на трапезу Господню, и никому не велитъ скорбѣть о своемъ убожествѣ, ибо явилось общее царство, никому не страшиться смерти, ибо Сошедшимъ въ адъ поруганъ адъ, мнившій пріять землю и срѣтившій небо: — «гдѣ

твое жало о смерть? адъ, гдѣ твоя побѣда? воскресъ Христосъ, и ты низвергся.»

Таже духовная радость окрыляетъ часы Пасхи; они пролетаютъ въ пѣсняхъ, и каждая пѣснь гласить о побѣдѣ Христа надъ смертію и адомъ. За многократнымъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ» слѣдуетъ обычная воскресная пѣснь: «воскресеніе Христово видѣвше поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному; кресту твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресеніе твое поемъ и славимъ.»

Потомъ воспѣвается пришествіе Мүроносицъ къ упраздненному гробу и кондакъ утренняго канона, повторяемый и на литургіи:

«Аще и во гробъ снишелъ еси, безсмертне: но адову разрушилъ еси силу, и воскресъ еси яко побѣдитель, Христе Боже, женамъ Мүроносицамъ вѣщавый: радуйтеся! и твоимъ Апостоломъ миръ даруй, падшимъ подай воскресеніе.»

И наконецъ радостный тропарь, столь

живо изображающій вездѣсущее Божество Христово, въ самый часъ его смерти:

«Во гробъ плотски, во адъ же съ душею, яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ, и на престолъ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй неопи-санне.»

Сии торжественныя пѣснопѣнія, во всю недѣлю Пасхи, замѣняютъ не только часы, но и полунощницу и начало вечерни; ибо въ свѣтлые дни сии вся служба божественная совершается на подобіе перваго дня. Неумолкаемое: «Христосъ воскресе!» равномерно открываетъ и заключаетъ литургію Пасхи, какъ радость, которую не могутъ вмѣстить въ сердцахъ своихъ вѣрныя; при началѣ обѣдни также поется священнослужителями: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его» вокругъ престола, на которомъ простерта плащаница, оста-вляемая до дня вознесенія, въ знаменіе того, что Господь по воскресеніи изъ мертвыхъ, еще сорокъ дней пребывалъ на зем-лѣ. Предъ концемъ богослуженія благосло-вляется артосъ (по Гречески хлѣбъ), на-

поминающій, что Спаситель былъ для насъ хлѣбомъ жизни, и сей артосъ раздѣляется вѣрнымъ въ послѣдній день Пасхи, ради общей ихъ любви во Христѣ.

Съ перваго дня Пасхи и до вознесенія продолжается на литургіи чтеніе дѣяній Апостольскихъ, дабы Христіане могли слышать, какъ быстро распространилась проповѣдь о искупленіи, не смотря на всѣ гоненія и страданія, коимъ подвергались первыя чада новозавѣтной Церкви. Одна изъ самыхъ торжественныхъ минутъ литургіи, когда Епископъ совершаетъ ее соборно въ Пасху, есть чтеніе Евангелія, которымъ изображается вселенская проповѣдь Апостоловъ на всѣхъ языкахъ и ко всѣмъ народамъ. Какое же Евангеліе избрано въ день сей для радостнаго благовѣстія? — начало отъ Іоанна, сего ученика Христова, возлежавшаго на лонѣ возлюбленнаго Учителя и столь ясно открывшаго намъ тайну его Божества:

«Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово; сей бѣ искони къ Богу. Вся тѣмъ быша, и безъ него ни-

чтоже бысть еже бысть; въ томъ животъ
бѣ и животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ; и
свѣтъ во тмѣ свѣтится и тма его не
объятъ.»

Архіерей первый начинаетъ читать Еван-
геліе по Славянски на престолѣ, послѣ
него сослужащіе Пресвитеры, по Еврей-
ски, Гречески, Римски, на какихъ язы-
кахъ была начертана надпись на крестѣ;
а потомъ и на другихъ новѣйшихъ язы-
кахъ, наслѣдовавшихъ спасеніе. Внѣ же
олтаря становятся четыре Діакона, одинъ
на амвонѣ лицомъ къ востоку, а прочіе у
сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ вратъ
церкви, которая въ сіе время изображаетъ
собою вселенную, ибо: «во всю землю
изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселен-
ныя глаголы ихъ», и они возглашаютъ
тоже Евангеліе по Славянски, оканчивая
его сими словами:

«Яко законъ Моисеемъ данъ бысть,
благодать же и истина Іисусъ Христомъ
бысть.»

И на вечерни, которая изображаетъ
вечернее явленіе Спасителя ученикамъ,

послѣдовавшее сквозь затворенныя двери ихъ храмины, въ самый день воскресенія, Епископъ читаетъ Евангеліе о семъ утѣшительномъ событіи, стоя лицомъ къ народу, въ дверяхъ алтаря, какъ бы представляя тѣмъ образъ пришествія Христова, и Церковь слышитъ изъ устъ его дважды повторенный привѣтъ Спасителя уstraшеннымъ ученикамъ: «миръ вамъ!» послѣ чего онъ тотчасъ сообщилъ имъ чрезъ дуновение даръ Духа Святаго, дающій власть вязать и разрѣшать грѣхи; слышитъ также и о сомнѣніи отсутствовавшего Апостола Ѳомы, который самъ себя лишилъ на время божественной радости, не восхотѣвъ повѣрить воскресенію Господа, доколѣ не вложилъ въ язвы его перста своего. Но чрезъ восемь дней по словамъ Іоанна, разрѣшается невѣріе и самаго Ѳомы; онъ видитъ Господа, онъ влагаетъ перстъ свой въ язвы его, и въ радостномъ восторгѣ восклицаетъ: «Господь мой и Богъ мой!» Іисусъ же въ отвѣтъ ему говоритъ: «Яко видѣвъ мя вѣровалъ еси; блаженни не видѣвшіи и вѣровавшие. »А Іоаннъ,

предвидя грядущее невѣріе, не столь легко разрѣшаемое, внушаетъ всѣмъ :

«Сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и да вѣрующе животъ имате во имя Его.»

КНИГА VI

О СЕДМИ ТАИНСТВАХЪ

КНИГА III.

О СЕДМИ ТАИНСТВАХЪ.

IN A T H I N

O C E D M I T A N C T R A Y E

ПИСЬМО I.

Описаніе молитвъ и обрядовъ Четыредесятницы и Пасхи, раскрывающихъ предъ нами тайну страданій и воскресенія Богочеловѣка, постепенно приводитъ къ созерцанію тѣхъ духовныхъ сокровищъ, которыя даровалъ Спаситель своей Церкви, положивъ ей основаніемъ семь таинствъ, по словамъ Писанія: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь.»

Таинства сіи, недоступныя брѣнному уму нашему, что показываетъ самое ихъ названіе, доступны однако же нашей вѣрѣ, какъ явствуется изъ тѣснаго ихъ соединенія съ жизнію человѣческою, во всѣхъ важнѣйшихъ ея эпохахъ. Сія самая неизбежная и вмѣстѣ спасительная связь ихъ побуждаетъ меня изложить предъ тобою,

любезный другъ, тѣ молитвы и обряды, какими Церковь видимо поясняетъ невидимое таинствъ, и чрезъ наружную оболочку дѣлаетъ ихъ какъ бы осязаемыми чувствамъ, чтобы тѣмъ воскрылять духъ нашъ къ ихъ созерцанію.

Отъ лона матери уже воспринимаетъ насъ Церковь, и еще прежде нежели младенческіе годы наши ввѣрены опытнымъ пестунамъ, приближаются два таинства къ самой колыбели, одно возраждающее, другое утверждающее, крещеніе и миропомазаніе. Онѣ, съ любовію пріять младенца, возвѣщаютъ, что иные родители, иные пестуны, не по плоти а по духу, нужны новорожденному не только въ міръ но и во Христа, а третіе божественное таинство причащеніе, тогда же сообщаетъ ему Христа, просвѣщающаго всякаго человека грядущаго въ міръ, научая вмѣстѣ и какою духовною пищею долженъ питаться во всю жизнь свою сей новый гражданинъ небеснаго царствія.

Но младенецъ растетъ, вмѣстѣ съ годами развиваются страсти, не отъ дурной

его природы, противъ поврежденія коей въ Адамъ даровано достаточное врачевство Христомъ, но отъ дурнаго направленія свободной воли; — оно извлекаетъ новыя отрасли изъ корня первороднаго грѣха, вмѣсто того чтобы окончательно умерщвлять его развитіемъ жизни благодатной. Тогда Церковь призываетъ опять человѣка на путь добродѣтели, четвертымъ спасительнымъ таинствомъ покаянія, которое подобно крещенію, умывшему отъ грѣха Адамова, очищаетъ предъ Богомъ отъ грѣховъ, содѣянныхъ въ жизни, если только мы искренно ихъ сознаемъ и оплачемъ.

Какъ благословеніе, далъ Богъ человѣку способность размножать родъ свой, но съ паденіемъ Адама грѣхъ и его проклятіе упали и на сію способность и сдѣлали разсадникъ рода человѣческаго разсадникомъ первороднаго грѣха; — по сему въ Христіанствѣ необходимо было дать новое благословеніе для рожденія подобныхъ себѣ во славу Творца, и Церковь благословляетъ юношу и дѣву на супружескій союзъ ихъ пятымъ таинствомъ брака.

Наконецъ, когда какъ перезрѣвшій плодъ, или рано увядшій цвѣтокъ, готовится человекъ оставить землю своего странствія и страшная вѣчность ему предстоитъ, заботливая Церковь не отпускаетъ его въ путь безъ духовнаго подкрѣпленія, и шестое таинство елеосвященія, совершаемое надъ болящимъ, исцѣляетъ тѣло или располагаетъ душу къ ея отшествію.

Но чтобы въ сонмѣ людей были мужи, могущіе преподавать сіи спасительныя таинства, Церковь избираетъ достойнѣйшихъ изъ среды ихъ и, рукоположеніемъ, непрерывающимся отъ временъ Апостольскихъ, сообщаетъ имъ седьмое таинство священства, чрезъ которое и они, въ свою чреду, получаютъ силу сообщать братіи благодать Святаго Духа.

Таковы сіи седмь столповъ дома премудрости, сіи седмь вѣтвей знаменательнаго подсвѣщника, пророчески поставленнаго Моисеемъ въ скиніи и Соломономъ въ храмъ; они свѣтятъ міру и предстоятъ Церкви, какъ седмь вышнихъ Духовъ, всегда блистающихъ на небесахъ у престола славы.

Мы же, съ должнымъ благоговѣніемъ, приступая нынѣ постепенно къ расматриванію cadaго изъ седми таинствъ, въ той мѣрѣ, сколько онѣ могутъ быть для насъ доступны, приготовимъ себя чрезъ сіе созерцаніе и къ благоговѣйному ихъ пріятію, когда нѣкоторыя изъ нихъ спасительно срѣтять насъ на жизненной дорогѣ, подобно Ангелу, руководившему юнаго Товію на трудномъ пути его, въ Халдейской землѣ плѣненія.

ПИСЬМО II.

Прежде нежели приступить къ описанію богослуженія, совершаемаго при святомъ крещеніи, я долженъ однакоже тебѣ напомнить, что какъ вообще всѣ таинства имѣютъ силу сообщать намъ благодать Св. Духа, такъ и каждое изъ нихъ отдѣльно заключаетъ въ себѣ особенный даръ его, подъ какимъ либо чувственнымъ видомъ.

Такимъ образомъ, святое крещеніе омываетъ насъ отъ первороднаго грѣха, чрезъ наружное погруженіе въ водныя струи, при наитіи на нихъ благодати. Оно, творческою силою имени Отца и Сына и Св. Духа, возраждаетъ насъ къ новой жизни, уже не по ветхому праотцу, который заразилъ весь родъ свой духовною болѣзнію и тлѣ-

ніемъ грѣха, (потому что рожденное не можетъ быть совершеннѣе родившаго, и отъ зараженнаго источника естественно идетъ зараженный потокъ), но по новому чело-вѣку, Христу Богу, который все собою обнови́лъ и собственнымъ принятіемъ крещенія сообщилъ божественную силу таинству.

Какъ въ самую минуту крещенія Спасителя видимо явилась міру троичность лицъ единого Божества: гласъ Отца возвѣстилъ о Сынѣ и Св. Духъ снизшелъ въ видѣ голубинѣ, и какъ Спаситель, посылая въ міръ Апостоловъ, повелѣлъ имъ: «щедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа» — такъ и святая Церковь, ни на одну іоту не отступая отъ словъ Христовыхъ, производитъ въ число чадъ его, тремя погруженіями, во имя cadaго лица Святой Троицы, что самое составляетъ основаніе и сущность святаго крещенія; прочія же молитвы и обряды только поясняютъ таинство или готовятъ къ нему вѣрующихъ.

Въ первые вѣка Церкви, готовящіеся къ святому крещенію назывались огла-

шенными, потому что оглашались первоначальнымъ ученіемъ вѣры; они не могли быть въ храмъ во время совершенія таинствъ; благонадежнѣйшіе изъ нихъ и уже назначенные къ просвѣщенію, приготавлиемы были въ теченіе цѣлаго поста, молитвами и поученіями, къ принятію таинства, и во время первой половины литургіи позволялось имъ находиться въ притворѣ храма до особой о нихъ молитвы.

Драгоценный памятникъ сихъ огласительныхъ поученій остался намъ отъ четвертаго столѣтія, въ твореніи св. Кирилла Архіепископа Іерусалимскаго, который постепенно приготавлиалъ рабовъ грѣха къ свободѣ усыновленія божественнаго, возражая вѣрою ихъ души.

«Ужасное зло есть грѣхъ, говоритъ онъ, и болѣзнь души самая жестокая есть преступленіе закона, которое лишаетъ ее совершенно силъ и повергаетъ въ огонь вѣчный. Но что же есть самый грѣхъ? — это не есть врагъ, отважно нападающій на тебя, человѣкъ, но негодная отрасль,

изъ тебя прозябающая; когда забываешь Бога, тогда только начинаешь мыслить злое и совершать дѣла незаконныя. Впрочемъ не ты только самъ бываешь виновникомъ грѣха;—первый виновникъ и отецъ зла есть діаволь; это сказалъ Господь, а не я; «яко діаволь исперва согрѣшаетъ» (І Іоанна 3, 8). Согрѣшилъ же онъ не потому, чтобы отъ природы получилъ необходимую склонность ко грѣху; нѣтъ онъ будучи сотворенъ добрымъ, по собственному произволенію сдѣлался діаволомъ, и сатаною, отъ дѣйствій получивъ наименованіе противника; онъ возбуждаетъ похоти въ тѣхъ, которые ему повинуются; чрезъ него и праотецъ нашъ Адамъ изгнанъ изъ рая.— Но тотъ, кто пролилъ за насъ драгоцѣнную кровь свою, освободить насъ отъ грѣха; — предайся только ему вѣрою. Хочешь ли видѣть человеколюбіе Божіе? когда преслушалъ заповѣдь Адамъ первозданный, не могъ ли Богъ тогда же предать его смерти? и что же? — правосудіе изгоняетъ недостойнаго изъ рая, но онъ поселяетъ грѣшника прямо рая, дабы видя от-

куда ниспалъ, могъ въ послѣдствіи спасти-
ся покаяніемъ.»

«Великое по истинѣ есть дѣло креще-
ніе и потому съ размышленіемъ къ нему
приступай.—Такъ какъ человѣкъ состоитъ
изъ двухъ частей, изъ души и тѣла, то и
очищеніе двоякое: безплотное для безплот-
наго, и тѣлесное для тѣла; вода очищаетъ
тѣло, а Духъ Святый запечатлѣваетъ ду-
шу, чтобы намъ приступить къ Богу съ
сердцемъ окропленнымъ и тѣломъ омы-
тымъ водою чистою. И такъ, когда ты
смотришь на воду, то не простую воду
представляй себѣ, но отъ дѣйствія Св. Ду-
ха ожидай спасенія; ибо безъ того и дру-
гаго невозможно тебѣ достигнуть совершен-
ства; не я говорю сіе, но Господь Іисусъ
Христосъ: «аще кто не родится свыше во-
дою и духомъ, не можетъ внити въ цар-
ствіе Божіе.» (Іоа. 3, 5). Ни тотъ, кто кре-
щается водою, но не удостоенъ Духа, не
имѣетъ совершенной благодати; ни тотъ
кто хотя бы добръ былъ по дѣламъ, но
не получилъ запечатлѣнія водою, не вни-
детъ въ царствіе небесное; слово дерзно-

венно, но не мое, ибо такъ опредѣлилъ Господь : — «иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ» (Мар. 16, 16).

«Если же кто желаетъ знать почему чрезъ воду, а не чрезъ другую стихію, дается благодать, тотъ найдетъ разрѣшеніе сему въ Божественномъ писаніи. Вода есть нѣчто живительное и наилучшее изъ четырехъ видимыхъ стихій міра ; небо есть жилище Ангеловъ, но небеса изъ воды ; земля есть обиталище человѣковъ, но земля изъ воды, и прежде всего шестидневнаго устройства твореній Духъ Божій носился надъ водою ; начало міра — вода, и начало спасенія — Іорданъ ; освобожденіе Израиля отъ Фараона совершилось посредствомъ моря, и освобожденіе міра отъ грѣховъ совершается чрезъ омовеніе водою, при содѣйствіи слова Божія. Гдѣ Богъ вступаетъ въ завѣтъ съ кѣмъ либо, тамъ и вода ; съ Ноемъ заключенъ былъ завѣтъ послѣ потопа, и знаменіемъ крещенія была умывальница, поставленная въ Скинии. Крещеніе есть конецъ ветхаго завѣта и

начало новаго ; освятилъ крещеніе Іисусъ, крестившись самъ , будучи безгрѣшнымъ, для того чтобы крещающимся даровать божественную благодать и славу. И ты, низшедши въ воду, мертвый грѣхами, и какъ бы погребшись въ оной, подобно Іисусу во гробъ каменномъ, восходишь оживотворенный правдою, дабы ходить въ обновленіи жизни, и сія спасительная вода въ одно время для тебя и гробъ и мать. •

«О странное и чудное дѣло, восклицаетъ Св. Кириллъ, не истинно мы умерли, не истинно погребены были, ниже истинно воскресли, но въ наружномъ обрядѣ таинства — подражаніе , а въ самой истинѣ и силѣ его — спасеніе. Христосъ былъ истинно распятъ, истинно погребенъ, истинно и воскресъ, а мы, хотя я не болѣлъ и не страдалъ, спасеніе даруетъ по единому общенію своихъ страданій.»

Нынѣ приготовленія къ таинству, состоящія въ предварительныхъ заклинаніяхъ противъ прелести діавола, которому работалъ міръ до Христа, и еще работаетъ въ Христа, падаютъ на представительное ли-

це воспріемниковъ младенца, съ тѣхъ поръ какъ распространеніе Христіанства призываетъ насъ еще младенцами въ царствіе Божіе. Но и при самомъ началѣ Церкви бывали частые случаи крещенія младенцевъ: такъ Апостолъ Петръ окрестилъ въ Яффѣ перваго изъ язычниковъ, сотника Римскаго Корнилія, со всѣмъ его домомъ отъ мала до велика. Вѣра крещающаго священника, родителей и воспріемниковъ восполняетъ недостатокъ самопознанія въ младенцѣ; а благодать Божія, какъ милость свѣше раздаваемая, не по заслугамъ, но по нашей вѣрѣ и по любви Христовой къ человѣчеству, пріемлетъ всякій возрастъ, ибо всѣ равно ея недостойны и одинаково нуждаются въ спасеніи.

Поселику же воспріемники, нѣкогда избираемые для назиданія новыхъ Христіанъ и огражденія ихъ отъ языческаго враждебнаго общества, нынѣ не только обязаны научать истинамъ вѣры воспринимаемаго ими отъ купели, но даже, по его младенчеству, за него отрекаться и давать обѣты, — то помысли съ какою осторожностію

должно принимать на себя столь священное званіе, и съ какою вѣрою, не заочно но лично, должно предстоять при совершеніи таинства, влекущаго за собою столь великую отвѣтственность. По истинѣ, воспріемникъ, постигающій всю важность своего званія, есть настоящій духовный отецъ младенца, и узы таинственного родства, воспріятого имъ предъ лицомъ Христовымъ, столь же священны, какъ и узы крови, и простираются до нѣкоторой степени на плотскихъ его дѣтей, которыя дѣлаются братіями сыну духовному.

Священникъ, оглашавшій язычника, поставлялъ его лицомъ къ востоку у дверей Церкви, въ одномъ хитонѣ, и разрѣшалъ поясъ, показывая тѣмъ, что отнынѣ разрѣшается союзъ его съ міромъ, и что стоящій въ преддверіи истины, долженъ обратиться отъ мрака прежнихъ дѣлъ. Тогда, по троекратномъ дуновеніи въ лице его для изгнанія духа лукавства, трижды осѣнялъ знаменіемъ креста, съ возложеніемъ руки на главу его, и нарекалъ ему имя съ молитвою: «чтобы Господь сохранилъ

прибѣгшаго къ его святому имени, исполнилъ вѣры, надежды и любви, для разумѣнія истиннаго Бога, написалъ его въ книгу жизни и прославилъ въ немъ имя пресвятой Троицы.»

Сею молитвою начинается и надъ младенцемъ оглашеніе, за коимъ слѣдуютъ четыре заклинанія противъ прелести искушителя. На послѣднемъ Священникъ взывая къ Создателю чловѣковъ, дабы отверзъ мысленныя очи новорожденному и далъ ему Ангела свѣтлаго, дуетъ на уста, чело и перси младенца, трижды произнося слова сіи: «изжени изъ него всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнѣздящагося въ сердцѣ его.»

Здѣсь изчисляетъ онъ многоразличныя виды обольщеній: духа прелести, духа лукавства, духа идолослуженія и всякаго лихоимства, духа лжи и всякія нечистоты, чтобы тѣмъ обнаружить чловѣку его тайнаго врага и внушить необходимость совершеннаго съ нимъ разрыва для искренняго соединенія со Христомъ; послѣ че-

го, обращая на западъ крещаемого, трижды его спрашиваетъ:

«Отрицаеши ли сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангелъ его, и всего служенія его и всея гордыни его?» и воспріемники отвѣчаютъ за младенца: «отрицаюся.»

Но не довольствуясь симъ отреченіемъ, чтобы еще болѣе разрушить всякій союзъ съ духомъ прелести и неправды, и показать сколь должно быть осторожнымъ противъ его тайныхъ непримѣтныхъ оболъщевій, Священникъ еще трижды спрашиваетъ: «отрекся ли еси сатаны?» и опять трижды ему отвѣчаютъ: «отрекохся.» Въ засвидѣтельствованіе явной вражды велитъ онъ и дунуть и плюнуть на него, и тогда обращаетъ новопросвѣщаемого отъ темнаго запада къ свѣтлому востоку, симъ утѣшительнымъ вопросомъ, трижды повторяемымъ: «сочетаваеши ли Христу?» — и внявъ трижды отвѣтъ: «сочетаваюся» еще трижды спрашиваетъ: «сочетался ли еси Христу?» требуя рѣшительнаго слова: «сочетался.» «И вѣруеши ли ему?» восклицаетъ наконецъ Священникъ, — «вѣрую

ему яко Царю и Богу» отвѣтствуетъ вос-
пріемникъ и произноситъ за младенца сим-
воль вѣры.

Сіе испытаніе есть уже послѣднее и
потому, прежде нежели крещеніемъ об-
лечь во Христа, Священникъ хочетъ слы-
шать произвольную твердую исповѣдь Бо-
жества и вочеловѣченія Христова, дабы съ
вѣрою принято было таинство сообщаемое
только вѣрою, а потому опять и опять
спрашиваетъ: «сочетался ли еси Христу и
вѣруешь ли ему?» и снова слышитъ тотъ
же отвѣтъ и символъ. Тогда велитъ кре-
щаемому поклониться Христу, какъ по-
клонился нѣкогда прозрѣвшій слѣпецъ,
исцѣленный Спасителемъ, и воспріемники
поклоняются съ сими словами:

«Поклоняюся Отцу и Сыну и Свято-
му Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераз-
дѣльнѣй.»

А Священникъ заключаетъ оглашеніе
молитвою къ Господу, хотящему человѣкамъ
всѣмъ спастися и въ разумъ истины внити,
чтобы сподобилъ раба своего благодати кре-
щенія, исполнилъ его силы Святаго Духа въ

соединеніи Христу и сдѣлалъ его чадомъ царствія.

Пріуготовивъ такимъ образомъ младенца къ пріятію крещенія, онъ приступаетъ къ освященію самой воды, паружнаго вида таинства, но прежде умиленно и втайнѣ молить Господа, испытующаго сердца и утробы, презрѣть собственныя его согрѣшенія, дабы возвыщающій свободу другимъ самъ не остался рабомъ грѣха, и, не взирая на недостойнство священнослужителя, утвердить новорождаемаго Христу во святой его Церкви.

Укрѣпленный смиреніемъ, онъ возвышаетъ голосъ: «велій еси Господи и чудна дѣла твоя, и ни единое слово достойно будетъ къ пѣнію чудесъ твоихъ!» и пространно возвыщаетъ славу Божію, котораго поетъ солнце и славить луна, и слушаетъ свѣтъ, и трепещутъ бездны, коему присутствуютъ звѣзды и служатъ Ангельскія силы, закрывая крилами лица свои. Потомъ низходя съ ужасомъ къ неизглаголанному человѣколюбію Христову, не потерпѣвшему видѣть родъ человѣческій мучимый отъ

діавола, и въ образъ раба пришедшему спасти насъ, восклицаетъ:

«Ты убо, челоуѣколюбче Царю, прииди и нынѣ, наитіемъ Святаго твоего Духа, и освяти воду сію.»

И испрашивая на нее всѣ благословінія Іордановы, знаменуетъ трижды крестомъ съ сими словами: «да сокрушатся подъ знаменіемъ креста твоего вся сопротивныя силы.»

Наконецъ молится, чтобы духъ лукавый, наводящій омраченіе помысловъ и мятежныя мысли, не сошелъ съ крещаемымъ въ воду сію, которая да обратится въ воду избавленія, освященія, очищенія плоти и духа, ослабу узъ, оставленіе прегрѣшеній, просвѣщеніе души, баню новаго бытія, обновленіе духа, дарованіе сыноположенія, одежду нетлѣнія и источникъ жизни; молить дабы крещаемый, отложивъ ветхаго челоуѣка, облекся въ новаго, и погребшись со Христомъ въ водахъ крещенія, съ нимъ бы и воскресъ и причелся къ перворожденнымъ чадамъ на небеси.

Наступила самая минута совершенія

таинства; но, предъ тѣмъ какъ погрузить младенца въ подобіе смерти Христовой, Пресвитеръ освящаетъ его на сіе таинственное погребеніе елеемъ, какъ мертвеца, ибо отнынѣ онъ уже мертвъ міру, но живъ Богу: а потому и елей сей называется елеемъ радованія, и помазуетъ перси во изцѣленіе души и тѣла, уши во услышаніе вѣры, руки для подвиговъ, и ноги во еже ходити по стопамъ заповѣдей.

Таинственный елей знаменуетъ также благу ю маслину Іисуса Христа, къ которой прививается крещаемый, какъ новая вѣтвь, будучи отторгнутъ на всегда отъ дикой маслины міра, и самыя воды купели освящаются крестообразно елеемъ, въ знаменіе мира Божія съ человѣками; ибо Господь, предобразуя грядущую благодать свою, послалъ въ ковчегъ Ноя голубицу съ масличною вѣтвію.

Тогда взявъ обнаженнаго младенца, и возложивъ на главу его руки, Священникъ, взирая къ востоку, погружаетъ его трижды въ спасительныя воды, съ призываніемъ имени Отца и Сына и Св. Духа, и новое

чадо Церкви возносится отъ купели, таинственно рожденное и усыновленное Богу чрезъ Іисуса Христа, свыше всякаго слова. Оно облакается въ ризу правды, въ бѣлую одежду нетлѣнія, замѣнившую кожаныя ризы, какія далъ Господь согрѣшившему Адаму; а воспріемникамъ даются свѣчи, въ знаменіе того невещественнаго свѣта, который просвѣтилъ младенца, и сдѣлалъ его способнымъ пріять другое цѣлительное таинство муропомазанія, т. е. совершенія въ вѣрѣ.

Подобно какъ въ крещеніи, посредствомъ воды, духовно оmyвается человекъ отъ грѣха, такъ и подъ видомъ мyра, коимъ помазывается тѣло, запечатлѣвается и утверждается возрожденный отъ купели въ истинахъ вѣры, и ему сообщаются силы духовныя благодати для подвиговъ, какіе требуются отъ Христіанина. И хотя Священникъ совершаетъ сіе второе таинство вслѣдъ за первымъ крещенія, для того чтобы новое чадо Церкви имѣло въ себѣ, уже при самомъ началѣ, орудія сильныя противуборствовать обольщеніямъ: но мyро,

чрезъ которое они сообщаются, должна быть предварительно освящено Епископомъ соборно, потому что Апостолы всегда совершали въ вѣрѣ новокрещаемыхъ, соборною молитвою съ возложеніемъ рукъ. Такъ Апостолы Петръ и Іоаннъ были посланы, отъ всего сонма двѣнадцати въ Самарію, для утвержденія въ вѣрѣ пріившихъ тамъ святое крещеніе и запечатлѣли ихъ дарами Св. Духа; и сами Апостолы, прежде нежели сошелъ на нихъ видимо Духъ Святый, по вознесеніи Христовомъ, и сдѣлавъ ихъ учителями вселенной, были утверждены въ вѣрѣ Спасителемъ въ день его воскресенія, когда явившись сквозь затворенныя двери храмины, онъ дунулъ на нихъ и сказалъ: «пріимите Духъ Святъ.»

Миро же употребляется для того, чтобы Епископъ, освятившій оное, могъ заочно освящать имъ крещаемыхъ, и чтобы видимо изобразить невидимое помазаніе Св. Духа, нисходящее на Христіанина, подобно тому помазанію, какимъ освящались ветхозавѣтные Священники, Цари и Пророки, Пресвитеръ, съ молитвою, постепенно зна-

менуя мѣромъ крестъ на всѣхъ частяхъ тѣла: на челѣ, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ, персяхъ, рукахъ и ногахъ, говоритъ при каждомъ помазаніи: «печать дара Духа Святаго, аминь.» Съ сей только минуты принадлежитъ младенцу имя Христіанина, ибо и названіе Христа т. е. помазанника выражаетъ, что Спаситель былъ выше помазанъ Духомъ Божіимъ, какъ онъ самъ о себѣ возвѣщаетъ: «Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя.»

Священникъ совершаетъ трижды съ воспріемниками, несущими младенца, хожденіе кругомъ купели противъ солнца, возглашая: «елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь,» ибо новый воинъ облекшійся во Христа, долженъ идти къ Нему, солнцу правды, руководимый ученіемъ вѣры, не по привольному пути міра, склоняющемуся на западъ, но вопреки его стіхіямъ и началамъ и собственнымъ страстямъ своимъ.

Послѣ сего знаменательнаго хода, чтеніе посланія Апостола Павла къ Римля-

намъ объясняетъ намъ духовную силу таинства крещенія:

«Всѣ мы крѣстившіеся во Іисуса Христа, погружались въ смерть его. И такъ, мы погреблись съ нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и мы ходили въ обновленной жизни: ибо если мы соединены съ нимъ подобіемъ смерти, то должны быть соединены и подобіемъ воскресенія, зная то что ветхій нашъ чловѣкъ распятъ съ нимъ, чтобы исчезло тѣло грѣха, дабы намъ не быть уже рабами грѣху, ибо кто умеръ, тотъ свободенъ отъ грѣха. Если же мы умерли со Христомъ, то вѣримъ, что намъ и жить съ нимъ; зная, что Христосъ воскресши изъ мертвыхъ уже не умираетъ, смерть уже не имѣетъ надъ нимъ власти; ибо когда онъ умеръ, умеръ однажды для грѣха, а живя, онъ живетъ для Бога. Такъ и вы почитайте себя для грѣха мертвыми, а живыми для Бога, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.» (Рим. VI, 3 — 11).

А конецъ Евангелія отъ Матѳея свидѣ-

тельствуетъ, послѣ чтенія Апостола, о самомъ учрежденіи таинства Христомъ:

«Одиннадцать же учениковъ пошли въ Галилею на гору, куда повелѣлъ имъ Іисусъ, и увидя его поклонились ему, а иные усумнились, и приближась Іисусъ сказалъ имъ: дана мнѣ всякая власть на небеси и на земли; и такъ идите научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что я заповѣдалъ вамъ, и се я съ вами во все дни до скончанія вѣка; аминь.»

Въ первобытной Церкви новокрещенный, не выходя почти изъ храма, семь дней носилъ бѣлую одежду, возложенную на него въ отличіе и знакъ духовнаго торжества, а на осьмой день Священникъ съ молитвою разрѣшалъ ему поясъ одежды и окропивъ святой водою, омывалъ губою какъ уже очищеннаго и совершеннаго, и постригалъ власы въ знакъ отложенія мертвыхъ дѣлъ. Онъ опять напоминалъ ему сими обрядами, что облеченный въ свѣтлую ризу Христову, омовенный отъ грѣха и очищенный его вѣрою, и постриженный во

имя его, долженъ быть чистымъ во все теченіе жизни своей, соблюдая нескверною одежду нетлѣнія и обрѣзывая въ сердцѣ своемъ всѣ страсти житейскія.

Нынѣ, когда оба таинства вмѣстѣ совершаются надъ младенцемъ, присоединяется къ нимъ и окончательный обрядъ сей. Священникъ испрашивая новорожденному соблюденіе даровъ Св. Духа и жизнь вѣчную, кропитъ его водою съ сими словами:

«Оправдался еси, просвѣтился еси, освятился еси, омылся еси, именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего» и отираетъ его напоенною губою, воспоминаая при семъ великія таинства надъ нимъ совершившіяся.

Наконецъ онъ постригаетъ его крестообразно во имя Пресвятой Троицы, и молить, чтобы на главу освященнаго вѣрою младенца сошло благословленіе Божіе, по примѣру Давида, и чтобы возрастая до сѣдинъ старости, онъ славилъ Господа, и зрѣлъ во всѣ дни своей жизни благая Іерусалима.

ПИСЬМО III.

Послѣ двухъ возвышенныхъ таинствъ, которыя внезапно возводятъ человѣка отъ тьмы грѣховной къ свѣту Христову и дѣлаютъ его совершенно новымъ созданіемъ, перерождая въ водахъ крещенія и запечатлѣвая муромъ дары Св: Духа,— послѣ сихъ таинствъ, Господь даровалъ намъ третіе еще болѣе божественное, (если только такъ можно выразиться): ибо Онъ благоволяетъ, чтобы мы искренно ему пріобщались, вкушеніемъ его тѣла и крови, и въ сей духовной пищѣ обрѣтали ту силу, какая должна поддерживать насъ на пути къ вѣчной жизни.

Всякое торжество мира или союза между человѣками запечатлѣвается братскою

трапезою, въ засвидѣтельствованіе взаимной любви, и угощающій не щадитъ своихъ сокровищъ, чтобы только показать всю силу своей преданности тѣмъ, которые пришли на дружественный зовъ его;—но сокровища, какія предлагаются намъ на божественной трапезѣ Спасителя, выше всего человѣческаго, какъ и самое естество его. То что многострадальный Іовъ пророчески приводилъ, будто бы во свидѣтельство своей благодати и любви къ нему домашнихъ, которые, желая еще тѣснѣйшаго съ нимъ союза, восклицали: «о кто бы далъ намъ отъ плотей его насытиться!» (Іов. XXXI, 31)—то самое дозволилъ сынамъ человѣческимъ пострадавшій за нихъ Сынъ Божій, въ знаменіе своей любви.

И какъ все ветхозавѣтное было только тѣнию, образомъ новаго завѣта, то и при дарованіи закона народу Израильскому, избранному Богомъ, чтобы приготовить міръ къ пріятію Христову, дана ему была, въ память избавленія изъ плѣна Египетскаго, таинственная пища, агнецъ пасхальный, коего кровь, окроплавшая до-

мы Іудеевъ, спасала ихъ отъ Ангела смерти, поражавшаго Египтянъ. И другая небесная пища дарована была спасеннымъ агнчею кровію, — манна, сорокъ лѣтъ питавшая ихъ въ пустынь? доколѣ не возшли они въ обѣтованную землю, и манна сія была знаменіемъ того небеснаго хлѣба, какимъ питаетъ насъ Искупитель на пути странствія въ свое царство. Онъ далъ намъ сію безсмертную пищу, какъ плодъ, созрѣвшій на его крестномъ деревѣ, которымъ онъ возвратилъ насъ къ невинности Адамовой, подобно какъ и Адаму посажено было въ раю древо жизни, дабы живъ былъ во вѣкъ (Быт. III, 22). И такъ повсюду образъ сей таинственной пищи: въ раю начало, и тѣнь ея въ пустынь, и совершеніе въ горницѣ Сіонской, гдѣ Спаситель, благословивъ и преломивъ хлѣбъ, сказалъ: «пріимите и ядите, сіе есть тѣло мое,» (Мат. XXVI, 36).

Но прежде нежели грядущій на вольную страсть установилъ сіе таинство, Онъ уже заблаговременно приготавлиалъ умы къ его принятію, ученіемъ и предобразователь-

ными чудесами. Такъ учреждалъ Господь и таинство крещенія, ибо прежде чѣмъ даровалъ ему благодатную силу омывать грѣхи, онъ предпослалъ въ пустыню Іоанна, крестившаго только крещеніемъ покаянія, съ проповѣдію, что грядущій по немъ креститъ уже не одною водою, но и Духомъ. И здѣсь Спаситель показалъ себя заранѣе питателемъ народа, два раза чудесно размноживъ нѣсколько хлѣбовъ на пять и на четыре тысячи людей, приучая ихъ къ той мысли, что онъ одинъ будетъ питать собою вселенную. Когда же народы потекли вслѣдъ за нимъ для сей земной пищи, онъ возвѣстилъ имъ, что пища, отъ него ожидаемая, будетъ небесная, и что безъ нея нѣтъ истинной жизни:

«Я есмь хлѣбъ живой, сшедшій съ небеси, ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же который я дамъ, есть плоть моя, которую я отдамъ за жизнь міра.» Тогда Іудеи стали спорить между собою, говоря: какъ онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою?—Іисусъ же сказалъ имъ: «истинно, истинно говорю вамъ: если не

будете ѣсть плоти Сына чelовѣческаго и пить крови его, то не будете имѣть въ себѣ жизни; ядущій мою плоть и пьющій мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную и я воскрешу его въ послѣдній день; ибо плоть моя истинно есть пища и кровь моя истинное есть питіе; ядущій мою плоть и пьющій мою кровь пребываетъ во мнѣ и я въ немъ. Какъ послалъ меня живый Отецъ, и я живу Отцемъ, такъ и ядущій меня жить будетъ мною; сей то есть хлѣбъ, спешій съ небеси, не такъ какъ отцы ваши ѣли манну и умерли: ядущій хлѣбъ сей жить будетъ во вѣкъ.» (Іоан. VI, 51--58).

И многіе изъ жителей Капернаума, начатки будущихъ Капернаитовъ по ихъ невѣрію, тогда же воскликнули въ лице самому Христу Богу: «жестоко есть слово сіе, кто можетъ его послушати!»

Посему Спаситель, предвидя невѣріе и зная, что чelовѣкъ омраченный грубыми чувственными помыслами, не можетъ возвыситься духомъ до тайны его Божества, предварилъ учениковъ своихъ, что никто не можетъ придти къ нему, если сего не

дано будетъ отъ Отца его, и желая отъ нихъ свободной вѣры, спросилъ: «не хотите ли и вы отойти?» но Петръ отвѣтствовалъ ему и за Апостоловъ и за всѣхъ вѣрующихъ: «Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни, и мы увѣровали и познали, что ты Христосъ Сынъ Бога живаго.» (ст. 65 — 69).

И такъ чистая и божественная жизнь, жизнь духовная, которую утратилъ человекъ, вкусивъ отъ смѣшаннаго плода дерева добра и зла, не можетъ быть вновь имъ пріобрѣтена иначе, какъ вкушеніемъ истиннаго хлѣба небеснаго, хлѣба жизни. Недостаточно одного вѣрованія въ слова Христовы, необходимо самое пріобщеніе его тѣла и крови, столь ясно выраженное Господомъ, какъ первое условіе и залогъ вѣчной жизни. Божественная жизнь должна найти себѣ достойное вмѣстилище въ самомъ ествѣ нашемъ, чтобы уничтожилось тлѣніе врожденное въ насъ отъ первороднаго грѣха, и чтобы весь человекъ могъ воскреснуть въ послѣдній день, не только въ духѣ, но и въ прославленномъ

тѣлѣ, ибо не одна душа, но душа и тѣло составляютъ человѣка: по сему и Слово Божіе сдѣлалось для насъ пищею, подѣ другими самыми свойственными ея видами, хлѣба и вина. Весьма положительны слова Христовы: «если не вкусите плоти Сына человѣческаго и не пїете крови его, не будете имѣть въ себѣ жизни.» (Іоан. VI, 53). Здѣсь нельзя сомнѣваться въ настоящемъ ихъ значеніи; остерегись же дать какой либо иной превратный смыслъ столь яснымъ изреченіямъ и видѣть нѣчто символическое или нѣкое духовное прїобщеніе тамъ, гдѣ Спаситель возглашаетъ во услышаніе всѣмъ: «плоть моя истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питіе.» (ст. 55). Онъ долженъ пребывать въ насъ какъ и мы въ немъ, чтобы весь человѣкъ жилъ его жизнью.

«Сіе творите въ мое воспоминаніе,» (Лук. XXII, 19) сказалъ Спаситель ученикамъ своимъ, и тѣмъ самымъ онъ далъ имъ, еще до смерти, залогъ вѣчнаго своего присутствія между ними, которое потомъ обѣщалъ

при вознесеніи: «и се я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка.» (Мат. XXVIII, 20). Учредивъ Апостоловъ священнодѣйствователями своего новаго завѣта, и давъ имъ власть творить во имя его то, что онъ самъ совершилъ предъ ними, то есть божественное преложеніе хлѣба и вина, онъ сдѣлалъ возможнымъ для всѣхъ человѣковъ вкушеніе своей плоти и крови, и такимъ образомъ непрерывно возобновляется крестная его жертва, дабы люди всѣхъ мѣстъ и временъ могли лично въ ней участвовать и дѣйствительно пріобщаться Сыну Божію, ибо сіе есть условіе ихъ вѣчной жизни.

Повтореніе тайной вечери Христовой есть божественная литургія, во время коей, при молитвѣ священнослужителя, наитіемъ Св. Духа, прелагаются хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христовы, а вѣрные приступаютъ къ пріобщенію оныхъ. Но поелику таинство сіе, возвѣщающее смерть Господню до его втораго пришествія, столь велико, что по словамъ Апостола Павла: «кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ

противъ тѣла и крови Господней, и ѣсть и пьеть осужденіе себѣ, не уважая тѣла Господня,» (1.Кор.ХІ. 27.29) — то внимательная Церковь, допуская къ страшному таинству невинныхъ младенцевъ, слѣдуетъ въ отношеніи взрослыхъ совѣту того же Апостола: «и такъ да испытываетъ себя человекъ и такимъ образомъ пусть ѣсть хлѣбъ сей и пьеть отъ чаши сей.» (ст.28)

Но какъ будетъ испытывать себя самъ человекъ? какъ вникнетъ во всѣ изгибы кичливаго сердца, и достойно оцѣнить всѣ грѣхи свои предъ Богомъ? Если онъ подлинно какъ въ зеркалѣ увидитъ свою мрачную душу, то не овладѣетъ ли имъ чувство отчаянія, которое навсегда заставитъ его отказаться, страха ради, отъ пріобщенія тѣла и крови, и этимъ самымъ лишеніемъ жизненной пищи лишитъ его и вѣчной жизни? Съ другой стороны, по свойственной каждому склонности оправдывать свои поступки, сколь многіе съ внутреннимъ самодовольнымъ оправданіемъ приступили бы къ таинству и сдѣлались повинными тѣлу и крови Господнимъ. Мо-

гли бы случиться и такіе люди, которые чувствуя даже свое недостоинство, страха ради нареканія человѣческаго, дерзнули бы вкусить себѣ осужденіе въ спасительномъ таинствѣ. Борьба внѣшняго человѣка съ внутреннимъ, и совѣсти съ дѣянiями, едва ли не затруднительнѣе еще самыхъ утонченныхъ тяжбъ міра сего, для разрѣшенія коихъ прибѣгаютъ къ посредничеству и суду безпристрастнаго лица, имѣющаго законную власть ихъ оканчивать; не подобнаго ли же посредничества требуетъ и человѣкъ въ борьбѣ съ самимъ собою?

Все сіе предвидѣла благая Церковь, на все обратила свое материнское вниманіе, когда оградила страшное таинство пріобщенія и самихъ причащающихся, другимъ предохранительнымъ таинствомъ покаянія. Посредствомъ исповѣди человѣкъ открывая душу свою самому Богу, предъ лицомъ посвященнаго ему служителя, получаетъ отъ него разрѣшеніе въ грѣхахъ своихъ, если приноситъ въ нихъ искреннее раскаяніе, или запрещается ему приступать къ таинству тѣла и крови, вла-

стію свѣще дарованною Христомъ ученикамъ своимъ. «Пріимите Духъ Святый,» сказалъ имъ Господь: «кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся.» (Іоан. XX, 22, 23,) и еще прежде другихъ Петру: «что свяжешь на земли, то будетъ связано на небесахъ, что разрѣшишь на земли, то будетъ разрѣшено на небесахъ.» (Мат. XVI, 19). И какъ основаніемъ каждому изъ семи таинствъ Церкви служатъ, частію собственный примѣръ, частію слова Христовы, почерпнутыя изъ Евангелія, то и сіе четвертое таинство покаянія столь же ясно проявляется въ новомъ завѣтѣ, какъ самая его необходимость чувствуется въ собственномъ нашемъ сердцѣ.

Еще прежде проповѣди Спасительной мы уже слышимъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ Іоанна: «покайтесь ибо приблизилось царствіе небесное.» (Мат. III, 2) и вся Іудея стремится на Іорданъ исповѣдывать грѣхи свои Предтечѣ и принять отъ него предварительное крещеніе покаянія, чтобы потомъ достойно встрѣтить грядущаго Хри-

ста, имъ возвѣщаемаго, ибо одни чистые сердцемъ Бога узрятъ. И Спаситель безпрестанно окруженъ мытарями и блудницами, кающимися предъ нимъ въ грѣхахъ своихъ и получающими разрѣшеніе, которые потомъ дѣлаются его усерднѣйшими послѣдователями, ибо имъ отпускаются грѣхи за многую любовь: «кому мало прощается, тотъ меньше любитъ,» по словамъ Христовымъ. (Лук. СII. 47.)

И къ какому другому средству могли бы мы прибѣгнуть для примиренія и пріобщенія со Христомъ, если не чрезъ сіе спасительное таинство, утративъ однажды чистоту, дарованную намъ въ водахъ крещенія? Чѣмъ можемъ загладить проступки, въ которые вовлекаетъ насъ гордость духовная и плотская, если не смиреніемъ кичливаго сердца, чрезъ откровенное сознаніе грѣховъ нашихъ предъ подобнымъ намъ человекомъ? Древніе Христіане, менѣе насъ испорченные, слѣдуя заповѣди Апостольской: «исповѣдайте другъ другу согрѣшенія,» (Іак.V, 16.) ложились на прагъ церковномъ и объявляли грѣхи свои въ слухъ

всей братіи. Нынѣ же, когда отъ послабленія нравовъ, подобное сознаніе предъ всѣми людьми могло бы быть употреблено во зло, снисходительная Церковь не требуетъ общественнаго произвольнаго сближенія и довольствуется, чтобы кающіеся довѣряли грѣхи свои одному освященному лицу, какъ приходили нѣкогда исповѣдываться Іоанну и Апостоламъ; и если съ должною искренностію приступать къ сему таинству, то оно не только послужитъ къ разрѣшенію грѣховъ настоящихъ, но и преградою къ будущимъ. Какъ часто удерживаетъ отъ грѣха одна мысль, что должно будетъ открыть его духовнику, дабы чрезъ добровольное сознаніе предъ однимъ лицомъ, обязаннымъ хранить тайну, избѣжать обличенія предъ сонмомъ чловѣковъ и Ангеловъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ.

Въ первобытныя времена кающіеся отлученные отъ пріобщенія тѣла и крови Христовыхъ, за тяжкія согрѣшенія, раздѣлялись на четыре разряда. Одни не смѣли входить въ церковь и съ плачемъ просили

молитвъ отъ проходящихъ; другіе стояли въ притворѣ и выходили съ оглашенными; третіи подходили подъ руку благословляющаго Епископа вмѣстѣ съ готовящимися къ крещенію и съ ними удалялись изъ храма; послѣдніе оставались и во время литургіи, но не приступали къ Св. дарамъ, и сіе испытаніе, продолжавшееся иногда нѣскольکو лѣтъ, смотря по степени вины, бывало сокращаемо по мѣрѣ усердія кающихся. И теперь возлагается церковное наказаніе, или эпитимія, на тяжело согрѣшившихъ, чтобы удаливъ ихъ на время отъ божественнаго причастія, дать имъ возчувствовать вину свою и избѣжать осужденія недостойныхъ причастниковъ, виновныхъ въ тѣлѣ и крови Христовыхъ. — Но и тѣхъ, которыхъ Церковь почитаетъ достойными божественнаго таинства, и тѣхъ приготавливаетъ она къ сей безсмертной трапезѣ, постомъ и молитвою, заблаговременно отвлекая ихъ помыслы отъ житейскаго, и внутренно очищая весь составъ бреннаго человѣка, дабы не опалился огнемъ причастія Христова.

Прежде, когда болѣе совершенства обрѣталось въ Христіанахъ, и вся жизнь ихъ была какъ одно чистое говѣніе предъ Господомъ, они ежедневно, или въ каждый воскресный день, подкрѣпляли себя на высокіе подвиги небеснымъ хлѣбомъ Спасителя, какъ мы ежедневно поддерживаемъ грубое тѣло пищею; и когда, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, кто либо изъ Христіанъ не приближался къ дарамъ, Пресвитеры по долгу своему спрашивали ихъ: не имѣютъ ли на душѣ какого тяжкаго грѣха, воспреещающаго имъ причастіе? ибо и больнымъ и отсутствующимъ оно разносилось руками Діаконовъ. Съ постепеннымъ же распространеніемъ Христіанства, между людьми всякаго рода и цѣлыми народами, Церковь начала поступать осторожнѣе при раздаяніи святыхъ даровъ, нежели какъ бывало прежде въ меньшемъ кругу вѣрныхъ, и четыре поста были избраны удобнѣйшимъ временемъ для совершенія сего Христіанскаго долга, въ духъ истиннаго покаянія.

Самый постъ не есть новое учрежденіе

Церкви, но заимствованъ ею, какъ вспомогательное орудіе для молитвы, изъ примѣровъ святыхъ мужей, ветхаго завѣта, и самаго Спасителя. Сколько Пророковъ приготовляли себя постомъ къ дѣлу проповѣди и возлагали его какъ покаяніе на цѣлыя народы! Мы видимъ Моисея и Ілію, послѣ сорокодневнаго поста, вознесшихся духомъ до созерцанія Божія, видимъ Іоанна Предтечу, котораго Спаситель назвалъ величайшимъ изъ всѣхъ рожденныхъ женами, проводящаго всю жизнь свою въ постъ среди пустыни. Самъ Искупитель пребылъ въ сорокодневномъ постѣ, на горѣ искушенія, и говорилъ о ученикахъ своихъ: «они будутъ поститься, когда отыметъ у нихъ женихъ,» (Мат. 9, 15) что и исполнилось, во время его страданія и смерти, и по его вознесеніи, ибо Апостолы пребывали всегда въ постъ и молитвѣ. А Церковь по мѣрѣ своего распространенія, примѣняясь къ нуждамъ времени и людей, вмѣстѣ съ нѣкоторыми наружными обрядами, опредѣлила также и продолженіе cadaго поста и самый родъ пищи, для

единообразія и порядка , дабы, чрезъ добровольное лишеніе, доставить вѣрнымъ подвигъ спасительнаго послушанія ея уставамъ.

Такимъ образомъ, Христіанинъ, внутренно расположенный къ принятію таинствъ, сперва приступаетъ благоговѣнно къ покаянію. Духовникъ, вмѣстѣ съ кающимся, молитвенно прибѣгаетъ ко Христу, пастырю и агнцу, воспоминаая примѣры ветхозавѣтные о прощеніи Давида и Манассіи, умоляетъ разрѣшить и сего грѣшника, во всѣхъ его беззаконіяхъ, и предъ самою исповѣдію дѣлаетъ ему сіе трогательное увѣщаніе:

«Се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое; не утрашися, ниже убойся, и да не скроеши что отъ мене; но не обинуяся рцы вся елика содѣлалъ еси, да пріимеши оставленіе отъ Господа нашего Іисуса Христа. Се и икона его предъ нами, азъ же точію свидѣтель есмь, да свидѣтельствую предъ нимъ вся елико речеши мнѣ; аще ли что скроеши отъ мене, сугубъ грѣхъ имаши. Внем-

ли убо, понеже бо пришелъ еси во врачебницу, да не неизцѣленъ отыдеши.»

И по искренней исповѣди кающагося, Пресвитеръ съ новою молитвою къ Господу, не хотящему смерти грѣшника, но дабы обратился и живъ былъ, разрѣшаетъ его по свыше данной ему власти.

Тогда начинаются приготовленія молитвенныя къ причастію, называемыя вечернимъ и утреннимъ правиломъ. Прежде нежели предаться покою, исповѣдавшійся, вмѣстѣ съ обычными молитвами на сонъ грядущій, читаетъ еще канонъ или акаѳистъ сладчайшему Іисусу, исполненный чувствъ раскаянія, и акаѳистъ Божіей Матери, ее величающій, и вслѣдъ за тѣмъ канонъ Ангелу хранителю. Другой умилительный канонъ причащенія, который изображаетъ всю важность пріемлемаго таинства, предлагается на утро а вмѣстѣ съ иными возвышенными молитвами, сердечнымъ изліяніемъ святыхъ: Василія великаго и двухъ Іоанновъ, Златоуста и Дамаскина, и двухъ Симеоновъ, новаго Богослова и Метафраста. Такъ сильны и трогательны сіи двѣнад-

цать молитвъ, что ихъ внимательное чтеніе невольно смягчаетъ ожесточенное сердце, невольно исторгаетъ вздохи и слезы, и эти вздохи облегчаютъ душу, и эти слезы очищаютъ сердце, и умиротворяютъ огонь божественныхъ таинъ, пополающій недостойныхъ.

Первый Св. Василій прибѣгаетъ ко Христу, источнику жизни и безсмертія, воспоминавая его страданія, и подобно блудному сыну восклицаетъ: «согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и нѣсмь достоинъ возрѣти на высоту славы твоея!» Но хотя и проникнутый чувствомъ своего недостойнства, какъ созданіе благаго Творца, не отчаявается о своемъ спасеніи, вмѣстѣ съ разбойникомъ и мытарями, и молить взявшаго грѣхъ міра — взять и его тяжкое бремя грѣховное, и очистить и соединить съ собою, да не въ судъ будетъ причастіе святыни, но въ общеніе Св. Духа и напутіе живота вѣчнаго, и благопріятный отвѣтъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ.

Златоустъ слѣдуетъ за великимъ Василіемъ и въ ужасъ останавливается: «Гос-

поди Боже мой, вѣмъ, яко нѣсмь достоинъ, ниже доволенъ, да подъ кровъ внидеши храма души моея, занеже весь пустъ и пался есть, и не имаши во мнѣ мѣста достойна еже главу подклонити; но якоже съ высоты насъ ради смирилъ еси себе, смирися и нынѣ смиренію моему, и якоже воспріалъ еси въ вертепъ и въ ясляхъ безсловесныхъ возлещи: — сице воспріими и въ ясляхъ безсловесныя моея души и въ оскверненное мое тѣло внити.» Далѣе воспоминаетъ онъ всѣ примѣры человеколюбиваго снисхожденія Спасителя къ грѣшникамъ и общенія съ ними, и на сіе опираясь молитъ о благодатныхъ дѣйствіяхъ божественнаго причащенія и для своей грѣшной души.

Потомъ Метафрастъ, изображая постепенно страданія воплотившагося Господа, молитвенно примѣняетъ къ намъ всѣ божественныя дѣйствія Христовы: проситъ его крестомъ умертвить страсти наши, погребеніемъ погребсти лукавыя совѣты, воскресеніемъ возставить падшаго, и вознесеніемъ одесную Бога сподобить десной части спа-

саемыхъ, и освятить напїемъ Св. Духа, и на второмъ пришествїи дать срѣтитъ Господа на облакахъ съ ликами Святыхъ. Но послѣ столь свѣтлыхъ надеждъ, внезапно заглянувъ въ свое сердце, съ трепетомъ переносится онъ къ сему послѣднему дню, и еще прежде его пришествїя предстоитъ уже предъ Господомъ, у святаго жертвенника, и предъ страшными и свѣтлыми Ангелами, преклоненный своею совѣстію, и приносить свои лукавыя и беззаконныя дѣянїя, обличая ихъ во всей наготѣ и подробности, не для себя, но болѣе для насъ, дабы побудить грѣшника, невольнымъ повторенїемъ грѣховъ своихъ, къ ихъ сознанію.

И кроткій Дамаскинъ взываетъ также къ имѣющему власть оставлять грѣхи чело-
вѣкамъ, чтобы презрѣлъ всѣ его согрѣшенїя и сподобилъ тайнъ божественныхъ, не въ тяжесть, ни въ муку, ни въ приложенїе грѣховъ, но въ очищенїе и освященїе и обрученїе будущаго живота и царствїя; а въ другой молитвѣ, памятуя кровоточивую жену, изцѣлившуюся однимъ

прикосновеніемъ края ризы Христовой, и блудницу разръшенную, когда держала его пречистыя ноги, онъ содрогается благоговѣйно при единой мысли, что дерзаетъ воспріять все тѣло Христово.

Молитва Симеона новаго Богослова возносится до торжественности гимна. Онъ смиренно молитъ Христа принять ее, отъ скверныхъ устенъ его и мерзкаго сердца, и нечистаго языка и души оскверненной, и дать силу дерзновенно изглаголатъ все что желаетъ, и научить что творить и глаголатъ: «и язвы зриши моя, но и вѣру вѣси, и произволеніе зриши и воздыханіе слышиши; не таится тебѣ, Боже мой, творче мой, избавителю мой, ниже капля слезная, ниже капли часть нѣкая; несодѣянное мое видѣстъ очи твои, въ книзѣ же твоей и еще несодѣянная написана тебѣ суть.» Но зная, что никакіе грѣхи не превосходятъ долготерпѣнія и человеколюбія Бога нашего, который творитъ кающихся общниками своего Божества, онъ снова дерзаетъ, радуясь вкупѣ и трепеща, огню причащаться и, странное чудо! орошается

неопалаясь, какъ древле купина горѣвшая неопально.

Наконецъ божественный Златоустъ, прибѣгая къ заступленію Пречистой Дѣвы, и Силъ небесныхъ и всѣхъ Святыхъ, заключаетъ рядъ вдохновенныхъ молитвенниковъ, столь живо проникнутыхъ воспріятимъ ими Христомъ, — умилительною молитвою, которую предъ самымъ пріобщеніемъ, уже въ дверяхъ царскихъ, Пресвитеръ, съ чашею въ рукахъ, велитъ повторять за собою причастникамъ, какъ исповѣданіе ихъ вѣры и смиренія :

«Вѣрую Господи и исповѣдую, яко ты еси воистинну Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ. Еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло твое, и сія самая есть честная кровь твоя, молюся убо тебѣ: помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя, вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ твоихъ таинствъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную.

Вечери твоея тайныя днесъ, Сыне Божій,
 причастника мя пріими; не бо врагомъ тво-
 имъ тайну повѣмъ, ни лобзанія ти дамъ
 яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю тя:
 помяни мя Господи во царствіи твоємъ.»

ПИСЬМО IV.

Доселѣ я говорилъ тебѣ о четырехъ первыхъ таинствахъ, чрезъ которыя необходимо долженъ пройти каждый Христіанинъ, чтобы соединиться со Христомъ и быть истиннымъ чадомъ его святой Церкви. Теперь обращаю твое вниманіе и на три послѣдующія таинства, не всегда и не всѣмъ сообщаемыя, смотря по различнымъ обстоятельствамъ жизни.

Одно изъ таковыхъ есть бракъ, установленный при началѣ міра самимъ Создателемъ, чтобы отъ благословеннаго корня раждались благословенные плоды и, послѣ искупленія міра, образующій духовно, чрезъ соединеніе мужа и жены, вѣчный союзъ Христа съ его Церковію; — бракъ не бываетъ однакоже общимъ удѣломъ, хотя по

истиннѣ блаженно и любезно Богу состояніе супружеское, когда оно соотвѣтствуетъ своей высокой цѣли.

Рожденіе дѣтей есть какъ бы непрестанное продолженіе творческаго дѣла Божія, для котораго мы только избраны орудіями, и раждаемое нами не есть одна лишь плоть, одушевленная чувственною жизнію, но существо разумное, образъ и подобіе Божіе: посему сколь священно должно быть для насъ таинство брака и сколь страшное дѣло, безъ благословенія Божія, такъ сказать, похищать творческія права его! Человѣкъ, нравственнымъ и естественнымъ бытіемъ своимъ, возносящійся надъ прочею тварію, уже ли долженъ въ одномъ лишь произведеніи себѣ подобныхъ уподобляться безсловеснымъ!

Когда же только соединенію двухъ разнаго пола лицъ, какъ двумъ жизненнымъ началамъ, ввѣрено свыше благословеніе произраждать дѣтей, то не согласно даже и съ законами естественными нарушеніе подобнаго союза, или распространеніе онаго далѣе необходимаго двойства; тогда бы и

жизненные силы сдѣлались чуждыми первобытному чистому ихъ назначенію и самому свойству брака, двухъ только и на всегда обращающаго въ плоть едину, по словамъ Писанія.

«И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе ю ко Адаму, и рече Адамъ: се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея; сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія; сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать и прильпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину.» (Быт. II, 22 — 25). Жена создается изъ ребра мужа для того, чтобы человекъ, сотворенный по образу Божію, былъ единственнымъ началомъ существъ своего рода, подобно какъ Богъ есть единственное начало всѣхъ родовъ существъ, и дабы жена была всегда близка къ сердцу мужа и естественно расположена къ покорности, будучи какъ бы его частию; наконецъ чтобы облегчилось между ними взаимное сообщеніе мыслей, чувствованій, совер-

шенствъ, и весь родъ человѣческій сдѣлался единымъ тѣломъ.

По сему, строго запрещается въ Христіанствѣ многоженство и своевольное расторженіе супружескаго союза; даже второй и третій браки, хотя и дозволяются Церковію, по снисхожденію къ немощи человѣческой, однакоже, особенно третій, не безъ очистительныхъ молитвъ и нѣкоторой эпитиміи, какъ отступленіе отъ первой чистоты единственнаго брака и угожденіе чувственности. Въ особенности наблюдаетъ Церковь за твердостію сего священнаго союза, внимая словамъ Спасителя: «еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ.» (Мар. X. 9). Одно только нарушеніе вѣрности супружеской, то есть самаго закона естественнаго, можетъ, по словамъ Христовымъ, быть виною расторженія столь твердыхъ узъ. (Мат. XIX. 9).

Какъ новый завѣтъ есть исполненіе и усовершенствованіе ветхаго, такъ и во всѣхъ его постановленіяхъ предметы чувственные уступаютъ всегда высшей духовной цѣли; по сей причинѣ требуется нынѣ болѣе

чистоты и условій нравственныхъ ко вступленію въ супружество, нежели какъ въ первобытномъ законѣ Моисеевомъ. По правиламъ Вселенскихъ соборовъ, признаннымъ всею Церковію, брачущіеся должны быть чужды всякаго кровосмѣшенія, проистекающаго отъ родства плотскаго, по крайнѣй мѣрѣ до пятой степени, чтобы болѣе уважались узы родства и тѣмъ соблюдалась чистота въ семействахъ. По тѣмъ же священнымъ правиламъ наблюдается при бракѣ и духовное родство, происходящее отъ спасительнаго таинства крещенія, дабы высшее рожденіе, по духу, не уступило и не примѣшалось низшему по плоти, и такимъ образомъ не утратились бы небесные плоды перваго.

Самыя молитвы и обряды таинства, какъ нѣкая возвышенная проповѣдь, научаютъ брачущихся всей важности предначинаемаго ими подвига, на поприщѣ скоротечной жизни, и такъ всегда дѣйствуетъ заботливая Церковь, являя себя истинною матерію вѣрнымъ чадамъ къ ней притекающимъ.

Прежде всего, троекратныя оглашенія о желающихъ вступить въ супружество повторяются въ три праздничные дня, послѣ литургіи, во услышаніе всей церкви, для того чтобы отклонить отъ таинства всякій злоумышленной обманъ, и предупредить недоумѣніе о узахъ родства, или какихъ либо тайныхъ обѣтахъ. А между тѣмъ женихъ и невѣста должны приготовить себя духовно, исповѣдію и причастіемъ, къ своему новому званію, и потому браковѣчаніе полагается по уставу тотчасъ послѣ литургіи, и никакъ не позже вечерни, изъ видовъ благоразумной предосторожности.

Обрядъ обрученія, нѣкогда отдѣльный отъ вѣнчанія, во избѣжаніе частныхъ случаевъ непостоянства, соединенъ съ самымъ таинствомъ и совершается предъ началомъ брака въ трапезѣ церковной. Послѣ краткихъ входныхъ молитвъ, Священникъ, съ троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ, даетъ сперва жениху золотой перстень, блескомъ металла изображающій, что онъ какъ солнце долженъ свѣтить своей супругѣ, и по-

томъ даетъ серебрянный, подобіе луны, невѣстѣ, какъ меньшему свѣтилу, заимствующему отъ большаго свѣтъ свой, и обручаетъ ихъ другъ другу во имя Пресвятой Троицы. — Они взаимно мѣняются перстнями, а Священникъ воспоминаетъ патріархальное обрученіе Ревекки Исааку, чрезъ служителя Авраамова, бывшее въ Месопотаміи, и молитъ Господа утвердить обручаемыхъ въ вѣрѣ, единомысліи, истинѣ и любви, поясняя въ тоже время силу и знаменованіе перстня, изъ примѣровъ ветхозавѣтныхъ.

Тогда женихъ и невѣста, держа въ рукахъ возженные свѣчи, изображающія духовный свѣтъ таинства, торжественно входятъ въ церковь, предшествуемые Священникомъ съ кадильницею, дабы познали, что жизненный путь ихъ долженъ быть по заповѣдямъ Господнимъ, а благія дѣла какъ ѳиміамъ возноситься къ Богу. На встрѣчу имъ, оба лика, съ громогласнымъ пѣніемъ: «слава тебѣ Боже нашъ, слава тебѣ!» привѣтствуютъ ихъ стихами 127-го псалма, въ которомъ Давидъ начерталъ картину бла-

гословеній Божіихъ, осѣняющихъ благочестивое супружество.

«Блажени вси боящіяся Господа, ходящіи въ путяхъ его. Труды плодовъ твоихъ съѣси, блаженъ еси и добро тебѣ будетъ; жена твоя яко лоза плодovitа въ странѣхъ дому твоего; сынове твои яко новосажденія масличныя окрестъ трапезы твоя:—се тако благословится человекъ бояйся Бога. Благословитъ тя Господь отъ Сіона, и узриши благая Іерусалима вся дни живота твоего, и узриши сыны сыновъ твоихъ. — Миръ на Израиля.»

Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ поучительныхъ словъ о святости супружества, и уже предъ самымъ началомъ вѣнчанія, Священникъ еще однажды испытуетъ сердца брачующихся, дабы, предъ лицемъ всей церкви, объявили они добровольное согласіе на взаимный союзъ, безъ нарушенія иныхъ священныхъ обѣщаній, и внявъ ихъ рѣшительному отвѣту, приступаетъ къ бракосочетанію благословеніемъ царства Пресвятыя Троицы.

Послѣ краткой эктениі, о ихъ благосо-

стояніи душевномъ и тѣлесномъ, произноситъ онъ три пространныя и трогательныя молитвы, въ коихъ воспоминается таинственное созданіе жены изъ ребра Адамова, и первое благословеніе брачное въ раю, распространившееся въ послѣдствіи на Авраама и другихъ Патріарховъ и праотцевъ Христовыхъ по плоти. Онъ молить, чтобы самъ воплотившійся отъ Дѣвы и благословившій бракъ въ Канѣ Галилейской, благословилъ и сочетавающихся рабовъ своихъ, какъ Авраама и Сарру, Исаака и Ревекку, Іакова и всѣхъ Патріарховъ и Моисея, какъ родителей Пресвятыя Дѣвы Іоакима и Анну, и родителей Предтечи Захарію и Елисавету, и сохранилъ бы ихъ подобно Ною въ ковчегъ, и Іонъ во чревѣ китовомъ, и тремъ отрокамъ въ пещи Вавилонской, и даровалъ бы имъ радость, какую имѣла Царица Елена, когда обрѣла честный крестъ. Онъ молить также Господа помянуть не только брачущихся, но и родителей ихъ воспитавшихъ, зане молитвы родителей утверждаютъ основанія домовъ, и даровать новымъ супругамъ, вмѣстѣ съ плодами чре-

ва, единомысліе душъ и тѣлестъ, долгоденствіе, цѣломудріе, взаимную любовь въ союзъ мира, благодать въ чадехъ, обиліе благъ земныхъ, и вѣнецъ неувядаемый на небесахъ.

Тогда съ возложеніемъ на ихъ главы вѣнцевъ, которые знаменуютъ, что подвигъ дѣвственнаго цѣломудрія увѣнчается свыше, Священникъ повторяетъ надъ каждымъ лицомъ, называя его по имени, самыя слова запечатлѣвающія таинство:

«Вѣнчается рабъ Божій рабъ Божіей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа.»

И благословивъ трижды обоихъ, произноситъ: «Господи Боже нашъ, славою и честію вѣнчай я.»

Чтеніе посланія Апостола Павла къ Ефесеямъ служитъ объясненіемъ таинству. Апостоль повелѣваетъ женамъ повиноваться мужьямъ своимъ какъ Господу, ибо мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава Церкви, а мужьямъ любить женъ своихъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь, и самого себя за нее предалъ, и приводя во свидѣтельство сего неразрывнаго союза слова

Бытія, наконецъ восклицаетъ : «тайна сія велика ; я говорю по отношенію ко Христу и къ Церкви ; такимъ образомъ каждый изъ васъ долженъ любить жену свою какъ самаго себя, а жена должна бояться своего мужа.» (Еф. V, 32 33).

Вслѣдъ за Апостоломъ, Евангеліе отъ Іоанна, возвѣщаетъ первое чудо Спасителя въ Канѣ Галилейской, когда онъ, преложеніемъ воды въ вино, засвидѣтельствовалъ небесное благословеніе таинству брака ; и послѣ двухъ окончательныхъ эктеній молитва Господня : «Отче нашъ», какъ основаніе и вѣнецъ всѣхъ молитвъ, освящаетъ совершающееся таинство.

Еще два знаменательные обряда исполняются надъ брачующимися, напоминая имъ новыя обязанности ихъ званія. Священникъ, благословивъ сперва общую чашу, для общенія брака, трижды заставляетъ ихъ вкушать изъ нее вино растворенное водою, дабы уразумѣли юные супруги, что отнынѣ изъ той же чаши должны они черпать нераздѣльно радость и горе и не чуждаться общенія между собою. Потомъ соединивъ

ихъ руки на эпитрахиль, въ знаменіе неразрывнаго союза, ведетъ ихъ трижды кругомъ наложя, подобно какъ при таинствѣ крещенія вокругъ купели бываетъ водимъ или носимъ крещаемый, ибо и теперь предлежитъ новое поприще, хотя тотъ же путь указанъ по Христу. Въ сіе время оба лика поютъ :

«Исаія ликуй, Дѣва имѣ во чревѣ и роди сына Еммануила, Бога же и человѣка, Востокъ имя ему, его же величающе Дѣву ублажаемъ.»

«Святїи Мученицы, иже добръ страдальчествовавшии и вѣнчавшиися, молитесь ко Господу помиловатися душамъ нашимъ.»

«Слава тебѣ, Христе Боже, Апостоломъ похвала и Мучениковъ радованіе, ихъ же проповѣдь Троица единосущная.»

Сїи торжественные гимны суть тѣ же, которые поются при таинствѣ священства. Но тогда ликованіе совершается въ олтарѣ, выражая торжество чисто духовное и небесное, а при бракѣ — среди церкви, чѣмъ изображается радость брака земная, восходящая до небесной. Первый гимнъ прослав-

ляетъ благословенное, высшее рожденіе Емануила, дабы чрезъ сіе низвести на вступающихъ въ бракъ благословеніе къ рожденію дѣтей. Во второмъ и третьемъ гимнахъ представляются радованіе и вѣнчаніе Мучениковъ и Апостоловъ, дабы мысль торжествующихъ бракъ не останавливалась на одной земной радости, но стремилась горѣ, къ радости небожителей.

По окончаніи торжественнаго шествія Священникъ снимаетъ вѣнцы съ обоихъ супруговъ, привѣтствуя ихъ словами, наполненными патріархальной простоты временъ Авраамовыхъ :

«Возвеличися женише, якоже Авраамъ, и благословися якоже Исаакъ, и умножися якоже Іаковъ, ходяй въ мирѣ и дѣлаяй въ правдѣ заповѣди Божія.»

«И ты невѣсто возвеличися якоже Сарра, и возвеселися якоже Ревекка, и умножися якоже Рахиль, веселящися о своемъ мужѣ, хранящи предѣлы закона, зане тако благоволи Богъ.»

Вмѣстѣ съ привѣтствіемъ, онъ еще однажды молить Господа, благословившаго

бракъ Галилейскій, воспріять и вѣнцы сихъ
 брачившихся, нескверными и непорочными
 въ своемъ царствіи; а юные супруги сми-
 ренно преклоняють главы предъ Господомъ,
 внимая послѣдней молитвѣ, возсылаемой къ
 небу о ихъ благоденствіи, и по приглаше-
 нію Священника, цѣломудреннымъ взаим-
 нымъ лобзаніемъ, запечатлѣвають святую и
 чистую любовь свою.

ПИСЬМО V.

Немощи человѣческія, тѣлесныя и душевныя, имѣють также духовное врачеваніе, въ спасительномъ таинствѣ елеосвященія, чрезъ видимое помазаніе болящаго освященнымъ елеемъ, при молитвѣ священнослужителей объ отпущеніи его грѣховъ. Сіе таинственное дѣйствіе называется еще соборованіемъ, потому что въ знаменіе семи утѣшительныхъ даровъ Святаго Духа, семь Священниковъ должны по уставу совершать оное, хотя и меньшее число ихъ можетъ дополнять теплою молитвою недостатокъ соборнаго служенія.

Примѣръ божественныхъ Апостоловъ, которые будучи посылаемы самимъ Спасителемъ, по словамъ Евангелиста Мар-

ка (VI, 12. 13) «проповѣдывали покаяніе и многихъ бѣсовъ изгоняли, и помазывали масломъ многихъ больныхъ и исцѣляли» служить основаніемъ сему таинству, точнѣе опредѣленному въ посланіи Апостола Іакова, дабы вѣрные знали, какъ должно приступать къ нему.

«Болить ли кто въ васъ? да призоветъ Пресвитеры церковные, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господа; и молитва вѣры спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть отпустятся ему.» (Іак. V, 14, 15):

Столь великія обѣщанія духовныя и тѣлесныя заключаются въ елеосвященіи! Самый наружный обрядъ его, съ семикратнымъ чтеніемъ Апостола и Евангелія, до такой степени утѣшителенъ, что даже непостижимо, какимъ образомъ мысль о неминуемой кончинѣ сопрягается нынѣ съ совершеніемъ сего таинства надъ болящимъ, когда напротивъ всѣ его молитвы гласятъ о исцѣленіи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ могутъ служить и напутствованіемъ къ вѣч-

ной жизни. Апостолъ не говоритъ: «умираетъ ли кто изъ васъ? но болитъ ли кто, — пусть призоветъ Пресвитеры, и воздвигнетъ его Господь.» Мы же, по губительному невѣрію, прибѣгаемъ сперва къ внѣшней помощи, а когда уже нѣтъ болѣе никакой надежды приступаемъ къ пріобщенію и соборованію, забывая, что сказалъ Спаситель слѣпцамъ просившимъ у него исцѣленія: «по вѣрѣ вашей буди вамъ.» (Мат. IX, 29).

И можно ли ожидать облегченія, когда болящій пріемлетъ таинства, или въ совершенномъ изнеможеніи, такъ что и самое внутреннее сознаніе ему измѣняется, и духъ не напряженъ къ молитвѣ, или когда не будучи проготовленъ къ той мысли, что причастіе и елеи суть таинственныя орудія исцѣленія, слышитъ внезапное ихъ предложеніе какъ смертный приговоръ, и такимъ образомъ бываетъ болѣе исполненъ страха смерти, нежели упованія жизни, во время тайнодѣйствія. Сами ближніе окружающіе одръ больного дѣйствуя часто въ томъ же духѣ невѣрія,

не рѣшаются сдѣлать ему спасительнаго предложенія таинствъ и упускаютъ благоприятное время. Многіе предполагаютъ даже, будто бы елеосвященіе не можетъ быть повторяемо, и по сему ложному мнѣнію лишаютъ сами себя, на поприщѣ многоболѣзненной жизни, еще одной твердой опоры духа и врачеванія тѣлеснаго. Господь же не престаётъ взывать къ намъ: «пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы.» (Мат. XI, 28).

Когда полное число Пресвитеровъ совершаютъ таинство, то старшій изъ нихъ наполнивъ сперва ѳиміамомъ покой болящаго, кадитъ окрестъ стола, на коемъ лежитъ святое евангеліе и поставлены въ кандиль елей и блюдо пшеницы, съ семью свѣчами и водруженными стручками для поманія, и благословляетъ начало обычныхъ молитвъ. За ними слѣдуютъ тропари покаянія: «по- милуй насъ, Господи, помилуй насъ,» и умиленный канонъ о елеѣ, пустынное твореніе великаго Арсенія, который объясняя силу таинства, взываетъ къ божественному врачу: «да тихостію печати своея

милости назнаменаетъ чувствія рабовъ своихъ.» Послѣ краткихъ стихиръ и эктени, о освященіи елея и здравіи болящаго, начальствующій творитъ первую молитву надъ кандиломъ: чтобы Господь исцѣляющій души и тѣлеса, самъ освятилъ елей сей, во исцѣленіе помазующагося и въ очищеніе всякой страсти и скверны плоти и духа и всякаго зла. А между тѣмъ поются трогательные тропари, на разные гласы: скорому въ заступленіи Христу Богу, и святому его Апостолу и брату Іакову, первому строителю таинства, и чудотворному Святителю Муръ Ликійскихъ, и точителю мѹра великомученику Димитрію, и святымъ безсребреннымъ мученикамъ и цѣлителямъ, наконецъ Св. Іоанну, божественному другу Христову, и Пречистой Матери Божіей.

Тогда читаются, Діакономъ или чтецомъ, первое Апостольское посланіе Іакова о установленіи таинства елеосвященія, а начальствующимъ Пресвитеромъ первое Евангеліе отъ Луки о Самарянинахъ, который милосердовалъ къ ближнему, впадшему въ руки разбойниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, воспоми-

ная благодѣянiя Христовы къ роду человѣческому, имъ просвѣщенному и искупленному, и благодать служенiя, данную Пророкамъ и Апостоламъ, тотъ же Пресвитеръ проситъ Господа : сдѣлать и его достойнымъ служителемъ новаго завѣта и сотворить елей, уготованный для болящаго, елеемъ радованiя, освященiя, одеждою царскою, бронею силы во отгнанiе всякаго діавольскаго дѣйствiя, печатiю ненавѣтною и вѣчнымъ веселiемъ, и помазываетъ болящаго крестообразно на челѣ, ноздряхъ, ланитахъ, устахъ, персяхъ и рукахъ, съ сею молитвою :

«Отче святой, врачу душъ и тѣлесъ, пославый единороднаго твоего Сына, Господа нашего Іисуса Христа, всякій недугъ исцѣляющаго и отъ смерти избавляющаго, исцѣли и раба твоего отъ обдержавшiя его тѣлесныя и душевныя немощи, и оживотвори его благодатiю Христа своего, молитвами Пресвятыя Богородицы и предстательствомъ Святыхъ (коихъ называетъ имена).»

Подобно сему дѣйствуютъ и другiе шесть Священниковъ ; каждый въ свою

очередь, внявъ чтенію Апостола и прочитавъ самъ Евангеліе, помазываетъ елеемъ болящаго съ тою же молитвою: «Отче свя-
тый, врачу душъ и тѣлесъ» но прежде нежели приступить къ самому таинству помазанія, каждый изливаетъ душу свою предъ Господомъ, въ пространной и краснорѣчивой молитвѣ, чувствуя свое недостойнство и величіе таинства и нужды болящаго, какъ зеркало собственныхъ немощей, и воспоминаетъ многочисленные примѣры помилованія грѣшниковъ и исцѣленій въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ. Столь умилительны и вмѣстѣ столь возвышенны сіи молитвы, что онѣ невольно извлекаютъ слезы у предстоящихъ и тогда даже, когда духъ ихъ смущенъ и развлеченъ отчаяннымъ положеніемъ болящаго, близкаго ихъ сердцу.

Не менѣе разительно чтеніе шести остальныхъ Апостоловъ и Евангелій. Здѣсь является учитель язычниковъ Павелъ и повелѣваетъ сильнымъ носить немощи немощныхъ, и по примѣру Христову угождать не себѣ, но ближнему во благое, взывая къ Богу терпѣнія и утѣшеній. Онъ внушаетъ,

что всѣ суть члены тѣла Христова и изчисляетъ степени церковныя и дарованія, превознося надъ всѣми любовь; называетъ вѣрующихъ храмами Бога живаго и проситъ очиститься отъ всякой скверны плоти и духа; поставляетъ въ примѣръ, какъ его самого избавилъ Господь посреди гоненій, когда уже онъ не надѣялся спасти жизни и заповѣдуетъ упованіе на Бога; исчисляетъ плоды духовныя, внушая духовнымъ дабы исправляли падающихъ, и наконецъ, послѣ многихъ назидательныхъ увѣщаній о всегдашней радости и непрестанной молитвѣ, проситъ вѣрныхъ да не угашаютъ въ себѣ духа. Сей возвышенный рядъ посланій кончается словами Апостола къ Солунянамъ: «самъ же Богъ мира да освятитъ васъ всесовершенныхъ во всемъ, и всесовершенъ вашъ духъ, и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, да сохранится.» (I Сол. V, 22, 23).

А предметами шести Евангельскихъ чтеній избраны, послѣ притчи о Самарянинахъ: сказаніе о мытарѣ Закхее, обратившемся при посѣщеніи его Іисусомъ, посланіе на

проповѣдь въ Іудею учениковъ, коимъ Господь далъ власть изгонять духовъ нечистыхъ, исцѣлять всякій недугъ и воскрешать мертвыхъ; также исцѣленіе самимъ Спасителемъ тещи Петровой и многихъ болящихъ, и притча его о пяти мудрыхъ и пяти безумныхъ дѣвахъ, не приготовившихъ елея въ срътеніе жениху, и великая вѣра жены Хананейской, усиленно испросившей здравія своей дочери. Наконецъ Евангелистъ Матѳей самъ о себѣ повѣствуетъ, какъ онъ изъ мытаря сдѣлался Апостоломъ, и приводитъ отвѣтъ Іисусовъ роптавшимъ на него Фарисеямъ: «не требуютъ здравіи врача, но болящій; шедше же научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы? не приидохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе.» (Мат. IX. 12, 13).

Когда же и послѣдній изъ Пресвитеровъ совершитъ помазаніе, тогда всѣ они окружаютъ одръ больного (если самъ онъ не можетъ взойти въ ихъ средѣ) и начальствующій, разгнувъ святое Евангеліе, возлагаетъ письменами на главу его и про-

износить молитву къ Господу Іисусу, не хотящему смерти грѣшника, но да обратится и живъ будетъ. «Не полагаю руку мою грѣшную, на главу пришедшаго къ тебѣ во грѣсѣхъ и просящаго у тебя, нами, оставленіе грѣховъ, но твою руку крѣпкую и сильную, еже во святомъ Евангеліи семъ еже сослужители мои держать ни главъ раба твоего, и молюся съ ними и прошу милостивное и непамятозлобное челоуѣколюбіе твое, Боже, Спасителю нашъ »

Послѣ сего смиреннаго начала молитъ онъ Господа объ оставленіи грѣховъ болящаго, по примѣру древняго милосердія къ кающимся, и снявъ съ главы Евангеліе, дастъ цѣловать оное больному. Краткая эктенія о милости, жизни, здравіи и спасеніи его и оставленіи грѣховъ, вмѣстѣ съ двумя стихирами святымъ безсребреннымъ исцѣлителямъ и Божіей Матери, заключаетъ таинство, и пріявшій оное благоговѣйно трижды кланяется совершителямъ говоря имъ изъ глубины сокрушеннаго сердца: «Благословте отцы святіи и простите мя грѣшнаго.»

ПИСЬМО VI.

Наконецъ желаю я бесѣдовать съ тобою, любезный другъ, о великомъ таинствѣ священства, которое можетъ по справедливости назваться вѣнцемъ и связію всѣхъ другихъ, ибо оно служитъ спасительнымъ орудіемъ для ихъ сообщенія, по благодати, данной Апостоламъ и постепенно низшедшей, чрезъ непрерывное рукоположеніе, до нынѣшнихъ служителей Церкви Христовой.

Спаситель избралъ себѣ предпочтительно, изъ всего сонма вѣрующихъ, сперва двѣнадцать Апостоловъ, потомъ и другихъ семдесятъ учениковъ и послалъ ихъ, съ даромъ чудесъ и исцѣленій проповѣдывать

царствіе Божіе, еще во время собственной проповѣди когда самъ, какъ верховный Первосвященникъ, готовилъ принести себя Отцу въ жертву за грѣхи міра. По соверше-ніи же сей жертвы, въ самый день своего воскресенія, онъ даровалъ Апостоламъ власть отпущать грѣхи и, вознесшись на небо, излилъ на нихъ видимо Св. Духа въ огненныхъ языкахъ.

Такъ исполнились слова Пророковъ, обѣщавшихъ Израилю изліяніе Духа Святаго на дѣтей его, и новое священство въ замѣнъ ветхозавѣтныхъ Левитовъ; ибо и Глава новой Церкви, Христосъ, былъ поставленъ Первосвященникомъ, не по чину Ааронову и обрядамъ святителей Іудейскихъ, но по чину Мелхиседека, Священника Бога вышняго, таинственнаго по рожденію и кончинѣ, и помазанъ отъ Отца Духомъ Святымъ.

Здѣсь, въ сугубой благодати, дарованной Апостоламъ, и въ той, какая сообщена была семидесяти ученикамъ, проявляются уже при самомъ началѣ благовѣствованія двѣ сновныя степени священства: Епископа

и Пресвитера, въ послѣдствіи учрежденныя Апостолами, съ различіемъ во власти при сходномъ священнодѣйствіи; ибо, совершая одинаково божественную жертву тѣла и крови Христовыхъ, Пресвитеры подчинены Епископамъ и отъ нихъ пріемлютъ посвященіе. Третія же начальная степень Діакона, то есть служителя, установлена Апостолами, въ первенствующей Церкви, для служенія вѣрнымъ при божественной трапезѣ, дабы высшіе строители таинъ Христовыхъ могли исключительно посвятить себя проповѣди и молитвѣ. Въ книгѣ Дѣяній (Дѣя. VI. 6) сохранился и самый образъ посвященія въ санъ духовный, чрезъ возложеніе рукъ Апостольскихъ на главу избираемаго, при соборной молитвѣ, сообщавшей ему благодать Святаго Духа. Христіане, исключительно предназначенные для совершенія и преподанія таинствъ, должны сами въ большой мѣрѣ быть причастниками благодати, дабы получить дерзновеніе приблизиться къ страшному алтарю Христову. И донинѣ, отъ временъ Апостольскихъ, дѣйствіе рукоположенія

или хиротоніи (по Гречески) служитъ запечатлѣніемъ таинству священства, при возведеніи въ три главныя степени, Діакона, Пресвитера и Епископа, неизмѣнно сохранившіяся во вселенской Церкви. Прочіе же чины церковныя суть ничто иное, какъ ихъ подраздѣленія и примѣненія къ состоянію духовныхъ лицъ, и посему таинство священства не повторяется надъ пріемлющими сіи званія.

Такимъ образомъ, Діаконы именуются архидіаконами или протодіаконами, какъ старѣйшіе между собратіею при особѣ Архіерейской, и вообще имя іеродіакона присвоено всѣмъ монашествующимъ изъ числа ихъ, какъ равно іеромонахами, т. е. священноиноками называются Пресвитеры или Священники иночествующихъ. Начальствующій надъ бѣлымъ духовенствомъ при соборѣ, протоіерей, соотвѣтствуетъ саномъ начальнику обители, который судя по ея степени бываетъ строителемъ, игуменомъ или архимандритомъ, но въ сущности есть ничто иное

какъ Священникъ съ нѣкоторыми преимуществами во власти и служеніи.

Четыре степени существуютъ также въ высшемъ достоинствѣ Архіерейскомъ, которое по уставамъ Вселенскихъ соборовъ, должно быть необходимо устранено отъ узъ и обязанностей брака, дабы Святители, чрезъ отреченіе отъ міра, удобнѣе могли, какъ истинные пастыри, заняться стадомъ, ввѣреннымъ имъ отъ Главы Церкви Христа.

Они бываютъ Епископами или Архіепископами, судя по важности своихъ епархій; (на Востокъ же Архіепископомъ сначала стали именовать начальствующаго надъ нѣсколькими Епископами одной области); санъ Митрополита означаетъ собственно столичнаго Архіерея, со властію Архіепископа. Титулъ же Патріаршій присвоенъ исключительно Архіепископамъ Іерусалимскому, какъ святителю Сіона, матери Церквей; Антиохійскому, какъ наслѣднику кафедры, на которой возсѣдали Апостолы Петръ и Павелъ, и которой принадлежитъ начало имени Христіанъ; Александрійскому, какъ преемнику Св. Апостола

Марка; Константинопольскому, какъ Архіепископу столицы Греческой имперіи. Въ той же степени, до отдѣленія Западной Церкви, былъ и Римскій Архіепископъ, какъ святитель древней столицы; а по отдѣленіи Папы отъ общенія съ прочими Восточными Патріархами — званіе пятого ихъ собрата перенесено было, общимъ ихъ согласіемъ, въ возвеличенную Провидѣніемъ Церковь Россійскую. Посему и нынѣ Патріархи Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій, пребывая въ духовномъ союзѣ со Святѣйшимъ Синодомъ, который замѣнилъ въ Россіи Патріарха, суть представители православной Восточной католической Церкви, созданной на основаніи Апостоловъ и Пророковъ, имѣющей краеугольнымъ камнемъ самаго Христа Бога.

Теперь я постараюсь объяснить тебѣ постепенно священные обряды, употребляемые Церковію при рукоположеніи своихъ служителей, и прежде всего скажу нѣсколько словъ о причетникахъ, которые не составляя еще собственно священнаго

чина, призваны предварительно на служе-
ніе Богу, чтобы изъ числа ихъ посвяща-
лись въ послѣдствіи Діаконы и Пресвите-
ры. Посему, когда во время служенія ар-
хіерейскаго приводятся къ его кафедрѣ, по-
среди церкви, избранные въ должность при-
четниковъ, то сперва постригаютъ имъ вла-
сы, въ знакъ посвященія Богу, а потомъ
облекаютъ въ бѣлый стихарь, одежду чи-
стоты духовной. Въ первенствующей Цер-
кви между ними находились не только
чтецы и свѣщеносцы, по нынѣшнему
псаломщики и пономари, но и закли-
натели, которыхъ должность исключи-
тельно состояла въ чтеніи заклиатель-
ныхъ молитвъ противъ духовъ нечистыхъ
и надъ болящими.

Высшая изъ приготовительныхъ степе-
ней церковнаго служенія и ближайшая къ
священству, есть степень иподіакона,
предназначеннаго для того чтобы въ нѣкото-
рыхъ случаяхъ, въ служеніи архіерейскомъ
замѣнять діакона. Избранный приводится
также на средину церкви, къ сидящему Ар-
хіерею, и два діакона или иподіакона, всегда,

находящіеся при особѣ Святителя на литургіи, по его благословенію, возлагають крестообразно орарь на новаго служителя Христова, дабы препоясать его симъ знаменіемъ силы и готовности къ служенію. Святитель же осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ главу его, произнося молитву посвященія, и тотчасъ, для введенія въ новую должность, даютъ ему, какъ служителю, держать умывальницу и лентіонъ во время омовенія рукъ архіерейскихъ.

Чинъ хиротоніи Діакона и Пресвитера совершается почти единообразно, въ общемъ и открытомъ ходѣ обрядовъ, но съ важнымъ различіемъ въ молитвахъ и словахъ тайнодѣйственныхъ и не въ одинакое время литургіи. Діаконъ рукополагается по освященіи даровъ въ знакъ того, что онъ можетъ только служить таинству, совершаемому Епископомъ или Пресвитеромъ, но не имѣетъ власти дѣйствовать; а Пресвитера посвящаютъ тотчасъ послѣ великаго входа, чтобы онъ самъ участвовалъ въ приношеніи безкровной жертвы. Онъ и на великомъ входѣ, предварительно идетъ предъ

Св. дарами, покровенный воздухомъ, въ знаменіе благодати Духа Святаго, готовой его осѣнить. Болѣе же двухъ посвященій, одного Діакона и одного Пресвитера, по уставамъ соборовъ Вселенскихъ, не бываетъ на одной литургіи.

Два діакона приводятъ новопоставляемаго ко вратамъ царскимъ, и поклоняясь Архіерею, сидящему на кафедрѣ близъ угла престола, какъ бы одесную Христа, невидимо присутствующаго на престолѣ и дѣйствующаго чрезъ видимое служеніе рукоположителя, — возглашаютъ: «повели, повелите, повели преосвященнѣйшій Владыко.» Второе повелите относится къ Церкви, ибо въ первыя времена ея, участвовавшіе въ избраніи служителя алтарю, сами присутствовали при его представленіи Святителю. Тогда Протодіаконъ, если поставляется Діаконъ, если же Священникъ, то Архимандритъ или Протоіерей, ведутъ его около престола противъ солнца, какъ и при другихъ таинствахъ, по пути къ востоку духовному а не западу, и указываютъ ему цѣловать сперва всѣ четыре угла

престола, какъ престолъ самаго Господа, на коемъ совершается его жертва за грѣхи міра, потомъ нѣкоторыя части святительскихъ одеждъ и наконецъ руку Архипастыря, орудіе готовой излиться на него благодати; но прежде посвящаемый смиренно повергается къ стопамъ его, въ знакъ всегдашняго послушанія власти церковной. Трижды повторяется таинственное шествіе, а между тѣмъ лики поютъ торжественные гимны, которые, восторгая душу къ созерцанію, представляютъ, по тремъ степенямъ священства, три созерцательные образа:

Діакону, — образъ Мучениковъ, чтобы обрекъ себя служить Христіанскимъ таинствамъ съ самопожертвованіемъ, даже до мученичества, какъ перводіаконъ и первоученикъ Стефанъ.

Пресвитеру, — образъ Апостоловъ, чтобы онъ ихъ ученію и примѣру послѣдовалъ въ совершеніи таинствъ и проповѣданіи Христіанскихъ догматовъ.

Епископу, — не только образъ Апостоловъ, но и образъ Пресвятыя Дѣвы Бого-

матери, чтобы онъ, подражая ся дарованію чистоты духа и тѣла и подкрѣпляясь ея молитвою, питалъ въ себѣ материнское чувство въ отношеніи къ дѣтямъ Церкви, и высшимъ служеніемъ распространялъ въ ней жизнь Божію и дары Св. Духа.

«Святіи Мученицы, добръ страдалъ-
чествовавшии и вѣнчавшіися, молитесь ко
Господу помиловатися душамъ нашимъ.»

«Слава тебѣ, Христе Боже, Апостоловъ
похвала и Мучениковъ радованіе, ихъ же
проповѣдь Троица единосущная.»

«Исаія ликуй, Дѣва имѣ во чревѣ и
роди сына Еммануила, Бога же и человѣ-
ка: Востокъ имя ему, его же величающе,
Дѣву ублажаемъ.»

Тогда Святитель, воставъ съ кафедры,
становится у праваго угла престола, и предъ
нимъ преклоняетъ правое колѣно новопо-
ставляемый, если ему назначена меньшая
степень Діакона, какъ бы еще не полное
иго Христово, и оба колѣна, если готовит-
ся въ Пресвитеры; Архіерей же, съ крест-
нымъ знаменіемъ возложивъ на главу его
руку и край своего омофора, знаменіе во-

пощенія Христова, провозглашаетъ имя и степень посвящаемаго и всю Церковь приглашаетъ къ соучастію тайнодѣйственной молитвѣ сими словами:

«Божественная благодать, всегда немощныя врачующи и оскудѣвающія восполняющи, проручествуетъ благоговѣйнѣйшаго иподіакона или діакона въ діакона или пресвитера; помолимся убо о немъ, да прійдетъ на него благодать Всесвятаго Духа.»

По Гречески отвѣчаютъ лики на сіе провозглашеніе: «Кирие елейсонъ», Господи помилуй, въ память неразрывнаго общенія съ матерію нашею Греческою Церковію. Тогда Святитель, еще трикратно благословивъ главу посвящаемаго, втайнѣ призываетъ на него благодать Святаго Духа, испрашивая ему дары потребныя той степени, на которую онъ возводится. По исполненіи молитвы, преподавая ему священныя одежды и книгу, или орудіе служенія, каждый разъ и опять по Гречески, возглашаетъ во услышаніе всей Церкви »аксіось» т. е. достоинъ, а за нимъ то же повторяютъ по три раза лики, доколѣ

не облачится ставленникъ. Тогда новому Діакону даютъ, на все время совершенія даровъ, держать надъ ними рипиду, знаменую его служеніе Церкви; Священникъ же становится въ ряды своихъ сослужителей къ престолу, и Архіерей, по преложеніи хлѣба въ божественное тѣло, полагаетъ ему въ руку одну животворящую часть, какъ залогъ ввѣряемый ему отъ Христа и долженствующій вѣрно быть сохраненнымъ, а посвященный, ставъ позади престола, размышляетъ надъ сею страшною святынею о своемъ недостойнствѣ, доколѣ не услышитъ призывнаго возгласа: «святая святымъ.» Въ самый же часъ пріобщенія новые служители алтаря приступаютъ къ безсмертной трапезѣ прежде прочихъ, той же степени, чтобы почувствовали, съ какою ревностною любовію возжелалъ Христосъ сотворить съ ними сію пасху. Оба они, послѣднею эктеніею и заамвонною молитвою, заключаютъ литургію, послѣ коей Епископъ даетъ имъ въ алтарѣ приличное наставленіе.

Съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ совершается торжество посвященія Архіерейска-

го, дабы съ одной стороны вѣрные чада Церкви видѣли на какую высокую степень поставляется ихъ пастырь и исполнились бы къ нему благоговѣнія; а съ другой, чтобы и самъ посвящаемый Епископъ, чрезъ произносимые имъ обѣты и таинственные обряды, позналъ всю важность и долгъ своего званія. Введеніемъ на сей выпрениій путь служатъ предварительныя молитвы, произносимыя при его нареченіи сонмомъ Архіереевъ, когда въ присутствіи Святѣйшаго Синода объявляютъ о его избраніи, и умиленные тропари Св. Духу, воспѣваемые тогда старческимъ гласомъ Святителей, представляющихъ соборную Церковь.

«Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, низпославъ имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную, человеколюбче слава тебѣ.»

«Егда снизшедъ языки слія — раздѣляше языки Вышній; егда же огненныя языки раздаяше — въ соединеніе вся призва, и согласно славимъ Всесвятаго Духа.»

Чудная противоположность изображается стихами сего тропаря: въ Вавилонѣ смѣшеніе языковъ, отъ надмѣннаго столпотворенія, и враждебное раздѣленіе народовъ: — въ смиренной же храминѣ Сіонской огненное раздаяніе языковъ, сдѣлавшее рыбарей ловцами вселенной, дабы всѣ народы соединились во славу Божию. Таковъ благодатный отголосокъ новаго завѣта на одну изъ страшныхъ картинъ ветхаго.

Самый чинъ посвященія Архіерейскаго начинается испытаніемъ въ вѣрѣ избираемаго и его присягою, ибо Епископъ поставляется въ Церкви какъ свѣтильникъ, не только народу но и Пресвитерамъ ему сослужащимъ, и вѣра его должна быть несомнѣнна. Для сего собираются всѣ Архіереи, находящіеся въ столицѣ и садятся, въ полныхъ облаченіяхъ, на амвонѣ посреди церкви; нареченный выходитъ къ нимъ изъ алтаря, въ сопровожденіи старшаго священнослужителя и діакона, которые въ древности были представителями клира и города, избравшихъ себѣ Епископа, и ручались предъ соборомъ за нравственныя

его качества. Онъ становится на край разостланнаго ковра, съ изображеніемъ парящаго великаго орла надъ градомъ, ибо орелъ образуетъ высоту богословскаго ученія, которое обязывается благовѣстить поставляемый Епископъ и подобно орлу всегда горъ парящему, горняя мудрствовать и горнихъ искать, по Апостольскому слову, бдительнымъ окомъ съ высоты своего престола, надзирая надъ паствою; а градъ образуетъ сію паству, вручаемую новому Пастырю; отсель малые орлы, всегда подстилаемые на литургіи подъ ноги Архіерея, служатъ ему во всю жизнь напоминовеніемъ той присяги, какую онъ долженъ здѣсь совершать, наступая на орла. Тогда на вопросъ первенствующаго между Святителями: «чего ради пришелъ еси, чего просиши и како вѣруеши?» отвѣтствуетъ онъ: «хиротоніи Архіерейскія благодати» и читаетъ громогласно символъ вѣры. По благословеніи же старѣйшаго и по вторичномъ его вопросѣ о томъ: «какъ исповѣдуетъ вочеловѣченіе Христово?» ибо сей догматъ есть основаніе нашего спасенія, — онъ становит-

ся на средину орла и пространнѣе излагаетъ свое исповѣданіе, согласное съ соборною Апостольскою Церковію, отвергая всѣ ереси и громко возглашая имъ анаѹему, чтобы никто изъ православныхъ Христіанъ, собранныхъ въ церкви, не сомнѣвался о томъ, что онъ исповѣдуетъ вѣру католическую Восточную, какъ единую истинную.

Третій разъ первенствующій Архіерей вопрошаетъ ставшаго уже на главу орла: «какъ содержитъ онъ каноны Св. Апостолъ и Св. Отецъ?» Избранный же клянется соблюдать уставы Вселенскихъ семи соборовъ и девяти помѣстныхъ, и быть въ общеніи и любви съ братіями своими Епископами и повиноваться духовной власти Святѣйшаго Синода, исполняя свято долгъ своего званія, который въ подробности излагаетъ. Въ то же время творитъ онъ, какъ подданный, обычную присягу своему Государю, призывая Бога во свидѣтеля истины всѣхъ своихъ обѣщаній Церкви, и подходитъ къ амвону принять благословеніе всѣхъ Архіереевъ, послѣ чего поется многолѣтіе и онъ возвращается въ алтарь, а

литургія начинается обычнымъ порядкомъ.

Когда же послѣ входа со святымъ Евангеліемъ, всѣ Архіереи вслѣдъ за первенствующимъ торжественно вступаютъ въ алтарь, и воспѣвается трисвятая пѣснь, возносящая мысли къ созерцанію таинственной Троицы, — то избранный приводится опять Протоіереемъ и Архидіакономъ къ вратамъ царскимъ. Тамъ пріемлетъ его сонмъ Архіереевъ, посреди коихъ преклоняетъ колѣна, прямо противъ среды престола, какъ бы припадая непосредственно ко Христу, невидимо здѣсь присутствующему; они же возлагаютъ сперва разогнутое Евангеліе письменами на главу его, какъ бы руку самого Господа Іисуса, зовущаго на проповѣдь слова Божія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои освященныя руки, и первенствующій возглашаетъ тайнодѣйственные слова: «избраніемъ и искусомъ боголюбезнѣйшихъ Архіереевъ и всего освященнаго собора, божественная благодать...» и прочее, какъ, при хиротоніи Пресвитера и Діакона.

Потомъ благословивъ его троекратнымъ знаменіемъ креста, во имя Пресвятыя Троицы, онъ тихо произноситъ надъ нимъ молитву, воспоминающую преемственную благодать священства, низшедшую къ служителямъ Церкви отъ самихъ Апостоловъ; между тѣмъ всѣ Архіереи продолжаютъ держать на главъ его десныя руки, потому что, по уставамъ вселенскимъ, одинъ Святитель не можетъ посвящать равнаго себѣ и необходимо соборное рукоположеніе. Они также тихимъ голосомъ отвѣтствуютъ: «Господи помилуй» на тихую эктению одного изъ среды своей, молящагося о благѣ Церкви и новопоставляемаго ея сановника. Наконецъ первенствующій заключаетъ таинство другою трогательною молитвою, въ коей проситъ Господа: «сотворить сего новаго строителя таинъ достойнымъ своимъ подражателемъ, путевождемъ слѣпыхъ, свѣтомъ сущихъ во тмѣ, наказателемъ немудрыхъ, учителемъ младенцевъ, свѣтильникомъ въ міръ, да совершивъ души ввѣренныя ему въ сей жизни, предстанетъ престолу его непостыдно и великую мзду при-

иметь, юже уготовилъ пострадавшимъ за проповѣдь Евангелія.»

Послѣ общаго «аминь» произнесеннаго всѣми Святителями, старшій изъ нихъ пріемлетъ отъ Діаконовъ священныя одежды и подаетъ саккосъ, панагію, омофоръ новому Епископу, провозглашая его со всемъ соборомъ «аксіосъ» достойнымъ: а онъ, на каждую одежду проситъ благословенія всѣхъ Архіереевъ, цѣлуя ихъ руки; наконецъ увѣнчанному митрою, всѣ участвующіе въ рукоположеніи, даютъ цѣлованіе мира, какъ равному себѣ. Тогда отходятъ и разоблачаются; остается одинъ первенствующій и, для слушанія Апостола и Евангелія, возводитъ на горнее мѣсто вновь посвященнаго своего сослужителя, водворяя его въ святилищѣ и утверждая на кафедрѣ церковной. Они совершаютъ вмѣстѣ божественную литургію, и первый изъ нихъ пріемлетъ дискосъ, а второй чашу на великомъ входѣ; благословеніе же святыхъ даровъ принадлежитъ старѣйшему; но во время пріобщенія старшій подаетъ Пресвитерамъ святое тѣло, а младшій свя-

тую чашу. По окончаніи божественнаго служенія всѣ Архіереи, въ мантияхъ, собираются опять у престола и старѣйшій надѣваетъ на посвященнаго ими мантию съ источниками, изображающими источники благодати, долженствующіе истекать изъ устъ его; потомъ восходятъ они на амвонъ посреди церкви, и первенствующій вручаетъ, съ пастырскимъ поученіемъ, жезлъ правленія новому Епископу, который благословляетъ народъ.

ПИСЬМО VII.

Хотя я уже сказалъ тебѣ все, что при собственной моей неопытности, какъ мірянинъ, могъ говорить о святыхъ семи таинствахъ, касаясь болѣе внѣшнихъ обрядовъ, нежели самаго догмата, хочу однако же присовокупить еще нѣчто о иночествѣ, которое не будучи въ числѣ таинствъ, служитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнымъ дополненіемъ оныхъ, ибо принято какъ приготовленіе къ высшимъ степенямъ іерархіи, и образуетъ духовное обрученіе со Христомъ, и даже по возвышенности своихъ обѣтовъ, называется у Св. Отцевъ вторымъ крещеніемъ.

По примѣру великаго пустынножителя Пророка Іліи, удостоившагося видѣть сла-

ву преображенія на Ѡаворѣ, и по примѣру Іоанна Предтечи, большаго изъ всѣхъ рожденныхъ женами, по словамъ самаго Христа, начали уединяться первые отшельники Христіанства, чтобы вдали отъ искушеній и напастей языческаго міра молитвенно созерцать Господа, подобно Ангеламъ на небесахъ. Они послѣдовали совѣту Апостола Павла, который предвидя скорби истинныхъ Христіанъ, представилъ самъ себя въ примѣръ отреченія отъ міра:

«Я вамъ сказываю, братіе, время уже тѣсно; — имѣющіе женъ должны быть какъ неимѣющіе, и радующіеся какъ не радующіеся, и покупающіе какъ не приобрѣтающіе, и пользующіеся міромъ симъ какъ непользующіеся, потому что проходитъ образъ міра сего; а я хочу чтобы вы были безпечальны. Неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ.» (1. Кор. VII. 29 33).

Отсель любовь къ цѣломудрію и возвышенность духа, надъ всѣми преходящими благами, и разрѣшеніе отъ всѣхъ мір-

скихъ узъ, или по крайнѣй мѣрѣ пламенное желаніе сей духовной свободы, — были всегда первыми стихіями монашескаго быта. Есть люди, въ которыхъ, по особенной благодати Божіей, влеченіе ко всему божественному, священному и вѣчному столь живо, что они, кажется, только легкою нитію придерживаются временнаго и конечнаго; — тогда собственно духовная природа человѣка столь рѣзко въ немъ проявляется, что противоположная ей умираетъ уже почти въ сей жизни, и самая жизнь, по словамъ Апостола, сокровенна со Христомъ въ Богѣ. Такого рода люди не предпринимаютъ рѣшительнаго намѣренія отказаться отъ всего временнаго, чтобы заняться вѣчнымъ; безбрачіе, строгое воздержаніе въ пищу, удаленіе отъ житейскихъ наслажденій, не служатъ для нихъ средствомъ къ достиженію чего либо высшаго по духу; нѣтъ, они уже сами находятся въ семъ высшемъ состояніи, которое такъ преисполняетъ ихъ сердце, такъ удовлетворяетъ всѣмъ ихъ желаніямъ, что они сами по себѣ непринужденно воздер-

живаются отъ всего, такъ называемаго житейскаго, и внѣшній образъ ихъ жизни есть только выраженіе внутренняго ихъ расположенія. У большей части Христіанъ въ теченіе жизни бываютъ иногда минуты, въ которыя благочестивая дѣятельность овладѣваетъ внутреннимъ человѣкомъ до такой степени, что всѣ тѣлесныя потребности умолкаютъ и какъ бы не дѣйствуютъ. То, что со многими случается рѣдко, съ немногими же чаще, то самое у нѣкоторыхъ избранныхъ бываетъ обычнымъ.

Таковы были Антоній великій, Пахомій, оба Макарія, и другіе основатели житія иноческаго въ пустыняхъ Египта; таковы и въ каменистыхъ ущеліяхъ Палестины Иларіонъ, Евѣимій, Θεодосій, Савва, не считая прочихъ великихъ отшельниковъ. Святые мужи сіи отличались, не только глубокимъ знаніемъ вещей божественныхъ и великимъ благочестіемъ, но и по выпренности своего духа, не подчиненнаго внѣшнимъ впечатлѣніямъ, они имѣли ясный взглядъ на предметы и разумъ благихъ совѣтовъ, нѣкоторые же еще и даръ

чудесъ и сверхъестественную силу исцѣлений и прозрѣніе будущаго. Къ нимъ, какъ къ избраннымъ друзьямъ Божиимъ, стекались изъ далекихъ странъ народы, привлекаемые свойственнымъ каждому уваженіемъ ко всему священному и великому, и многіе послѣдовали ихъ примѣру. Между сими подражателями нѣкоторые имѣли истинное расположеніе къ иноческой жизни, но это не совсѣмъ ясное въ нихъ чувство требовало еще образованія и развитія, ибо внутреннее ихъ духовное богатство не могло достигнуть само собою совершенства; получивъ же однажды направленіе, они уже твердою стопою шли по новому выпреннему пути. Такимъ образомъ вокругъ уединенныхъ келій первыхъ отшельниковъ образовались постепенно скиты, то есть мѣста подвиговъ духовныхъ, и обширныя лавры, какъ бы вѣнецъ ихъ, по самому наименованію, и ими наполнились вскорѣ Египетъ и Сирія.

Въ четвертомъ столѣтіи, въ самомъ цвѣтущемъ для иночества, Св. Василій великій, Архіепископъ Кесаріи, проведеншій самъ

многіе годы въ уединеніи, послѣ продолжительнаго ученія въ Аѳинахъ, и посѣтившій обители пустынножителей, написалъ, сходно съ ихъ уставами, правила монашеской жизни для отшельниковъ своей Каппадокійской епархіи, отколѣ распространились они во всю Восточную Церковь, вмѣстѣ съ обрядами литургіи и другими канонами сего величайшаго Іерарха. Святая гора Аѳонская и монастырь Студитовъ въ Константинополѣ сохранили во всей строгости уставъ иноческій вселенскаго учителя, и въ совершенной чистотѣ передали Церкви Россійской, когда во времена Великаго Князя Изяслава, въ XI вѣкѣ, первые пустынножители наши Антоній и Феодосій Печерскіе, пожелали устроить по образцу ихъ свою новую обитель, въ дремучихъ пещерахъ Кіева; оттолѣ развилось иночество по всей Россіи, и всегда было украшеніемъ и спасеніемъ отечества, во дни его славы и бѣдствій.

Я разсказалъ тебѣ вкратцѣ о началѣ иночества; но если бы вникнуть пространнѣе въ постепенное его развитіе, если бы

обнять мыслию сей, такъ сказать, отдѣльный монашескій міръ, исполненный совершенства духовнаго, который процвѣлъ въ пескахъ Ѣгипта и утесахъ Палестины и дремучихъ лѣсахъ нашей родины; если бы изобразить всѣ подвиги святыхъ отшельниковъ и ихъ безмолвную жизнь, посвященную частію молитвѣ, частію трудамъ и призрѣнію убогихъ, — какая бы величественная, назидательная картина развилась предъ тобою! Но я не могу выходить изъ краткихъ предѣловъ сего письма и опишу тебѣ только одни трогательные обѣты, произносимые при вступленіи въ иночество. Ты увидишь изъ нихъ, какія добродѣтели требуются отъ инока, и сколь священно и назидательно міру лице его, когда, по мѣрѣ слабыхъ силъ человѣческихъ, исполняетъ онъ долгъ своего знанія; ты увидишь также, и можетъ быть не безъ изумленія, что отреченія монашескія не многимъ разнствуютъ отъ тѣхъ обѣтовъ, какіе даетъ каждый Христіанинъ при святомъ крещеніи, потому что кромѣ безбрачія и дѣвственности, которая присвоена иночеству,

какъ высшая добродѣтель, процвѣтшая въ міръ только со временъ Спасителя, и кромѣ исключительнаго упражненія въ постѣ и молитвѣ, все прочее: — смиреніе, цѣломудріе, послушаніе, преданность Христу Богу, требуются отъ инока на равнѣ съ каждымъ Христіаниномъ. На всѣхъ одинаково лежитъ легкое иго Христово и пребываніе наше въ міръ не можетъ служить извиненіемъ въ тяжкихъ отступленіяхъ отъ заповѣдей Господнихъ.

Трехлѣтній искусъ, или степень послушника, служитъ вступленіемъ въ монашескую жизнь, чтобы желающіе оной прежде испытали свои силы и тогда уже произносили невозвратные обѣты. Есть еще и другая приготовительная степень: прежде совершеннаго постриженія облачаютъ иногда послушника не въ полное одѣяніе инока, съ установленными молитвами, что называется рясофоромъ, т. е. ношеніемъ рясы, дабы въ ожиданіи полнаго иночества онъ еще болѣе утверждался на избранномъ пути. Самое иночество заключаетъ въ себѣ двѣ степени, малый и ве-

ликій образъ (по Гречески схима), потому что чистое житіе инока даетъ ему Ангельскій образъ на землѣ, но названіе схимника, обычаемъ, исключительно присвоено у насъ только инокамъ высшей степени, весьма малочисленнымъ, которые памятуя совершенное свое отреченіе и уже живя мыслію за гробомъ, большею частію предаются безмолвію и затвору.

Когда наступитъ день желаннаго постриженія, готовящійся братъ, предъ началомъ литургіи, принявъ благословеніе Игумена, слагаетъ съ себя обычныя одежды на паперти церковной и стоитъ въ преддверіи, въ одной власяницѣ, безъ пояса и обуви и покрова, въ знакъ своего разрѣшенія отъ міра; по входѣ съ Евангеліемъ и пѣніи антифоновъ, вся братія съ возжженными свѣчами изходитъ за нимъ, какъ бы въ срѣтеніе кающемуся сыну Евангельской притчи, и поетъ умилительнымъ напѣвомъ: «Объятія отчій отверсти ми потщися, блудно мое иждихъ житіе, на богатство неизслѣдываемое взираяй щедротъ твоихъ, Спасе. Нынѣ обнищавшее не презри серд-

це, тебѣ бо Господи со умиленіемъ зову: согрѣшихъ, Отче, на небо и предъ тобою.»

Въ дверяхъ царскихъ, какъ бы во вратахъ отеческаго дома, встрѣчаетъ Игуменъ трижды припадающаго брата и творить ему краткое увѣщаніе, чтобы онъ отверзъ ушеса своего сердца, внемля гласу Господа, зовущаго воспріять свое легкое иго, и помнилъ бы, когда со страхомъ и радостію будетъ давать обѣты, что самъ Спаситель и его Матерь и всѣ небесныя Силы, внимаютъ словамъ его, которыя отзовутся ему въ послѣдній день воскресенія.

Тогда вопрошаетъ: «что пришелъ еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и святой дружинѣ сей?» и внявъ отвѣту: «желая житія постническаго, честный отче» опять спрашиваетъ: «желаеши ли сподобиться ангельскаго образа и вчинену быти лику монашествующихъ?» — «Эй, Богу содѣйствующу, честный отче!» — смиренно отвѣчаетъ послушникъ; Игуменъ же одобряетъ его благое намѣреніе сими словами:

«Во истинну добро дѣло и блаженно избралъ еси, но еще и совершиши е; до-

брая бо дѣла трудомъ стяжаются и болѣзнію исправляются.»

Но не довольствуясь произвольнымъ пришествіемъ новаго подвижника и его первымъ сознаніемъ, онъ еще испытываетъ подробно: «вольною ли мыслию приступаетъ къ Богу, а не отъ нужды и насилія? пребудетъ ли въ монастырѣ и посниществѣ даже до послѣдняго издыханія? сохранитъ ли себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи и благоговѣніи и въ послушаніи къ настоятелю и братіи? и потерпитъ ли всякую скорбь и тѣсноту житія монашескаго, ради царствія небеснаго?» и на все сіе слышитъ тотъ же смиренный отвѣтъ, исторгаемый сознаніемъ своей немощи и упованіемъ небесной силы: «эй, Богу содѣйствующу, честный отче.»

Послѣ столь искренняго сознанія, удаляющаго уже всякую тѣнь сомнѣнія о доброй волѣ постригающагося, Игуменъ подаетъ ему благой совѣтъ, объясняя въ чемъ состоитъ житіе иноческое: онъ полагаетъ основаніемъ его чистоту, смиренномудріе и совершенное самоотверженіе, предостере-

гаетъ о искушеніяхъ, какія воздвигнетъ на воина Христова врагъ человѣческій, памятію прежняго житія, и предлагаетъ ему въ примѣръ святыхъ Мучениковъ и самаго обнищавшаго насъ ради Господа, и наконецъ еще однажды спрашиваетъ: «объщается ли пребывать въ сихъ обѣтахъ даже до конца жизни, по благодати Христовой?»

«Эй, Богу содѣйствующу,» снова отвѣчаетъ подвижникъ. Игуменъ же воспоминая молитвенно благоутробіе щедрого Бога, рекшаго Израилю: «аще бы и жена забыла изчадіе свое, азъ же не забуду тебе,» укрѣпляетъ духъ новаго брата обѣтованіемъ небесной силы въ подвигахъ духовныхъ, и утѣшенія Святаго Духа, и части святыхъ Антонія, Евѣимія и Саввы и сущихъ съ ними во Христѣ Іисусѣ.

Онъ велитъ преклонить голову сперва ему, потомъ и всей братіи, и молить Господа, признавшаго достойными себѣ служителями тѣхъ, кои оставили все житейское, и показавшаго намъ различные пути ко спасенію, — оградить и сего раба своего, силою Св. Духа, и принять его чистую

жертву Богу, и съ отъятіемъ власовъ его, отъять и всякую похоть безсловесную, сподобивъ его легкаго своего ига, и соблюденія святыхъ заповѣдей, и сопричтенія къ лику избранныхъ.

Тогда указывая ему на святое Евангеліе, лежащее на анолоѣ, какъ на самое присутствіе Христово, напоминаетъ, что по собственной волѣ хочетъ онъ обрученія великаго и Ангельскаго образа, что подтверждаетъ самъ постригающійся, и по повелѣнію настоятеля трижды подаетъ ему ножницы отъ святаго Евангелія, Игуменъ же говоритъ:

«Се отъ руки Христовы пріемлеши я, виждь кому сочетаешия, къ кому приступаеши и кого отрекаешия,» и въ третій разъ пріявъ изъ рукъ его ножницы, съ благословеніемъ имени Божія, постригаетъ власы ему крестообразно во имя Пресвятой Троицы.

При тихомъ пѣніи всей братіи: «Господи помилуй» начинается облаченіе новаго инока въ одежды его сана, рукою настоятеля, объясняющаго постепенно ихъ

духовное значеніе, съ призыванемъ имени Трієдинаго Бога. «Братъ нашъ, говоритъ онъ, облачается въ хитонъ вольныя нищеты и нестяженія, пріємлетъ парамантъ, во обрученіе великаго образа, и знаменіе креста Господня на свои перси, одѣвается одеждою радости духовной, препоясуетъ чресла свои силою истины, во умерщвленіе тѣла и обновленіе духа, покрывается шлемомъ надежды спасенія и покрываломъ послушанія, пріємлетъ (мантію), ризу спасенія и броню правды, обувается въ сандалія, во уготовленіе благовѣствованія мира, пріємлетъ мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій,» и наконецъ: «братъ нашъ пріялъ обрученіе великаго Ангельскаго образа, и облекся во всѣ оружія Божія, во имя Отца и Сына и Святаго Духа,» но при каждомъ облаченіи онъ просительно обращается къ братіи: «рцемъ о немъ: Господи помилуй!»

Тогда настоятель съ молитвою даетъ крестъ въ правую руку инока, напоминая ему слова Христовы: «рече Господь: аще кто хочетъ послѣдовати мнѣ, да отвер-

жется себѣ и возметъ крестъ свой и да послѣдуетъ мнѣ.»

Онъ даетъ ему и возженную свѣчу, съ которою долженъ стоять всю литургію, до своего причащенія, у иконы Спасительной, и опять произноситъ: «рече Господь: тако да возсіяетъ свѣтъ нашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.»

Облачивъ же совершенно новаго инока, молится, чтобы Господь ввелъ раба своего въ духовный свой дворъ, сопричелъ къ словесному своему стаду, очистилъ его мудрованіе отъ плотскихъ похотей, и далъ бы ему непрестанно воспоминавать блаженство, ожидающее любящихъ Бога и распявшихся, житіемъ манашиескимъ, ради царствія небеснаго.

Тотъ же самый порядокъ вопросовъ, увѣщаній и молитвъ, наблюдается и при постриженіи въ великую схиму но, по важности сего высшаго ангельскаго образа, есть разность въ нѣкоторыхъ молитвахъ и увѣ-

щаніяхъ, которыя пространнѣе, будучи приспособлены къ духовнымъ нуждамъ схимника, а въ облаченіи есть измѣненіе: — вмѣсто клобука надѣвають на него куколь незлобія и потомъ еще аналавъ, подобный священнической эпитрахили съ крестами. Особенный канонъ положенъ также на утренни дня постриженія, и трогательны самыя антифоны, которые долженъ произносить пріемлющій схиму, когда вступаетъ въ церковь:

«Хотѣхъ слезами очистити моихъ грѣховъ рукописаніе, Господи, и прочее живота моего благоугодити тебѣ, но врагъ льститъ мя и боретъ душу мою; Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя.»

«Кто обуреваемъ и притекаяй къ пристанищу сему не спасется? или кто болѣзнуя и припадая ко врачевству сему не исцѣлѣетъ? Содѣтелю всѣхъ и врачу недужныхъ, Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя.»

«Овча есмь словеснаго твоего стада, и къ тебѣ прибѣгаю, пастырю доброму, взыщи мя заблуждшаго, Боже, и помилуй мя.»

Когда постриженіе иноческое не совершается во время литургіи, то и тогда, послѣ облаченія новаго брата и краткой эктениі діакона, о его благосостояніи духовномъ, и пѣнія крещальнаго стиха: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь, аллилуія,» читается во услышаніе его Апостолъ и Евангеліе. Св. Павелъ, въ посланіи своемъ къ Ефесеямъ (ІХ, 10—17), научаетъ какова духовная брань наша и какъ должны мы сражаться.

«Братія, укрѣпляйтесь въ Господь, и въ могущество силы его: облекитесь во всѣ оружія Божія, чтобы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ; потому что наша брань не съ плотію и кровію, но съ начальниками, властями, съ міроправителями тмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными. Для сего пріимите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противустоять въ день злый и все преодолѣвъ устоять. И такъ станьте, препоясавъ чресла ваши истиною, и облекшись въ броню праведности, и обувши ноги въ уготованіе благовѣствованія мира. А паче всего воспріи-

мите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго, и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть слово Божіе.»

И Евангелистъ Матѳеѣй проповѣдуя самоотверженіе, именемъ Христовымъ, зоветъ къ нему новаго подвижника: «любящій отца или мать, болѣе нежели меня, не достоинъ меня, и любящій сына или дочь, болѣе нежели меня, не достоинъ меня; и кто не возьметъ креста своего и не послѣдуетъ за мною, тотъ недостоинъ меня. Приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обременные и я упокою васъ; возьмите мое иго на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ, ибо мое иго благо и бремя мое легко.» (Мат. X. 37. 38. XI. 28. 30).»

А братія привѣтствуя, цѣлованіемъ мира, новаго своего сподвижника поютъ:

«Познаемъ, братіе, таинства силу: блуднаго сына, отъ грѣха востекшаго къ отчому дому, преблагій отецъ встрѣтивъ лобзаетъ, и вновь даруетъ ему познаніе своей славы,

и совершаетъ таинственное съ горними пир-
шество, закалая тельца упитаннаго, дабы
мы достойно сожителствовали и предавшему
его на закланіе, челоѡколюбивому Отцу, и
славной сей жертвѣ — закалаемому Спасу
душъ нашихъ.»

ПИСЬМО I.

КНИГА IV.

О ПРАЗДНИКАХЪ И ПОГРЕБЕНІИ.

и совершить таинство...
 место...
 на...
 его...
 одной...
 а...

КНИГА IV

О ПРАЗДНИКАХ И ПОЛЧЕВНИ

ПИСЬМО I.

Мы нѣсколько отвлеклись, любезный другъ, отъ постепеннаго хода церковныхъ службъ и празднествъ, послѣдующихъ Пасхѣ; и какъ бы утомленные семинедѣльнымъ восходомъ на свѣтлую вершину, господствующую надъ всѣми горными торжествами Церкви, остановились, чтобы вкушать плоды крестнаго пути въ созерцаніи ея таинствъ; съ столь высокой точки могли мы окинуть, радостнымъ взоромъ, и трудный восходъ нашъ и легкое уже шествіе за предѣлами воскресенія Господня. Такъ, если только можно сравнивать небесное съ земнымъ, такъ усталому путнику, долго скитавшемуся по безпріютнымъ горамъ, внезапно открываются съ ихъ темени благо-

словенныя южныя долины и, забывая всѣ трудности пути, онъ жадно стремится въ ихъ роскошное лоно, на берега живыхъ источниковъ, подъ тѣнь прохладныхъ рощей.

Такъ и для насъ отрадно пролегаетъ духовная стезя, на разстояніи осьми недѣль отъ свѣтлаго праздника Пасхи до огненнаго сошествія Св. Духа на Апостоловъ, и еще далѣе до праздника всѣхъ Святыхъ, взшедшихъ въ радость Господа своего, и въ противоположность постной тріоди, тріодію цвѣтнoю назвала Церковь ликующее богослуженіе сего времени, въ которое ликуетъ съ нею самая природа.

«Днесъ весна душамъ, воспѣваетъ она, ибо Христось, какъ солнце, возсіялъ изъ гроба, тридневенъ, и отогналъ мрачную бурю нашего грѣха, и царица временъ приноситъ дары свои свѣтоносному дню, царю надъ всѣми днями.»

Таже глубокая мудрость, съ какою расположены были всѣ пѣсни, чтенія и обряды, возбуждавшіе насъ къ покаянію въ теченіи великаго поста, явствуетъ и въ

цвѣтной тріоди, для увѣренія нашего въ спасительномъ воскресеніи Христовомъ. Въ самое первое воскресеніе послѣ Пасхи, заботливая Церковь напоминаетъ намъ о краткомъ невѣріи Апостола Фома, послужившемъ для всѣхъ вѣковъ твердымъ основаніемъ вѣры въ воскресшаго, который, давъ осязать себя сомнѣвающемуся, исторгъ изъ устъ его радостное: «Господь мой и Богъ мой!»

«О преславное чудо! восклицаютъ вѣрные, Іоаннъ возлежалъ на персяхъ Бога Слова, Фома же сподобился осязать его ребра; и одинъ извлекъ оттолъ глубокое созерцаніе богословія, другой же тайно научаетъ насъ и ясно свидѣтельствуетъ о знаменіяхъ Христова востанія, взывая: «Господь мой и Богъ мой!»

«Сколь велико и безпримѣрно множество щедротъ твоихъ, человѣколюбецъ, и сколько ты долготерпѣль! — отъ Іудеевъ заушаемый и отъ Апостола осязаемый, и много испытанный отметающимися тебя: какъ воплотился ты? и какъ распялся безгрѣшный? — но вразуми и насъ, по-

добно Ѳомѣ, взывать къ тебѣ: Господь мой и Богъ мой, слава тебѣ.»

На слѣдующей недѣлѣ память погребателя Іосифа и Мүроносицъ, первыхъ свидѣтельницъ воскресенія Христова, представляетъ взорамъ нашимъ еще однажды упраздненный гробъ; а предъ дверьми его, какъ бы для взаимнаго удостовѣренія,—того кто привалилъ къ нему камень, и женъ обрѣтшихъ оный уже отваленнымъ на третій день, для каѳедры благовѣстнику Ангелу. Подобало, говоритъ синаксарій сей недѣли, женскому полу, первѣе падшему подъ грѣхъ и наслѣдовавшему клятву, первѣе увидѣть и воскресеніе Христова и прежде всѣхъ внять родостной вѣсти, ибо первая Ева услышала горькое слово: «въ печаляхъ родиши чада.»

»Мужество благаго ихъ намѣренія побѣдило немощь женской природы; онѣ возліяли муро со слезами на гробъ и радостію исполнились уста ихъ воззавшія: «воскресъ Господь!» И въ пѣсняхъ, прославляющихъ ихъ подвигъ, въ теченіи всей недѣли, часто ликующіе гимны сливаются

съ погребальными великой субботы, какъ отголосокъ божественной страсти, издаваемый гробовымъ утесомъ, вмѣстѣ съ обличеніями на Іудеевъ.

«Да рекуть Іудеи: какъ утратили воины стрегущіе Царя? почто камень не сохранилъ въ себѣ камня жизни? — или погребеннаго пусть возвратятъ, или воскресшему да поклонятся съ нами.»

За столь многими свидѣтельствами воскресенія слѣдуетъ, на растояніи недѣли, евангельская повѣсть Іоанна о разслабленномъ овчей купели, котораго исцѣлилъ Господь во время празднествъ Еврейской пятидесятницы, въ день субботній, и тѣмъ воздвигъ на себя негодованіе Іудеевъ. Еще болѣе возревновали они, когда Мессія, укоряя ихъ жестокосердіе, указалъ имъ на Моисея и Пророковъ, о немъ свидѣтельствовавшихъ, и уже явно обнаружилъ себя Сыномъ Божіимъ и равнымъ Богу, дабы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца. «Кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца, его пославшаго» сказалъ онъ, и сіе столь ясное свидѣтельство о Божествѣ, изшедшее изъ

устъ самага Господа, возглашается Церковію во услышаніе вѣрныхъ, какъ новое увѣреніе небесной славы распятаго и воскресшаго, который самъ подобно Отцу воскрешаетъ мертвыхъ и совершаетъ судъ.

Трогательны стихиры, воспѣвающія немощь разслабленнаго и челоуѣколюбіе Христово: «разслабленный, какъ мертвецъ непогребенный, видѣвъ тебя воскликнулъ: помилуй меня Господи, ибо одръ мой былъ мнѣ гробомъ, и челоуѣка не имѣю, да ввержетъ меня въ возмущающіяся воды купели; Спаситель же милосердую ему вѣщалъ: тебя ради я въ плоть облекся, тебя ради я челоуѣкъ, и ты ли еще глаголешь: челоуѣка не имѣю! — но возьми одръ твой и ходи.»

Три были великіе праздника у Іудеевъ: Пасха, въ память исхода ихъ изъ Египта, и Пятидесятница, воспоминавшая имъ законъ данный Моисею на Синаѣ, чрезъ пятьдесятъ дней послѣ исхода, и наконецъ поставленіе кущей, подъ сѣнь коихъ собирались они всенародно, каждое лѣто, въ память сороколѣтней бездомовной жизни въ пустынь.

Воскресеніе Господа, бывшее на другой день Пасхи Еврейской, и спустя пятьдесят дней сошествіе Св. Духа на Апостоловъ освятили для новозавѣтной Церкви оба празднества ветхаго завѣта; преполовеніе, то есть средній между ними день, пересѣкающій періодъ на двѣ половины, почитается также особенными молитвами и обрядами. Продолжающееся отъ самой Пасхи чтеніе Евангелиста Іоанна, представляетъ Іисуса, на половинѣ праздника Іудейскаго, вшедшаго въ храмъ и учащаго; — того довольно было чтобы день сей обратилъ на себя особенное вниманіе Церкви. Она вслушалась въ слова Спасителя, возглашенныя въ святилищѣ Іерусалимскомъ: «аще кто жаждетъ да грядетъ ко мнѣ и піетъ» и посему поетъ ему въ среду преполовенія:

»Преполовившуся празднику, жаждущую мою душу благочестія напой водами, Христе Боже, источниче нашея жизни.»

Отсель въ радостный день сей, который по словамъ утренняго канона, съ одной стороны озаряется божественною свѣтло-

стію Пасхи, съ другой же сіяетъ благода-
тію утѣшителя Духа, и своимъ обоюднымъ
свѣтомъ соединяетъ оба торжества, — бы-
ваетъ послѣ литургіи крестный ходъ на
воды, дабы утолилась освященными стру-
ями благочестивая жажда Христіанъ.

Въ два послѣдующія воскресенія пред-
лагается Евангеліе отъ Іоанна о Самаря-
ныни, которой открылъ себя Христосъ,
обѣщая ей источникъ духовный, на вѣки
утоляющій жажду, и о слѣпцѣ, который
всю свою жизнь помышляя единою ноцію,
воззвалъ къ сыну Давида и прозрѣлъ, по
глаголу его, умывшись въ купели Силоам-
ской.

Исповѣданіе вѣры его въ божествен-
наго исцѣлителя посрамило кичливое не-
вѣріе Фарисеевъ. «Вѣруеши ли въ Сына
Божія?» спросилъ Іисусъ изгнаннаго изъ
ихъ сонма; «а кто онъ, Господи? просто-
душно отвѣчалъ прозрѣвшій, чтобы мнѣ
вѣровать въ него!» Іисусъ сказалъ ему:
»и видѣлъ ты его и онъ говоритъ съ то-
бою!» — онъ же сказалъ: «вѣрую Го-
споди» и поклонился ему. — Подражая

блаженному вѣрованію прозрѣвшаго слѣпца, воззовемъ и мы ко Христу Богу, мысленному солнцу правды, который прикосновеніемъ своимъ просвѣтилъ, внутренно и наружно, лишеннаго свѣта отъ самаго рожденія, — да озаритъ онъ и наши душевныя очи и покажетъ насъ сынами свѣта, съ вѣрою къ нему вопіющими: неизреченно твое благоутробіе, человеколюбецъ, слава тебѣ.»

Чрезъ сорокъ дней послѣ Пасхи, сообразно съ временемъ самаго событія, празднуется славное вознесеніе Христова одесную Отца, по крестнымъ подвигамъ земной жизни. Такимъ образомъ, какъ предшествующіе дни его страданій, такъ и послѣдующіе свѣтлому востанію, вѣрно и постепенно обозначены службами церковными, дабы не стерлась изъ памяти ни одна драгоценная минута сего краткаго времени. — Подобно Апостоламъ, непрестанно ожидавшимъ утѣшительныхъ явленій своего Учителя, въ теченіи сорока дней, пока не вознесся видимо предъ ними, стоитъ и Церковь во всѣ сіи дни, какъ бы на духовной

стражѣ, и потомъ опять съ учениками Господа, въ псалмахъ и пѣніяхъ духовныхъ, ожидаетъ еще десять дней обѣтованнаго утѣшителя Духа. Тогда только цвѣтная тріодъ, воздавъ послѣднюю хвалу Святымъ Божиимъ, уступаетъ мѣсто обычному порядку служенія.

Но наканунѣ вознесенія, еще однажды, повтореніемъ всѣхъ пасхальныхъ гимновъ заключается свѣтлое торжество воскресенія Христова, и сіе отрадное повтореніе какъ бы утѣшаетъ вѣрныхъ, провожающихъ на небеса своего Икупителя; за вечернею дня отданія праздника уже воспѣвается вознесеніе.

»Книги писаній божественныхъ и книги премудрыхъ богоглагольниковъ явно пріiali совершеніе, ибо Господь, по востаніи своемъ, восходитъ славно на небеса и земля тайно ликуетъ.»

Какая торжественная картина развивается въ сихъ пѣсняхъ: »Господь возносится на небеса да пошлетъ утѣшителя міру, небеса приготовили престолъ ему, облака восхожденіе, Ангелы дивятся чело-

вѣка зря превыше себя, Отецъ ждетъ того кто вѣчно пребываетъ въ его нѣдрахъ, Духъ же Святый велитъ всѣмъ Ангеламъ его: возвысьте врата верхи ваши и всѣ народы воспещите руками, ибо Христосъ возшелъ туда гдѣ былъ прежде.»

Всѣ оставившіе на землѣ земное и пепельное персти, призываются мысленно возвести горѣ взоры и чувства и, какъ бы на горѣ Масличной, взиравъ сквозь отверзшіяся врата небесъ на облаконосимаго Христа, раздающаго Апостоламъ дары свои. И истинѣ чистаго созерцанія требуютъ выпреннія пѣснопѣнія торжественнаго дня сего, которыя, устами Св. Отцевъ, огласили Церковь, подобно какъ огласились небеса хорами Ангеловъ, съ трепетомъ воспѣвшихъ неприступную славу возносящагося.

Замѣчательны пророчества Исаіи и Захаріи, читаемыя наканунѣ праздника:

«Рцыте дщери Сіоновой, се Спаситель твой приходитъ, имѣя съ собою мзду, и дѣло его предъ лицемъ его. Кто сей пришедшій изъ Едома? багрянецъ Воссора на

ризахъ его? — Сей, красенъ въ одеждѣ своей, вопіетъ съ крѣпостію великою: я глаголю правду и судъ спасенія! Почто же багряны ризы твои? и одежды твои, какъ бы отъ истоптанія точила винограднаго, исполнены крови истоптанія! — Одинъ я истопталъ точило, и нѣтъ мнѣ въ помощь мужа между языками!.... Не ходатай, ни Ангелъ, но самъ Господь спасъ ихъ, ибо любить и щадить, самъ избавилъ и воспріялъ и вознесъ ихъ во всѣ дни вѣка.»

Захарія же ясно возвѣщаетъ: »се день грядетъ Господень и станутъ ноги его въ день тотъ на горѣ Елеонской, прямо Іерусалима, отъ востокъ солнца, и въ день тотъ изыдетъ вода живая изъ Іерусалима, — и будетъ Господь Царь по всей землѣ; въ день оный Господь будетъ единъ, имя его едино окружающее землю и пустыню.»

Поелику Церковь въ начальныя столѣтія имѣла правило, между днями Пасхи и Пятидесятницы, созывать соборы для утвержденія вѣры и для устройства дѣлъ своихъ, то она учредила праздновать въ воскресный день, послѣ Вознесенія, память

перваго Вселеискаго собора, трехъ сотъ осмнадцати Св. Отцевъ въ Никеи, которые засвидѣтельствовали грядущимъ вѣкамъ Божество Іисуса Христа, богохульно отвергаемое нечестивымъ Аріемъ.

Изъ семи Вселенскихъ соборовъ, утвердившихъ несомнѣнно догматы Православія, всѣхъ торжественнѣе и священнѣе былъ сей первый Никейскій, въ 325 году. Его составляли Святители, еще украшенные тогда дарами Апостольскими и силою чудодѣйственною, мученики и исповѣдники вѣры Христовой, которые не только словомъ ее засвидѣтельствовали, но по глаголу Апостола Павла, носили на тѣлѣ своемъ язвы Господа Іисуса; ибо многіе изъ нихъ подверглись жесточайшимъ истязаніямъ, при послѣднихъ гоненіяхъ на Христіанство, и засѣдали покрытые сѣдинами въ безсмертномъ сонмѣ своихъ сподвижниковъ, какъ изувѣченные воины Іисуса Христа. Императоръ великій Константинъ, собравшій ихъ со всѣхъ предѣловъ своей обширной державы, самъ благоговѣйно лобызалъ ихъ священныя раны и смиренно возсѣлъ по-

среди Ангельскаго сонма пастырей, исполненныхъ Духа Святаго и язвъ Христовыхъ.

Но хотя и созванные изъ дальнихъ и чуждыхъ другъ другу областей, всѣ они, основываясь на словѣ Божіемъ и на преданіяхъ Апостольскихъ, произнесли единодушно символъ исповѣданія вѣры, который и донынѣ, какъ незыблемое ея основаніе, поется на каждой литургіи. Посему Церковь, признательная къ симъ великимъ свѣтильникамъ, которые, напоивъ ее чистыми водами православнаго ученія, сами наслаждаются вѣчною радостію на водахъ упокоенія, ублажаетъ ихъ достойными хвалами.

«О божественный полкъ, тайну благочестія ясно предавшій Церкви, богоглаголивые оруженосцы Господа, свѣтлыя звѣзды на мысленной тверди небесной, неборимые столпы таинственнаго Сіона, муромъ дышущіе цвѣты рая, златыя уста Слова, Никейская похвала и украшеніе вселенной: — прилѣжно молитесь о душахъ нашихъ.»

Наканунъ дня сошествія Святаго Духа, какъ накануне памяти страшнаго суда предъ

великимъ постомъ, опять совершается память усопшихъ, чтобы и они сподобились, чрезъ посредство молитвы, — благодати готовой излиться на ихъ живыхъ собратій.

Наступилъ и великій день Пятидесятницы, богословски празднуемый Церковію; ибо она прославляетъ сошествіе Св. Духа возвышенными гимнами Пресвятой Троицы, украшая именемъ ея самое торжество перваго дня; а въ слѣдующій воспѣваетъ, въ подобныхъ же пѣсняхъ, благодатные дары, изливаемые Духомъ Святымъ на вѣрующихъ.

Торжественнымъ его сошествіемъ на Апостоловъ довершилось откровеніе міру трехъ лицъ Божества. По сей причинѣ и особенно, когда нечестивый Аріій дерзнулъ нарушать древнее основаніе вѣры въ Господа Іисуса, вопреки яснымъ словамъ Св. Писанія, и когда вслѣдъ за нимъ другой богохульникъ Македоній началъ отвергать Божество Духа Святаго, — блюстители догматовъ православія, соборною анаѳемою отлучивъ еретиковъ отъ общенія Церкви, для

огражденія вѣрныхъ отъ губительнаго ученія, соединили съ Пятидесятницею торжество Св. Троицы. А величайшій Богословъ сего времени и послѣдующихъ вѣковъ, утвердившихъ ему сіе славное званіе, Григорій, другъ великаго Василія и предмѣстникъ Златоуста на архипастырскомъ престолѣ Царяграда, послужилъ органомъ Пресвятой Троицы, изложивъ, по мѣрѣ силъ человѣческихъ, недоступную ея тайну вѣрующимъ, которые въ свою чреду ему поютъ:

«Пастырская свирѣль твоего богословія риторей побѣди трубы, тебѣ бо глубины духа изыскавшему и красоты вѣщанія приложишася отъ Бога.»

Столь возвышенны догматическія слова Св. Григорія, что они обратились въ ликующіе гимны:

«Прійдите людіе Тріипостасному Божеству поклонимся: Сыну во Отцѣ со Святымъ Духомъ; ибо Отецъ прежде всѣхъ вѣковъ родилъ Сына соприсносущнаго, и Духъ Святый былъ во Отцѣ съ Сыномъ

прославляемый, — единая сила, едино существо, единое Божество; Ему поклоняясь всѣмъ глаголемъ: Святыи Боже, все содѣлавшій Сыномъ содѣйствіемъ Св. Духа, Святыи Крѣпкій, коимъ мы познали Отца и Духъ Святыи пришелъ въ міръ, Святыи Безсмертный, утѣшительный Духъ, отъ Отца исходящій и въ Сына почивающій, — Троица Святая слава тебѣ.»

«Видѣхомъ свѣтъ истинный» поется также на вечерни праздника, и та же радостная пѣснь повторяется на каждой литургіи, по явленіи Св. даровъ, «пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльной Троицѣ поклоняемся, та бо насъ спасла.»

И отрадная молитва Утѣшителю, ежедневно и непрерывно произносимая нами, есть одинъ изъ гимновъ торжества сего:

«Царю небесный, утѣшителю Душе истинный, иже вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благихъ и жизни подателю, пріиди и вселися въ ны, и избави ны отъ всякія скверны и спаси, блаже, души наши.»

Тогда же читаются на пареміяхъ пророчества Іоиля и Іезекіиля, о грядущемъ изліянніи Духа, столь свѣтло совершившіяся въ день сей, и изъ книги Числъ Моисеевой, о знаменательномъ ниспосланіи того же Духа Божія на семьдесятъ старцевъ Израильскихъ; Господь, снизшедшій въ облакъ предъ скинію свидѣнія, отнявъ отъ Духа сущаго въ Моисеѣ, удѣлилъ имъ, и они стали прорекать посреди сонма въ пустынѣ, какъ прорекли Апостолы въ концы вселенной, со дня сошествія на нихъ огненныхъ языковъ.

Таковы вдохновенныя слова Іоиля, отъ лица Господа: «и будетъ по сихъ; излію отъ Духа моего на всякую плоть, и прорекутъ сыны ваши и дщери ваши, и старцы ваши сонія увидятъ, и юноши ваши видѣнія узрятъ; ибо на рабовъ моихъ и на рабынь моихъ, въ тѣ дни, излію отъ Духа моего и прорекутъ, и дамъ чудеса на небеси горѣ и знаменія на земли низу, — и всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется.»

Таковы слова Іезекіиля: «и дамъ вамъ сердце новое, глаголетъ Господь, и Духъ

новый дамъ вамъ, и отыму сердце каменное отъ плоти вашей, и дамъ вамъ сердце плотяное, и Духъ мой дамъ въ васъ, и сотворю, да въ оправданіяхъ моихъ ходите и судьбы мои сохраните и сотворите,—и будете мнѣ въ люди и я буду вамъ въ Бога.»

Утренніе гимны праздника сего не уступаютъ вечернимъ; здѣсь Косма Маіумскій, украсившій своими твореніями великіе дни страстной седмицы, воспѣваетъ въ описательномъ канонѣ благодатную силу Духа Святаго, и состязается на стихирахъ съ Григоріемъ Богословомъ.

«Духа источникъ, пришедъ на землю, мысленно раздѣлялся въ огненныя рѣки, орошая Апостоловъ, и былъ для нихъ какъ облакъ одождяющій пламенемъ и лїющій огонь просвѣщенія; чрезъ нихъ же и мы пріяли благодать, огнемъ и водою; свѣтъ Утѣшителя просвѣтилъ міръ!»

«О чада свѣтообразныя Церкви, прїимите рѣшительное очищеніе грѣховъ и огнедышущую росу Духа, ибо нынѣ пришелъ законъ отъ Сіона, въ языкахъ огнеобразныхъ благодать Духа.»

Пріидите, и уже не боясь огня устрашавшаго на неприступномъ Синаѣ, станемъ на горѣ Сіонской, во градъ живаго Бога, ликуя съ духоносными его учениками.»

«Духъ Святый, богословствуетъ Григорій, есть свѣтъ и жизнь и живой источникъ, духъ премудрости, духъ разума, благій, правый, умный, обладающій, очищающій грѣхи, Богъ и боготворящій, огонь отъ огня происходящій, глаголющій, дѣйствующій, раздѣляющій дарованія, коимъ всѣ Пророки и божественные Апостолы съ Мучениками вѣнчались; — страшное слышаніе! странное видѣніе! огонь раздѣляется въ подаваніе дарованій.»

И предъ чтеніемъ Евангелія о первомъ свиданіи воскресшаго Спасителя съ учениками, оба лика попеременно воспѣваютъ избранные стихи псалмовъ, пророчески изобразившихъ благодатное явленіе Духа Божія во вселенной.

«Небеса повѣдаютъ славу Божию» восклицаетъ одинъ, «Духомъ устъ его вся сила ихъ» отвѣчаетъ другой. — «Свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младен-

цевъ, кротко возглашаетъ первый и грозно откликается второй: «земля потряслася, ибо небеса канули отъ лица Бога Синаина.» Вотъ и подвиги Апостоловъ въ устахъ псалмопѣвца : «во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ; — послещи Духа твоего и созиждутся и обновиши лице земли; Господь даетъ глаголь благовѣствующимъ силою многою, Господь благословитъ людей своихъ миромъ»

Подобно какъ Евреи, по собраніи плодовъ своихъ, праздновали поставленіе кущей, и это было образомъ воскресенія изъ мертвыхъ, когда, по разрушеніи тѣлесныхъ нашихъ сѣней, мы вкусимъ плоды трудовъ своихъ въ сѣняхъ небесныхъ,—такъ и въ день Пятидесятницы обычай народный, не безъ духовнаго побужденія, древесными вѣтвями, обращаетъ всѣ храмы и ихъ преддверія и дома—въ зеленые сѣни мимотекущаго земнаго странствія, и разсыпаетъ цвѣты на могилы.

Вслѣдъ за литургіею начинается тор-

жественная вечерня, совершаемая въ Іерусалимѣ на горѣ Сіонской, надъ могилами отшедшихъ братій; предъ концемъ ея настоятель храма, преклонивъ колѣна вмѣстѣ съ народомъ, и обратясь къ нему лицомъ, въ дверяхъ царскихъ, читаетъ во услышаніе всѣхъ семь умиленныхъ молитвъ, раздѣленныхъ на три части, въ честь каждаго лица Святыя Троицы, о грѣхахъ нашихъ и о спасеніи, ожидаемомъ свыше по благодати Духа Святаго, и наконецъ о братіяхъ усопшихъ, требующихъ нашихъ поминовений. Сіи вдохновенныя молитвы, искони учрежденныя святымъ Василиемъ великимъ, исторгаютъ невольныя слезы, памятію грѣховъ собственныхъ и преставшихся душъ, и трогательную картину представляетъ въ сію минуту вся церковь поверженная на колѣни, какъ бы въ ожиданіи огненныхъ языковъ, невидимо сходящихъ на тайныхъ угодниковъ Божіихъ.

Наконецъ, спустя недѣлю, торжественно воспоминаетъ Церковь весь ликъ своихъ праведниковъ, чтобы никто изъ числа ихъ, таившій предъ міромъ свои добродѣтели,

не утаился отъ ея должнаго чествованія, и чтобы явственнѣе показать обиліе Духа Святаго, излившееся на землю и вознесшее горъ персть нашу, послѣ его видимаго соше- ствія на Апостоловъ.

«Духовные витіи, ученики Спасовы, вѣрою сдѣлавшись органами Духу, разсѣялись въ концы земли, православно сѣя честное проповѣданіе, и отъ нихъ прозябло, божественнымъ земледѣліемъ и благодатію, воинство мучениковъ, которые образуя страданія Господа, своими многообразными ранами, съ дерзновеніемъ молятся о душахъ.»

Такимъ образомъ, весь божественный промыслъ о человѣкахъ, отъ начала грѣхопаденія Адамова и даже до воплощенія Бога Слова и возведенія насъ, Духомъ Святымъ, на небеса, — все сіе заключаютъ въ себѣ обѣ тріоди, постная и цвѣтная, для назиданія и спасенія нашего столь великими воспоминаніями благодѣяній Божіихъ,

ПИСЬМО II.

Ни одно событіе Евангельское не празднуетъ Церковь съ такою духовною радостію, послѣ свѣтлыхъ дней Пасхи, какъ Рождество Спасителя, и ни къ какому дню не собрано ею столько ликующихъ гимновъ, единомысленныхъ по предмету, разнообразныхъ богатствомъ созерцаній. Подражая пастырямъ Виѳлеема, по зову Ангела приникшимъ къ колыбели воплощеннаго, многіе пастыри и витіи церковные воспѣли вокругъ нее свои высокіе гимны. Казалось, божественный младенецъ въ ясляхъ доступнѣе былъ ихъ священнымъ восторгамъ, нежели мужественный страдалецъ Голгоѣы, и сквозь дѣтскую улыбку менѣе ужасало Божество

его, нежели сквозь кровавыя капли пота. Устами ихъ непрерывно достигла и до насъ Ангельская пѣснь: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе.»

Но какъ всякое торжество Христіанское требуетъ и духовнаго приготовленія, чтобы съ чистымъ сердцемъ приступить къ созерцанію таинъ Божіихъ, то и предъ великимъ воспоминаніемъ воплощенія Бога Слова, насъ ради пріѣвшаго зракъ раба, учрежденъ сорокодневный постъ, по подобію великой Четырдесятницы. Въ бдѣніяхъ и молитвахъ должны мы смирять свою житейскую гордость, чтобы достигнуть духовной нищеты пастырей Виѳлеемскихъ, которые легко увѣровали въ спасительнаго младенца, не потому только, что имъ отверзлось небо ангельскими гимнами, но и потому, что ихъ собственное сердце уже готово было вмѣстить небесныя пѣсни, и подобно убогимъ яслямъ, пріять земное убожество небеснаго Владыки.

«Христосъ раждается! восклицаетъ еще среди поста, на утреннемъ канонѣ, Григо-

рій Богословъ, — славьте! Христосъ съ небесъ — срътайте! Христосъ на землѣ — возноситеся!» и тотъ же пѣвецъ заключаетъ свою дивную пѣснь:

«Таинство странное вижу и преславное: небо — вертепъ! престолъ Херувимскій — Дѣва! ясли — вмѣстилище, въ коемъ возлежитъ неприступный Христосъ Богъ!»

Свѣтлостію наступающаго торжества озаряются предшествующіе дни, озаряются и послѣдующіе, какъ будто бы звѣзда, руководившая Волхвовъ къ колыбели, однажды и на всегда стала вверху, на тверди церковной; ибо при кроткомъ ея сіяніи совокупила Церковь, вокругъ величаемаго ею младенца, все божественное его семейство и самыхъ Праотцевъ. Такъ памяти Адама и Евы, искупленныхъ отъ клятвы божественнымъ сѣменемъ жены, которое, по глаголу Моисея, стерло главу искусителя змѣя, и памяти всѣхъ Богоотцевъ Христа по плоти, посвящены два предыдущія воскресенія; а послѣдующее празднуетъ кроткаго предка

его Давида и мнимаго отца Іосифа и брата Іакова, перваго Святителя Іерусалимскаго. Незабыты и невинные младенцы, избіенные жестокимъ Иродомъ, искавшимъ погубили воплощеннаго; на другой же день Рождества торжественно собирается вся Церковь воздать должныя хвалы пресвятой Дѣвѣ матери, послужившей орудіемъ нашего спасенія.

За пять дней до самаго праздника уже начинается предпразднество.

«Незаходимое солнце грядетъ возсіять изъ дѣвственнаго облака и просвѣтитъ всю подсолнечную, воспѣваютъ лики духовные. Потщимся встрѣтить его чистыми очами и чистыми дѣяніями, и приготовимся духомъ пріять нынѣ грядущаго къ своимъ, чрезъ странное рождество, который, дабы возвести опять устранившихся отъ жизни Эдемской, человеколюбиво раждается въ Внолеемѣ.»

«Богъ Слово, носимый на раменахъ Херувимскихъ, облекшись плотію, вселился въ непорочную утробу и сдѣлался человекомъ, и грядетъ на землю родиться

отъ племени Іудова; святой вертепъ украшается для Царя всѣхъ, какъ бы величайшая палата, и ясли, какъ престолъ огнезрачный, въ коихъ полагаетъ неописаннаго младенца дѣва Марія, въ обновленіе созданія.»

«Готовься Виѡлеемъ, откройтеся врата Эдема, красуйся домъ Давида, Ефраѡа! се древо жизни процвѣло въ вертепъ отъ Дѣвы, и утроба ея явилась для насъ мысленнымъ раемъ съ божественнымъ насажденіемъ; вкушая отъ него мы не умремъ, подобно Адаму, но живы будемъ: Христосъ раждается прежде падшій возставить образъ.»

«Воспріими Виѡлеемъ Божію Митрополию, ибо свѣтъ незаходимый въ тебѣ приходитъ родиться. Ангелы удивляйтесь на небесахъ, человеки воспойте на землѣ, волхвы отъ Персиды преславные дары принесите, пастыри на свирѣляхъ трисвятую пѣснь сладко воспойте: всякое дыханіе да хвалитъ Вседѣтеля.»

Внимая столь возвышеннымъ гимнамъ, кажется внемлешь небеснымъ антифонамъ

самихъ Ангеловъ, которые земля подслушала у неба и, устами пастырей, передала Церкви.

«Ангельскія предыдите силы, приготовьте ясли въ Виѳлеемѣ: Слово раждается, мудрость происходитъ, пріемлетъ цѣлованіе Церковь.»

«Горы да каплютъ сладость, се Богъ приходитъ отъ юга; языки покоряйтесь, радуйтесь Пророки, Патріархи разыграйте челоуѣки восплещите руками: — великій и крѣпкій князь Христосъ рождается, Царь небесъ на землю приходитъ.»

«Гряди тяжкосердный Израиль, отвергни лежащій на сердцѣ твоємъ облакъ, познай Создателя рождающагося въ вертепѣ; сей есть — чаяніе языковъ, сей разрушитъ твои праздники, ибо ты не хочешь взывать ему: Христосъ Царь Израилевъ!»

Послѣдній день, предъ праздникомъ Рождества Христова, особеннымъ образомъ, посвященъ посту и молитвѣ и вѣрныя, памятуя звѣзду Волхвовъ, не разрѣшаютъ поста до появленія первой вечерней звѣзды,

срѣтая ея на молитвѣ: ибо въ сей день поздняя литургія Василія великаго соединена въ вечернею. И особенные часы, называемые царскими, составлены для сего дня, изъ псалмовъ и пророчествъ и чтеній новозавѣтныхъ, подобно часамъ великаго пятка; — ожиданіе Спасителя въ смиренномъ образѣ челоуѣчества столь же торжественно для Церкви, какъ и послѣдующія страданія Богочелоуѣка. Императоры Византійскіе всегда присутствовали въ своихъ палатахъ, съ великою пышностію, на сихъ часахъ, и отсель произошло названіе царскихъ и многолѣтіе, возглашаемое по ихъ окончаніи на вечерни.

Посреди Храма совершается служеніе: первый Давидъ воспѣваетъ въ псалмахъ грядущую славу своего Божественнаго сына, краснаго добротою паче сыновъ челоуѣческихъ: «престолъ твой Боже въ вѣкъ вѣка, восклицаетъ онъ, возлюбилъ еси правду и везненавидѣлъ еси беззаконіе; сего ради помазалъ тя, Боже, Богъ твой, елеемъ радости паче причастникъ твоихъ.»

И Пророкъ Михей вдохновенно обра-

щается къ Виѳлеему: — «такъ глаголетъ Господь; и ты, Виѳлеемъ, домъ Ефраѳовъ, неужели ты малъ, чтобы быть тебѣ между владыками Іудовыми? ибо изъ тебя изыдетъ мнѣ старѣйшина, которому быть Княземъ во Израилѣ; — произхожденіе же его отъ начала дней вѣка.»

Тогда Апостоль Павель, въ своемъ посланіи къ Евреямъ, описываетъ сіе безначальное происхожденіе Сына Божія, сіянія славы Отчей и образа существа его; а Евангелистъ Матѳей благовѣствуетъ временное его рожденіе отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи, возвыщенное Ангеломъ ея обручнику Іосифу.

Порядку перваго часа слѣдуютъ третій, шестой и девятый: всегда начинается Давидъ и хвалы льются изъ устъ его отъ избытка отеческаго сердца.

«Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножію ногъ твоихъ. — Съ тобою начало въ день силы твоея, въ свѣтлостяхъ святыхъ твоихъ; изъ чрева прѣжде денницы родихъ тя. Клятся Господь и не рас-

кается, ты Іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову,»

Вслѣдъ за Давидомъ встають опять Пророки и сперва Іеремія указываетъ на Христа:

«Сей Богъ нашъ и не приложится къ нему иной; онъ изобрѣлъ всякій путь мудрости и далъ Іакову отроку своему и Израилю возлюбленному имъ; потомъ же на землѣ явился и съ человѣками пожилъ: Ся книга повелѣній Божіихъ и законъ сущій во вѣки: всѣмъ держащимся ея — жизнь, а оставившіе се умрутъ; обратися Іаковъ и держись ея, пойдѣ къ сіянію прямо на свѣтъ ея; не давай иному славы твоей и полезныхъ тебѣ языку чуждому. Блаженны мы, о Израиль, яко разумѣемъ что угодно Богу!»

Потомъ Исаія, какъ бы разгнувъ самое Евангеліе вѣщаетъ: «и такъ внимайте домъ Давидовъ: еще ли мало для васъ трудъ давать человѣкамъ? и какъ даете трудъ Господу? сего ради самъ Господь даетъ вамъ знаменіе: се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ имя ему Ем-

мануилъ. — Отроча родися намъ, сынъ и дадеся намъ, егоже начальство бысть на рамаго его, и нарицается имя его: великаго совѣта Ангелъ, чуденъ совѣтникъ, Богъ крѣпокъ, властитель, начальникъ мира, отецъ будущаго вѣка.»

Тогда опять Апостолъ Павелъ, призывающій всѣхъ насъ къ свободной вѣрѣ изъ подъ закона Іудейскаго, чтобы намъ быть сынами Божіими во Христѣ Іисусѣ, крестясь въ него и имъ облакаясь, продолжаетъ свое возвышенное толкованіе къ Евреямъ, о достоинствѣ едиnorodнаго Сына Божія; а Евангелисты, Лука и Матѣей, постепенно описываютъ небесное призваніе пастырей Виѣлеемскихъ къ его земной колыбели, и поклоненіе Волхвовъ, притекшихъ за звѣздою съ востока, и наконецъ гнѣвъ Ирода, избившаго Виѣлеемлянъ, и бѣгство божественнаго младенца въ Египетъ.

Предъ закатомъ солнца начинается литургія съ вечернею, и первыя ея стихиры, двухъ Патріарховъ Германа и Анатолія, уже достаточны, чтобы возбудить все вниманіе вѣрныхъ къ наступающему торжеству:

«Пріидите возрадуемся Господу, возвѣ-
щаю настоящую тайну: средостѣіе враж-
ды разрушилось, пламенное оружіе обра-
тило тылъ, и Херувимъ отступаетъ отъ
древа жизни, и я пріобщаюсь райской пи-
щи Эдема, отколѣ былъ изгнанъ за пре-
слушаніе; ибо неизмѣнный образъ Отца,
образъ его вѣчнаго существа, зракъ раба
пріемлетъ, раждаясь отъ неприкосновен-
ной Матери, но премѣненіа не терпитъ: —
Богъ истинный онъ остается какимъ былъ,
и то чѣмъ не былъ на себя пріемлетъ, по
человѣколюбію сдѣлавшись человѣкомъ; во-
зопіемъ къ нему: Боже, родившійся отъ
Дѣвы, помилуй насъ.»

«Что тебѣ принесемъ, о Христе, за то
что ради насъ ты на землѣ явился чело-
вѣкомъ? каждая изъ созданныхъ тобою
тварей благодареніе тебѣ приносить: Ан-
гелы пѣніе, небеса звѣзду, волхвы дары,
пастыри удивленіе, земля вертепъ, пусты-
ня ясли, мы же мать Дѣву: предвѣч-
ный Боже помилуй насъ.»

И вотъ, предъ торжественнымъ входомъ
съ Евангеліемъ и тихою пѣснію «свѣте ти-

хій» какую вѣрную обширную картину языческаго міра, при появленіи Христовомъ, развиваетъ въ пѣсняхъ своихъ Церковь, и сія величественная пѣснь есть твореніе инокини, отшельницы Кассіи.

«Августу единоначальствующему на землѣ, престало многоначаліе челоувѣковъ, и тебѣ, вочелоувѣчшемуся отъ чистой Дѣвы, упразднилось многобожіе идоловъ: подъ единымъ царствомъ мірскимъ были всѣ грады, и въ единое владычество Божества увѣровали всѣ языки; повелѣніемъ Кесаревымъ была перепись народамъ, мы же во имя тебя, вочелоувѣчшагося Бога нашего, вписались въ число вѣрныхъ; велія твоя милость Господи, слава тебѣ.»

Тогда начинается возвышенный рядъ паремій, числомъ до осьми, по подобію ветхозавѣтныхъ чтеній великой субботы. Здѣсь соединены всѣ предзнаменованія и пророчества о рождествѣ Спасителя, но книгою Бытія, опять открывается чтеніе, чтобы въ колыбели какъ и на мертвенномъ одрѣ, былъ познанъ тотъ же Создатель.

Изъ книги числъ Моисеевой избрана вторая паремія: Духъ Божій низшелъ на Валаама, призваннаго отъ царя Моавитскаго, проклясть мимоидущихъ изъ Египта Израильтянъ, но Валаамъ благословляетъ ихъ: «сколь добры дома твои, Іаковъ, и шатры твои Израиль! они подобны тѣнистымъ дубравамъ, подобны садамъ на берегу рѣкъ, и какъ скинія, которую водрузилъ Господь, какъ кедръ при водахъ; изыдетъ человекъ отъ сѣмени его и обладаетъ народами многими и возрастетъ царство его; Богъ руководствовать будетъ его изъ Египта, какъ славу единорога своего. — Возлегъ и почилъ подобно льву и скимну, — кто возбудитъ его? — благословляющіе тебя благословенны, и проклинаящіе тебя прокляты; возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ человекъ отъ Израиля.»

Прежнее пророчество Михея о Виѳлеемѣ, заключаетъ первую статью паремій, послѣ коей воставшіе лики поютъ:

«Тайно родился ты въ вертепѣ, Спаситель, но небо всѣмъ проповѣдало тебя, какъ бы устами, звѣзду предъявляя, и волхвовъ

привело къ тебѣ поклоняющихся вѣрою, съ ними же помилуй и насъ.»

Послѣднія слова повторяются, какъ отголосокъ на стихи краснорѣчиваго псалма, возглашаемаго чтецомъ, о славѣ Сіона:

«Основанія его на горахъ святыхъ; любитъ Господь врата Сіоня паче всѣхъ селеній Іаковлихъ; преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій! — мати Сіонъ, речетъ человѣкъ, и человѣкъ родися въ немъ, и той основа и вышній»

Слѣдуютъ другія пророчества: «такъ глаголетъ Господь, восклицаетъ Исаія: изыдетъ жезлъ отъ кореня Іессеева, и цвѣтъ отъ кореня его взыдетъ; и почиетъ на немъ Духъ Божій, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Божія исполнитъ его; не по славѣ судить, ниже по глаголанію обличить, но судить праведно смиренныхъ судъ и обличить правостію славныя земли, и поразить землю словомъ устъ своихъ и духомъ устенъ своихъ убіетъ нечестиваго.— Тогда будетъ пастись волкъ съ агнцемъ и рысь почиетъ съ козлищемъ, телець и

левъ и юнецъ вмѣстѣ упасутся и отроча малое поведетъ ихъ.» Пророкъ, продолжая описывать всеобщій миръ тварей на земли, когда вся земля исполнится познанія Господа, говоритъ: «въ тотъ день корень Іессеевъ востанетъ владѣть языками, на него уповаютъ языки и будетъ покой его славень.»

За прорицаніемъ Іереміи, о явленіи на землѣ Бога, о жизни его между людьми, востаетъ Даніиль и объясняетъ испуганному царю Навуходоносору страшный сонъ его: какъ распался исполинскій золотоглавый истуканъ, среброкованный по персямъ, мышцамъ и рукамъ, мѣдный чревомъ и бедрами, желѣзный до колѣнъ и скудельный ногами, и какъ невидимо отторженный отъ горы камень, разбивши его въ прахъ, самъ возросъ въ гору великую и исполнилъ всю землю. — Воставитъ Богъ небесное царство, которое во вѣки не истлѣетъ и измождитъ всѣ царства, какъ отъ горы отсѣченный безъ рукъ камень стеръ скудель, желѣзо, мѣдь, серебро и золото.»

Лики же опять поютъ другой тропарь:

«возсіялъ отъ Дѣвы, Христе, разумное солнце правды, и звѣзда показала тебя, невмѣстимаго, вмѣщающимся въ вертепъ; ты наставлялъ волхвовъ на поклоненіе твое, съ нами же тебя величаемъ, жизнедавче, слава тебѣ.»

И снова чтець пресѣкаетъ ихъ пѣніе стихами псалма: «Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса,» въ коемъ вся природа, гласомъ стихій своихъ, какъ бы рукоплещетъ раждающемуся:

«Воздвигоша рѣки, Господи, воздвигоша рѣки гласы своя, вознесутъ рѣки волны своя, отъ гласовъ водъ многихъ; дивны высоты морскія, дивенъ въ высокихъ Господь! свидѣнія твоя увѣришася зѣло; дому твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дней.»

Наконецъ повторяются еще разъ два пророчества Исаіи, слышанныя на часахъ царскихъ, о дивномъ отрочати и таинственномъ рожденіи Еммануила, и послѣднее заключается сими словами, которыя обратились въ торжественную пѣснь на всеобщей наступающаго дня:

«Съ нами Богъ, разумѣйте языки и по-
каряйтесь, услышите даже до послѣднихъ
земли, яко съ нами Богъ.»

А по окончаніи литургіи всѣ священ-
нослужители, подобно пастырямъ, собрав-
шимся изъ ночной своей долины, гдѣ па-
сли стада, возглашаютъ при сіяніи свѣтиль-
ника, какъ бы звѣзды вечерней, предъ цар-
скими вратами :

«Рождество твое, Христе Боже нашъ,
возсія мірови свѣтъ разума: въ немъ бо звѣ-
здамъ служащій звѣздою учахуся, тебѣ кла-
нятися солнцу правды и тебе вѣдѣти съ
высоты востока, Господи слава тебѣ.»

«Дѣва днесъ пресущественно раждаетъ,
и земля вертепъ неприступному приносить;
Ангели съ пастырьми славословятъ, волхвы
же со звѣздою путешествуютъ; насъ бо ра-
ди родися, отроча младо превѣчный Богъ.»

Таково духовное приготовленіе, бываю-
щее наканунѣ великаго дня Рождества Хри-
стова, дабы вѣрные, однажды проникнутые
всею важностію событія, могли достойно
его встрѣтить. Когда же оно случается въ
субботу или воскресеніе, дни собственно,

не посвященные постному бдѣнію , тогда царскіе часы переносятся на предшествующую пятницу , а литургія наканунѣ праздника совершается въ обыкновенное время, къ вечеру же остается вечерня съ ея пареміями. Но великое повечеріе и утрення празднества неизмѣнны, и онѣ изобилуютъ красотами витійственными, ибо два великіе пѣвца, Косма Маіумскій и Іоаннъ Дамаскинъ, излили свое вдохновеніе въ стихирахъ и канонахъ.

«Небо и земля днесъ совокупились чрезъ рождество Христово, днесъ Богъ снисшелъ на землю и человекъ возшелъ на небо; днесъ невидимый естествомъ ради человека видимъ чувственно, и мы славословя возопіемъ ему : слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, дарованный твоимъ пришествіемъ, Спасе.»

«Небо принесло тебѣ младенцу, лежащему въ ясляхъ, начатокъ языковъ, и звѣздою призванные Волхвы ужаснулись, видя не скиптры и престолы, но крайнюю нищету; ибо что хуже вертепа, и что смиреннѣе пеленъ, въ коихъ просіяло богат-

ство твоего Божества? — и вотъ дары принесенные ими: злато, какъ Царю въковъ, и ливанъ, какъ Богу всѣхъ, и смурна безсмертному трехдневному мертвецу. Моли-твенно послала ихъ дочери Давидовой Вавилонская дочь, повлекшая пѣкогда въ плѣнъ дѣтей Сісна, и органы ихъ уклонившіеся тогда отъ пѣсней плачевныхъ, въ землѣ чуждой, нынѣ разрѣшаются мусикійскими звуками въ Виѳлеемѣ, надъ колыбелію Христа.»

Праздникъ Рождества Христова соединенъ въ Россійской Церкви съ отечественнымъ воспоминаніемъ, о избавленіи отъ Галловъ и съ ними двадесяти языковъ, которые всѣ сокрушились о краеугольной камень святыни Московской, Кремль, и радостнымъ трепетомъ бьется сердце внимая, послѣ торжественной литургіи, благодарственной молитвѣ, которую на колѣняхъ возсылаютъ сыны Россіи, за спасеніе ихъ отчизны.

Спустя восемь дней другое гражданское торжество новолѣтія и другія умиритель-

ныя молитвы, о благословеніи наступающаго года и провожденіи его въ подвигахъ благочестія, къ пользѣ и спасенію души, соединены, съ церковнымъ праздникомъ обрѣзанія Христова, которое не возгнушался пріять онъ, сходя къ человеческому роду, осмидневный по Матери, безначальный по Отцу. Трогательно на молебствіи чтеніе Евангелія, въ коемъ самъ Спаситель о себѣ говоритъ: «Духъ Господень на мнѣ, сего ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣннымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустити сокрушенныя во отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно.»

Служба Василія великаго совершается въ новолѣтіе, потому что память святаго Іерарха совпадаетъ въ день сей; нѣжною любовію исполнена къ нему Церковь, за его ревность о соблюденіи чистоты въ догматахъ, ибо никто послѣ великаго Аѳанасія, Патріарха Александрійскаго, не подвизался столько противъ богохульныхъ Аріянъ, какъ сей кроткій святитель Кесаріи

Каппадокійской и вѣрный другъ его Св. Григорій Богословъ. Іоаннъ Златоустъ былъ достойнымъ преемникомъ обоихъ вселенскихъ учителей, а Богослова и на самомъ престолѣ Цареградскомъ: посему, то въ совокупности, то отдѣльно, достойными хвалами ублажаются сіи три Іерарха: «органы Духа, трубы божественнаго грома, молніи проповѣданія, которые пріявъ премудрость отъ Бога, какъ три Апостола, силою Духа сдѣлались рыбаками въ разумъ, и утвердили догматы простой нашей вѣры.»

На другой день новаго года начинается предпразднество крещенія Господня, исполненное также красотою гимновъ, подобно празднику Рождества. Сіи два великія воспоминанія соединены были нѣкогда, подъ общимъ именемъ Богоявленія, ибо какъ въ лицѣ Христовомъ явился Богъ человѣкамъ, такъ и при крещеніи Спасителя обнаружилось видимо міру недоступное таинство Святой Троицы. Когда же богохульныя ереси, Арія и Македонія, начали вставать противъ догматовъ о Троицѣ, тогда, для большаго ея прославленія, Св. Отцы

раздѣлили оба празднества, чтобы воздать каждому достойную хвалу и, въ день крещенія Господа, примѣромъ его, удобнѣе привлечь къ святой купели тѣхъ, которые часто отлагали до послѣдняго часа совершеніе спасительнаго таинства. Посему праздникъ назывался также днемъ просвѣщенія, или святыхъ свѣтовъ, и на литургіи его поется, какъ въ великую субботу, крещальный стихъ: «елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь;» а всѣ гимны, стихиры и каноны говорятъ о Іорданѣ, живо представляя его взорамъ и сзывая къ берегамъ его, ибо на нихъ процвѣтали пѣвцы духовные Іоаннъ и Косма, отшельники плачевной юдоли.

«Свѣтелъ мимошедшій праздникъ, еще свѣтлѣе приходящій: — тотъ имѣлъ благовѣстникомъ Ангела, а сей предуготовителемъ Предтечу; тогда, при изліяніи крови избиваемыхъ младенцевъ, какъ безчадный рыдалъ Виѳлеемъ, нынѣ же, чрезъ благословеніе водъ, многочадною дѣлается купель; тогда звѣзда возвѣстила тебя волхамъ, нынѣ же Отецъ показалъ тебя міру.»

«Іорданъ рѣка наполнись веселія, земля и море, горы и холмы, и человѣческія нынѣ играйте сердца, принимая мысленный свѣтъ.»

«Но какъ пріимуть тебя, Господи, рѣку міра и источникъ жизни, струи рѣчныя? — нагимъ восходишь ты изъ водъ, облагающій облаками небо, и, обнаживъ всякую злобу вражію, нетлѣніемъ одѣваешь земнородныхъ.»

«Ангельскія предыдите силы, отъ Виолеема къ струямъ Іорданскимъ, гряди Іоаннъ, оставь пустыню; радуйся рѣка и уготовься, вся же земля да радуется: Христосъ грядетъ очистить грѣхъ Адама.»

И вотъ уже на зовъ предсталъ Креститель: «чистая ласточка, предвозвѣщающая мысленную весну, сущимъ въ зимѣ грѣховной и терпящимъ мрачную бурю страстей.»

Приходитъ къ рѣкѣ и Господь, «исполненъ водъ тайныхъ, какъ рѣка міра, прося креститься отъ малыя капли

Тогда начинается таинственное прѣніе

Христа и Предтечи, и Іорданъ подымаетъ гласъ свой.

«Пріидите всѣ вѣрные, оставивъ Іудейскую страну, преидемъ пустыню Іорданскую; тамъ узримъ явившагося ради насъ Господа, просящаго крещенія въ струяхъ Іорданскихъ, и Крестителя, отрицающагося со страхомъ: не смѣю коснуться бrenною дланію огня! Іорданъ и море бѣжали тебя, Спаситель, а я какъ положу руку на главу твою, которой трепещутъ Серафимы? бѣжалъ Іорданъ, когда погрузилъ въ него Елисей мантию Іліи, и какъ не скрылся нынѣ въ пропасти земныя, увидѣвъ тебя нагимъ въ своихъ струяхъ? — Что медлишь Креститель крестить Господа моего? вопіетъ Іорданъ Предтечѣ, что возбраняешь очищеніе многихъ? всю тварь освятилъ Господь, дай освятить и водную стихію, ибо на сіе онъ явился.»

Въ пѣсняхъ же отвѣтствуетъ Спаситель Іоанну: «да исполнится Отчее благоволеніе! я пришелъ на землю одѣвшись нищетою; небо мнѣ престолъ, земля же подножіе, но тебѣ преклоняю выю: крести

меня, очищающаго въ себѣ согрѣшенія чело-
вѣковъ.»

Столь величественную картину предста-
вляетъ Церковь, въ своихъ гимнахъ, еще
до пришествія спасительнаго дня креще-
нія; предшествующій ему провождается въ
постъ и молитвѣ, на память крещенія Іо-
аннова, которое ознаменовано вечернимъ
освященіемъ водъ, послѣ царскихъ часовъ
и поздней литургіи Св. Василія.

Изъ псалмовъ, выражающихъ стремле-
ніе души къ Богу, какъ олѣня на источ-
ники водные, и изъ пророчествъ Исаіи, зо-
вущаго на сіи живыя струи, изъ дѣяній
и посланій Апостольскихъ, объясняющихъ
тайну крещенія, и наконецъ изъ Евангель-
скаго описанія самаго крещенія, сперва Іо-
аннова а потомъ Христова, составлены цар-
скіе часы.

Какъ лучи заходящаго солнца, въ бо-
лѣе яркомъ и привлекательномъ свѣтѣ, жи-
вописуютъ намъ вечернюю природу, рас-
полагая къ ней мысли и взоры, — такъ и
Церковь уловляетъ минуты сердечнаго вни-
манія, на исходѣ дня, развивая вечерній

рядъ своихъ возвышенныхъ созерцаній. Она выставляетъ, одну вслѣдъ за другою, ветхозавѣтныя картины спасительнаго очищенія, дабы приготовить насъ къ таинству крещенія, и на всѣхъ картинахъ знаменательно струится Іорданъ, тихо плещущій въ библейскіе брега свои, доколѣ не втекаетъ въ Евангельскую повѣсть. Пѣніемъ тропарей и псалмовъ раздѣлены на три части сіи тринадцать паремій.

Опять въ началѣ ихъ сотвореніе неба и земли, и тьма надъ бездною, и Духъ Божій, носящійся надъ водами, освящая животельное естество ихъ. Потомъ первое знаменіе крещенія: Израиль, проходящій сквозь Чермное море, бурно раздвигнутое жезломъ Моисея, и въ пустынь Суръ превращеніе имъ горькой воды Мерры въ сладкую, чрезъ вложеніе таинственнаго древа, и ополченіе Израиля при двѣнадцати источникахъ, подъ тѣнью семидесяти пальмъ Элима, воспоминающихъ число Апостоловъ и учениковъ Христовыхъ.

Послѣ Моисея является Іисусъ; онъ долженъ ввести Израильтянъ въ землю обѣ-

тованную, чрезъ раступившійся Іорданъ, по руслу коего проходятъ священники съ кивотомъ, а за ними весь народъ. — Опять раздѣляется Іорданъ, по гласу Іліи, но прошедшій его Пророкъ уже не странствуетъ земнымъ путемъ; онъ возносится на огненной колесницѣ, оставивъ мантию свою Елисею, который, именемъ Бога Іліина и удареніемъ мантии его по водамъ, еще однажды раздѣляетъ ихъ и преходитъ сухо. Въ нихъ посылаетъ онъ погрузиться семь разъ Князя Сирійскаго Неемана, дабы очистить его отъ проказы, и сперва сомнѣвается Нееманъ, сравнивая мутныя воды Іордана съ чистыми струями Дамасскихъ рѣкъ, Арвана и Фарфара, но исполнивъ волю Пророка исцѣленъ восходитъ.

Еще одна патріархальная картина изъ книгъ Моисеевыхъ: свиданіе двухъ братьевъ на берегахъ Іордана, пастыря Іакова и воина Исава. Трепещетъ Іаковъ гнѣвнаго брата и раздѣляетъ семью и стада на два полка, дабы спасся хотя одинъ, если погибнетъ другой; самъ же благодаря Бога отцевъ своихъ, за всѣ блага земныя на

него излившіяся , смиренно воспоминаетъ, что нѣкогда съ однимъ только жезломъ перешелъ онъ Іорданъ. Вотъ и самъ бытописатель, младенцемъ, плаваетъ въ колыбели по водамъ Нила; приходитъ купаться дочь Фараонова, спасаетъ младенца и даетъ ему имя Моисея, ибо взять отъ воды.

Потомъ предлагается изъ книги Судей таинственное знаменіе, дважды данное Богомъ, по молитвѣ вождя Израильскаго Гедеоны, во свидѣтельство спасенія народа: то роса небесная сходитъ на одно лишь руно Гедеоново и вокругъ него сухою остается земля, то, въ теченіе цѣлой ночи, роса по всей землѣ и сухо одно таинственное руно. Пророки Ілія и Елисей снова являются и совершаютъ чудеса надъ водою; первый, ревнуя по Богу Израилевомъ, противъ идоловъ Ваала, воздвигаетъ въ виду ослѣпленнаго народа жертвенникъ Богу живому и трижды оросивъ, обильными потоками водъ, его камни и рвы, молитвою сводитъ небесный огонь на жертву и обращаетъ народъ къ истинному Богу; другой же, по просьбѣ жителей Іе-

рихона, солию исцѣляетъ губительныя воды градскаго источника.

Наконецъ Исаія заключаетъ пареміи, пророчествомъ о Спасителѣ, данномъ въ день спасенія, въ завѣтъ языкамъ, чтобы устроить землю и наслѣдовать пустыню, чтобы разрѣшить, просвѣтитъ и утолить жаждущихъ, и созвать къ себѣ отъ всѣхъ концевъ земли:

«Да веселятся небеса и радуется земля, да откликнуть горы веселіе и холмы правду, ибо помиловалъ Господь людей своихъ и утѣшилъ смиренныхъ. Сіонъ говоритъ: оставилъ меня Господь, Богъ забылъ меня! — но забудетъ ли мать своего младенца и не помилуетъ ли изчадія чрева своего? если же и она забудетъ, я не забуду тебя, глаголетъ Господь.»

По совершеніи литургіи священнослужители идутъ со крестами въ притворъ храма, къ обширной купели, знаменующей мѣсто крещенія Іоаннова на Іорданѣ, близъ Вифавара, а оба лика, предшествуя имъ поютъ:

Гласъ Господень на водахъ вопіетъ гла-

голя: прїидите, прїимите всѣ духа премудрости, духа разума, духа страха Божіа, явившагося Христа.»

Ветхозавѣтный Исаія знаменуетъ, тремя пророчествами, сіе крещеніе Іоанна, ставшаго на грани обоихъ завѣтовъ, и возвѣщаетъ благодѣтельныя его дѣйствія: — «такъ глаголетъ Господь: да возвеселится пустыня жаждающая и да возрадуется пустыня и процвѣтетъ подобно лиліи; и возрадуются пустынные берега Іордановы, и слава Ливанова дана имъ будетъ, и честь Кармила, и люди мои узрятъ славу Господню и высоту Божію. Укрѣпитесь руки разслабленныя и колѣна разслабленныя, утѣшьтеся и скажите малодушнымъ мыслию: укрѣпитесь и не бойтесь; се Богъ нашъ судъ воздастъ, онъ прїидетъ и спасетъ насъ; тогда отверзутся очи слѣпыхъ и уши глухихъ услышатъ, тогда какъ олѣнь вскочитъ хромый и ясень будетъ глаголь косноязычныхъ, ибо проразилась вода въ пустынь и потоки въ землѣ жаждущей. — Жаждущіе на воду идите и не имѣющіе сребра, шедше купите, и безъ

сребра и цѣны пейте вино и ядите тукъ. Се языки, которые тебя не вѣдали, призовутъ тебя и люди, которые не познали тебя, къ тебѣ прибѣгнутъ, ради Господа твоего и Святаго Израилева, ибо я прославилъ тебя. Взыщите Господа и когда обрящете его призовите, когда же приблизится къ вамъ, то да оставить нечестивый путь свой и мужъ беззаконный совѣты свои, и обратитесь къ Господу Богу вашему, и помилованы будете и по многу оставить грѣхи ваши. Ибо совѣты мои не суть подобны совѣтамъ вашимъ, и пути мои не какъ пути ваши, глаголетъ Господь; но какъ отстоять небо отъ земли, такъ отстоять путь мой отъ путей вашихъ и размышленія ваши отъ мысли моей; — ибо какъ сходящій съ небесъ дождь или снѣгъ не престааетъ, доколѣ не утолитъ землю, и она родить и прозябнетъ, и дастъ сѣмя чающему и хлѣбъ въ пищу, — такъ будетъ и глаголь мой, который, если изыдетъ изъ устъ моихъ, не обратится ко мнѣ тощъ, доколѣ не скончаетъ все, что я восхотѣлъ.»

Послѣ чтенія Апостола Павла, о таинственномъ крещеніи Іудеевъ во имя Моисея, среди облака и моря, и о духовной ихъ пищѣ въ пустынь и питіи отъ духовнаго камня, который былъ грядущій Христосъ, благовѣствуется Евангеліе отъ Марка, о крещеніи Господа.

Тогда начинаются молитвы надъ купелію, объ освященіи водъ и дарованіи имъ благодати Іордановой, наитіемъ Св. Духа, и о спасительномъ ихъ вліяніи на души наши. Пространное молитвословіе Священника совершенно подобно тому, которое произносится имъ предъ совершеніемъ таинства крещенія; а при погруженіи животоворящаго креста воспѣвается уже тропарь наступающаго праздника, изображающій явленіе Св. Троицы:

«Во Іорданѣ крещающуся тебѣ, Господи, Тройческое явися поклоненіе: Родителевъ бо гласъ свидѣльствоваше тебѣ, возлюбленнаго тя Сына именуя, и Духъ, въ видѣ голубинѣ, извѣствоваше словесе утвержденіе: явлейся, Христе Боже, и міръ просвѣщай, слава тебѣ.»

Сіе вечернее подобіе крещенія Іоаннова, предуготовительно совершаемое къ назиданію вѣрныхъ въ каждой церкви, наканунѣ праздника, обращается въ самый день его, послѣ торжественной литургіи, въ ликующее воспоминаніе благодатнаго крещенія Спасителя. Уже не одни Пресвитеры, въ маломъ кругу своихъ прихожанъ, но все градское духовенство, предъ лицемъ Архипастыря, шествуетъ съ крестами и хоругвями, при пѣніи радостныхъ гимновъ, къ берегу рѣки на устроенный Іорданъ, и съ тѣми же молитвами и обрядами освящаетъ водныя стихіи.

Намъ же, благоговѣйно предстоящимъ, мысленно изображается Спаситель, который облакаясь свѣтомъ какъ ризою, одѣвается для насъ въ струи Іорданскія и, восходя отъ воды, совозводитъ съ собою очищенный имъ міръ, отверзаетъ заключенныя Адаму небеса, и пріемлетъ служителями своего таинства: отъ Ангеловъ Гавріила, отъ челоуѣковъ Дѣву и Предтечу, отъ небесъ звѣзду и отъ водъ Іорданъ.

ПИСЬМО III.

Въ теченіи сихъ писемъ, я уже говорилъ тебѣ, любезный другъ, о нѣкоторыхъ праздникахъ, воспоминающихъ евангельскія событія изъ земной жизни Господа и его пречистой Матери. Ты уже видѣлъ его убогое рожденіе въ вертепъ, и таинственное крещеніе въ Іорданъ, и торжественный входъ въ Іерусалимъ предъ началомъ страданій. Свѣтлое воскресеніе Богочеловѣка, какъ празднество изъ празднествъ, своею необъятностію выходитъ изъ числа ихъ, но къ нимъ причислены славное его вознесеніе и утѣшительное посланіе Духа Святаго на Апостоловъ въ день пятидесятницы. Тебѣ остается еще созерцать славу его прео-

браженія на Оаворѣ, и срѣтитъ его младенцемъ вмѣстѣ съ Симеономъ въ храмѣ, и внять благовѣстію Ангела пречистой Дѣвы о его рожденіи. Съ благоговѣйною мыслію обратишься ты и къ ея рождеству, и таинственному введенію въ храмъ Соломоновъ, въ знакъ предобрученія Божеству, и земному ея успѣнію для пробужденія на небесахъ. Наконецъ всемірное воздвиженіе креста Господня заключитъ тебѣ сей радъ возвышенныхъ торжествъ, дабы и ты, по словамъ Апостола Павла, хвалился только крестомъ Господа Іисуса.

Таковы сіи двѣнадцать великихъ праздниковъ; есть еще и другіе дни, менѣе торжественные, но столь же священныя, въ которые совершается: память рожденія Предтечи, величайшаго изъ всѣхъ рожденныхъ женами, по словамъ Христовымъ, и усѣкновенія главы его за проповѣданіе истины, память верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, и Іоанна друга Христова, и Андрея просвѣтителя Россіи, и другихъ Апостоловъ, Великомучениковъ, Іерарховъ,

каковы три Святителя Василій, Богословъ и Златоустъ, и наши отечественные святыя угодники.

Всѣ сіи воспоминанія, наполняя кругъ Христіанскаго года, молитвенно связываютъ между собою землю и небо, и отражаютъ его въ душѣ нашей, какъ бы въ чистыхъ струяхъ тихаго Галилейскаго моря, призывая и нынѣ, по примѣру Апостоловъ, духовныхъ рыбарей къ созерцанію таинственной ловли Христовой: ибо весь кругъ церковный ничто иное какъ спасительная мрежа, извлекающая насъ изъ бездны житейскаго.

Краткій объемъ писемъ не позволяетъ мнѣ развить предъ твоими глазами всю церковную цѣпь торжествъ, и можетъ быть ты утомился, читая постепенно въ мертвомъ разказѣ то, чему ты живо можешь внимать въ святынь храмовъ, на общей молитвѣ: но коснувшись однажды двѣнадцати главныхъ праздниковъ, я хочу хотя вкратцѣ о нихъ продолжать, и начну съ тѣхъ двухъ, которые, являясь большею частію около начала и конца тріоди постной, соединяютъ

память о Христѣ съ памятію о его святой Матери; — я разумѣю здѣсь срътеніе и благовѣщеніе.

Всѣ вѣрные, подобно старцу Симеону должны приготовить мысленно руки къ пріятію Творца вѣковъ, младенчески грядущаго въ храмъ, на объятіяхъ благодатной своей Матери.

Чтеніе трехъ паремій на всенощной, изображаетъ сперва предзнаменательную заповѣдь, данную Израилю и исполненную надъ Христомъ: — посвящать Господу, на память избавленія изъ Египта, всякаго первороднаго мужескаго пола, въ сороковой день отъ его рожденія. Потомъ предлагается дивное видѣніе Исаіею Господа славы, въ преддверіи потрясеннаго храма, въ противоположность смиреннаго его сошествія въ образъ младенческомъ, и наконецъ пророчество о сокрушеніи симъ божественнымъ младенцемъ идоловъ Египетскихъ, ибо вездѣ знаменуетъ Египетъ, въ писаніяхъ, тьму грѣховную.

«Ветхій днѣми, который древле далъ подъ мракомъ Синая законъ Моисею, ны-

нѣ видѣтся младенцемъ, воспѣвають лики, и по закону, какъ закона творецъ, законъ исполняетъ, приносится въ храмъ и старцу дается радостно вопіющему: нынѣ отпускаеши, Владыко, раба твоего, по глаголу твоему, съ миромъ, ибо видѣли очи мои спасеніе твое, которое ты приготовилъ предъ лицемъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей твоихъ Израиля.»

«Ветхій днями ради насъ младенчеству-
етъ плотію, носимый на Херувимахъ и пѣ-
ваемый отъ Серафимовъ, нынѣ какъ на
престолѣ сидитъ на старческихъ рукахъ, и
пріемлетъ въ даръ отъ Іосифа два голубя,—
пречистую Церковь и новоизбранныхъ языч-
никовъ.»

«Сіонъ укрась храмъ твой и подыми
Царя Христа, цѣлуй Марію небесную дверь;
облакъ свѣта есть Дѣва, носящая рожден-
наго прежде денницы, котораго Симеонъ,
взявъ отъ нее, проповѣдаетъ владыкою жи-
зни и смерти и Спасомъ міра.»

И вотъ что въ сихъ сладостныхъ пѣс-
няхъ невинно говоритъ кроткій младенецъ

«не старецъ меня держитъ, но я держу его, ибо онъ у меня отпущенія проситъ.»

Предпразднество благовѣщенія и самый праздникъ исполнены еще глубочайшихъ созерцаній, ибо тогда открывается таинство сокрытое отъ начала вѣковъ, и Сынъ Божій дѣлается сыномъ человѣческимъ, чтобы воспріять отъ насъ худшее, подать намъ лучшее.

«Древле обольстился Адамъ, желая быть Богомъ и не былъ; Богъ же сдѣлался человѣкомъ, чтобы обоготворить Адама. Тайну сію, искони невѣдомую самимъ Ангеламъ, возвѣщаетъ нынѣ Архангелъ Гавріилъ единой нетлѣнной и доброй голубицѣ, воззванію рода нашего, дабы чрезъ слово она пріяла въ лоно свое Бога Слово.»

«Земля же, печально возрастившая тернія страстей, призывается къ веселію, ибо приходитъ земледѣлецъ безсмертный, чтобы снять съ нее клятву.»

Пять паремій знаменуютъ намъ на вечернѣ, ветхозавѣтными образами, спасительное воплощеніе. Іаковъ древній труженикъ, видитъ на пути своего странствія во

время сна, таинственную лѣстницу, утвержденную отъ земли на небо, и Ангеловъ по ней сходящихъ и восходящихъ, Господа же на верху ея, обѣщающаго ему великое племя и благословеніе всей землѣ, ради его сѣмени. А Моисей, въ пустынь Хорива, пася стада свои, съ ужасомъ видитъ купину, неопалимо горящую огнемъ, и слышитъ изъ нея гласъ Божій, посылающій его въ Египетъ, дабы онъ извелъ оттуда Израильтянъ въ землю обѣтованную. И Пророкъ Іезекіиль, обращенный Господомъ Адонаи на путь внѣшнихъ вратъ храма Соломонова, зрящихъ на востокъ и затворенныхъ, внемлетъ, что сквозь сіи врата пройдетъ Господь Богъ Израилевъ и они останутся заключенными.

Тогда Соломонъ возвѣщаетъ сперва о Премудрости, которая создала себѣ домъ и утвердила столповъ седмь, а потомъ о безначальномъ бытіи ея у Бога, прежде всѣхъ дней вѣка, когда, подобная Боже-ству, вѣчно радовалась она предъ лицемъ его и о ней радовался Богъ.

Отсель и въ пѣсняхъ благовѣщенія и

въ акаѳистъ пресвятой Дѣвѣ, когда Архангелъ Гавріилъ открываетъ ей совѣтъ превѣчный, онъ привѣтствуетъ ее подобіями ветхозавѣтными; «радуйся земля ненасытная, купина неопалимая, глубина неудобозримая, мостъ возводящій къ небесамъ и лѣствица, которую видѣлъ Іаковъ.»

«О чудо, восклицаетъ восторженная Церковь, Богъ въ человѣкахъ! невмѣстимый въ ложеснахъ! безлѣтний во времени! и о, какая тайна! — безсѣменно его зачатіе и невыразимо уничиженіе!»

Внесеніе кивота завѣтнаго въ пустынную скинію, созданную Моисеемъ, которую внезапно оѣнилъ облакъ и исполнила слава Господня, и внесеніе того же кивота въ великолѣпный, Соломономъ созданный храмъ, который также исполнился облакомъ и нестерпимою для самихъ Левитовъ славою Господа, — предобразуютъ таинственное вшествіе младенческой Дѣвы въ храмъ сей. Тамъ, подобно священному кивоту, готовясь вмѣстить въ себя Господа, провела она, по преданіямъ Апостольскимъ, первые годы своего отрочества, а вѣрные праздну-

ютъ сіе введеніе Божіей матери, начиная уже отъ того дня гимны о рождествѣ ея божественнаго Сына.

Съ такой возвышенной точки созерцаетъ Церковь, въ своихъ пѣснопѣніяхъ и празднествахъ, сію божественную Дѣву, живой храмъ необъятнаго Бога, и движимая тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія, прежде нежели приступитъ къ торжеству успенія, давшего ей санъ заступницы на небесахъ, она положила двунедѣльный, приготовительный постъ. Подобно сему и предъ днемъ мученической смерти верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла учрежденъ постъ, начинающійся послѣ недѣли всѣхъ Святыхъ, ибо по словамъ писанія, Апостолы и Божія Матерь, пребывали въ пощеніи и молитвѣ; а вѣрные должны подражать имъ хотя въ теченіи немногихъ дней, посвященныхъ ихъ памяти. Такимъ образомъ, четыре поста Христіанскаго лѣта, встрѣчаясь съ четырьмя временами года, удѣляютъ какъ бы десятину cadaго изъ нихъ на благу ю жертву Господа, содержащаго времена и лѣта.

Въ день всемилостиваго Спаса, начинается успенскій постъ, и на память двойной побѣды, единовременно, въ двухъ отдаленныхъ краяхъ одержанной, Царемъ Греческимъ Мануиломъ надъ Сарацынами, и Княземъ Андреемъ Боголюбскимъ надъ Болгарами, совершается крестный ходъ на воды, ибо знаменіе животворящаго креста, носимо было предъ воинствами обоихъ Государей. На половинѣ поста другое важнѣйшее торжество, преображеніе Господа, служить предзнаменованіемъ втораго славнаго пришествія Сына человѣческаго, на облакахъ небесныхъ, для страшнаго суда міру, и такимъ образомъ дополняетъ евангельскую повѣсть о искупленіи нашемъ.

Мы же должны имѣть сердце очищенное отъ страстей, какъ превысокую гору, отколѣ бы созерцать намъ преображеніе Христово, просвѣщающее душу; тогда можемъ взойти на гору Господню, въ домъ Бога нашего, чтобы видѣть славу его, какъ единороднаго отъ Отца, и пріять отъ свѣта свѣтъ, возвышеннымъ духомъ воспѣть единосущную Троицу. Такъ гласятъ гимны:

«Ты преобразился на горѣ, Христе Бже, показавъ ученикамъ славу твою, сколько возмогли ее вмѣститъ, да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ твой всегда пребывающій, о свѣтодавецъ.»

Присутствіе на Фаворѣ двухъ Боговидцевъ: ветхаго законодателя Моисея и Ілии, на огненной колесницѣ взятаго на небо, таинственно разгадано Церковію: ибо, въ лицѣ ихъ, законъ и пророки служатъ творцу и исполненію закона, Христу Богу, который древле, когда давалъ законъ Моисею, явился ему на горѣ Синайской во мракѣ, нынѣ же на Фаворѣ, является въ неприступномъ свѣтѣ, измѣнивъ мракъ законный, въ свѣтлый облакъ преображенія. — Они раболѣпно предстоятъ тому, кто некогда бѣсѣдовалъ къ нимъ, въ пламени бурномъ и во гласѣ тишины тонкой, и возвѣщаютъ о крестныхъ его подвигахъ, дабы Апостолы, послѣ славы Фаворской, могли перенести зрѣлище вольнаго его распятія, и проповѣдать міру Отчее сіяніе въ Сына.

«Какъ владѣющему небомъ и господ-

етвующему надъ землею, и имѣющему область надъ преисподними, предстали тебѣ, о Христе, на Оаворѣ: отъ земли Апостолы, съ неба же Освѣтитянинъ Ілія, и отъ мертвыхъ Моисей.»

Наканунѣ праздника предлагаются три пареміи, описывающія ветхозавѣтное ихъ созерцаніе Господа славы, на Синаѣ и на Хоривѣ въ пустынь.

По гласу Господа Моисей возшелъ на гору, и облакъ покрылъ гору, и сошла слава Божія на гору Синайскую, и покрывалъ ее облакъ шесть дней, а на седьмой призвалъ Господь Моисея изъ среды облака; видѣніе же славы Господней, какъ огонь палящій на верху горы, прямо сыновъ Израилевыхъ; и вступилъ Моисей внутрь облака и былъ тамъ на горѣ сорокъ дней и сорокъ ночей. — Въ другое время дерзновенно молить Моисей Господа показать ему славу свою, Господь же отвѣтствуетъ: «не можешь узрѣть лица моего, ибо чловѣкъ узрѣвши лице мое не останется въ живыхъ; но се мѣсто у меня, и станешь

на камень, доколѣ не преидетъ слава моя, и положу тебя въ разсѣлинѣ камня и покрою рукою моею, доколѣ не мимоиду, и отыму руку мою и въ тылъ меня узришь, лице же мое не явится тебѣ.»

А на Оаворѣ созерцаетъ Моисей уже лицемъ къ лицу неприступнаго Господа, хотя и въ прославленномъ видѣ, одѣяннаго свѣтомъ какъ ризою, но умѣряющаго славу свою кроткимъ образомъ человѣческимъ, который одинъ только могъ сдѣлать Бога доступнымъ для смертныхъ; вмѣстѣ съ трепещущими Апостолами и онъ слышитъ божественный голосъ изъ осѣнившаго облака: «сей есть Сынъ мой возлюбленный о немъ же благоволихъ, того послушайте.»

Внемлетъ ему и Илія, который слышалъ гласъ Божій на Хоривѣ, когда повелѣлъ ему Ангелъ выдти изъ пещеры и стать на горѣ предъ Господомъ, предвариъ его: «се Господь мимоидетъ, и буря великая и крѣпкая, раззоряющая горы и сокрушающая камни предъ Господомъ, но не въ бурѣ Господь; и по бурѣ сотрясеніе, и не въ сотрясеніи Господь; и по сотрясеніи огонь, и

не въ огнь Господь; и по огнь гласъ тишины тонкой — и тамъ Господь.»

Послѣ славы преображенія, которое утѣшаетъ насъ мыслию о грядущемъ прославленіи собственныхъ тѣлесъ нашихъ, въ день общаго воскресенія, праздникъ успенія представляетъ намъ другое небесное увѣреніе сего радостнаго ожиданія, ибо по преданіямъ церковнымъ, пречистое тѣло Божіей Матери восхищено было на небеса, на третій день ея погребенія въ Геосиманскомъ вертепѣ. Патріархъ Энохъ до потопа и Пророкъ Ілія въ царство Израиля, живыми преставились на небеса, сколько ради ихъ праведности, столько же и въ знаменіе славнаго премѣненія нашего въ будущемъ вѣкѣ; священный же кивотъ Божества, Матерь Дѣва, волею сыновнею, допущена была вкусить краткую минуту смерти, чрезъ врата которой побѣдоносно прошелъ и самъ воплотившійся изъ дѣвственной утробы, чтобы подобно ему прославиться на третій день, и вознестись на лоно носимаго ею нѣкогда въ объятіяхъ Бога.

«О дивное чудо, восклицаетъ Церковь,

источникъ жизни во гробъ полагается и
лѣстницею къ небеси служитъ гробъ: ве-
селись Геѳсиманія, святой домъ Богороди-
цы, возопіемъ вѣрные, имѣя чиноначальни-
комъ Гавріила: радуйся благодатная, съ то-
бою Господь, подающій тобою міру велию
милость.»

- «Дивны твои тайны Богородица! ты,
Владычица, явилась престоломъ Вышняго
и нынѣ преставилась отъ земли на небо;
боголѣпная твоя слава сіяетъ чудесами бо-
гоподобными: дѣвы вознеситесь на высоту
съ Матерію Царевою; двери небесныя от-
верзятся, видя дверь Вышняго со славою
идущую къ Сыну и Богу.»

Но воспѣвая ея небесное отшествіе Цер-
ковь не разлучается съ нею:

«Въ рождествѣ ты сохранила дѣвство,
и въ успеніи не оставила міра, Богороди-
ца, какъ мать жизни ты преставилась
къ жизни, и молитвами твоими избавляешь
отъ смерти наши души.»

«Пріидите и составимъ лики, пріидите
и упокоеніемъ ковчега Божія въ пѣсняхъ
увѣнчаемъ Церковь, ибо нынѣ простираетъ

небо свои нѣдра, пріемля родившую невмѣстимаго всѣми, и земля, источникъ жизни, возвращая небу данное ей благословеніе, украшается благолѣпіемъ.»

Подобно какъ въ Іерусалимѣ не много шаговъ отдѣляютъ гробницу Богоматери, на юдоли плача, отъ мѣста ея рожденія внутри Св. града, у вратъ Геѳсиманскихъ, такъ и на поприщѣ церковномъ не многими днями удалена, отъ памяти ея успенія, память ея благословеннаго рождества, которое принесло спасеніе міру, ибо по словамъ пѣсней духовныхъ :

«Всѣ небесныя нынѣ радуются, съ нами празднуетъ человѣческій родъ, и втайнѣ веселятся всѣ Пророки, ибо та, которую предвидѣли они въ древнихъ поколѣніяхъ, въ образѣ купины, стамны и жезла, облака, двери и престола, и горы великой, — нынѣ раждается.»

На утреннемъ канонѣ предпразднества изображены, во славу Дѣвы, всѣ сіи видѣнія пророческія, которыя разрѣшились ея рождествомъ.

«Нынѣ Богъ почивающій на разумныхъ

ангельскихъ престолахъ, предуготовилъ себѣ на землѣ святой престолъ; утвердившій премудростію небеса, чловѣколюбіемъ создалъ одушевленное небо, ибо отъ неплоднаго корня возрастилъ намъ живоносный садъ, свою мать, какъ Богъ чудесъ и безнадежныхъ надежда.»

Наконецъ, является послѣдній дванадцатый праздникъ, всемірное воздвиженіе честнаго креста Господня, замѣчательный какъ по величію своихъ обрядовъ, которые живописуютъ очамъ самое торжество, во время всенощной, такъ и потому, что отъ сего дня оканчиваются всенощныя бдѣнія съ вечера, и опять до Пасхи бываютъ утромъ; праздникъ сей какъ бы заключаетъ собою духовную цѣпь празднествъ, начинающихся съ Рождества Христова.

Наканунъ воздвиженія въ день обновленія Іерусалимскаго храма, читается разительное пророчество Исаи, о необходимости духовнаго Іерусалима, т. е. Церкви, для спасенія народовъ, и о славѣ креста.

«Сіе глаголетъ Господь: отверзутся вра-

та твои Іерусалимъ, всегда, день и ночь, и не затворятся, чтобы ввести въ тебя силу языковъ и царей ихъ ведомыхъ. Ибо и языки и цари, которые тебѣ не поработаютъ, погибнутъ, и языки запустѣніемъ запустѣютъ; и слава Ливанова къ тебѣ придетъ вкупѣ, въ кипарисъ, въ певкъ (соснѣ) и кедръ, и прославится мѣсто святое мое и мѣсто ногъ моихъ прослаблю. И со страхомъ пойдутъ къ тебѣ сыны смилившихъ тебя и прогнѣвавшихъ, и поклонятся слѣдамъ ногъ твоихъ всѣ прогнѣвавшіе тебя, и наречешься градъ Господень, Сіонъ Святаго Израилева. За то, что ты былъ оставленъ и возненавидѣнъ и не было тебѣ помогавшаго, — я положу тебя въ радость вѣчную, въ селеніе родовъ; и ты изсосеши млеко языковъ и богатствомъ царей питаться будешь и уразумѣешь, что я Господь, тебя спасающій и избавляющій тебя Богъ Израилевъ.»

Двѣ были причины установленія праздника воздвиженія. Небесное видѣніе креста Константиномъ великимъ побудило сперва его благочестивую мать, Царицу Елену,

искать въ нѣдрахъ земли Іудейской сіе чудное знаменіе побѣдъ ея сына, и воздвигнуть для всемірнаго поклоненія, ибо не за долго до сего времени вѣра Христіанская восторжествовала и признана гѣсподствующею, послѣ трехсотлѣтнихъ гоненій. Другое обстоятельство удвоило праздникъ и присоединило къ нему обязательство поста: въ началѣ седьмага вѣка древо креста похищено было изъ Іерусалима Царемъ Персидскимъ Хозроемъ, и возвращено изъ плѣна Императоромъ Иракліемъ: радуясь побѣдѣ Ираклій, конный, въ вѣнцѣ и багряницѣ, хотѣлъ внести животворящій крестъ, во врата Іерусалима, но подъ ними сталъ его конь, и Патріархъ Захарія, бывшій самъ въ числѣ освобожденныхъ плѣнниковъ, напомнилъ Царю, что не въ такомъ торжественномъ видѣ Сынъ Божій влачилъ сіе самое древо по стогнамъ Іерусалимскимъ;—смирися тронутый Ираклій, и пѣшій, безъ обуви, вѣнца и багряницы, вознесъ на плечахъ своихъ честное древо на Голгоѣу. Посему, въ память перваго и втораго событія, поются стихиры, то ликующія, то умилительныя.

«Крестъ воздвигается днесъ и міръ освѣщается ; ибо со Отцемъ съдящій и Духомъ Святымъ, распростеръ на немъ руки ; міръ весь привлеченъ къ твоему познанію, Христе ; ты же сподоби надѣющихся на тебя божественной славы.»

«Нынѣ приходитъ крестъ Господень и вѣрные пріемлютъ его съ желаніемъ, и получаютъ исцѣленіе души и тѣла и всякой болѣзни ; цѣлуемъ его съ радостію и страхомъ : страхомъ, грѣха ради, какъ недостойные, съ радостію же ради спасенія, которое подаетъ міру пригвоздившійся на немъ Христосъ Богъ, имѣющій велию милость.»

Послѣ великаго гимна : «слава въ вышнихъ Богу,» при умиленномъ пѣніи : «Святый Боже,» Архіерей во всемъ облаченіи, окруженный сослужащими, подѣмлетъ честный крестъ, оплетенный цвѣтами, съ престола на главу свою, и не царскими вратами, но тѣсною сѣверною дверью, какъ бы изъ нѣдръ земли, износитъ его въ церковь на предолтарный амвонъ. Тамъ подражаетъ онъ Св. Архіепископу Іерусалимско-

му Макарію, который удостовѣрясь въ подлинности животворящаго древа, обрѣтеннаго Царицею, чрезъ воскрешеніе мертвой жены, сталъ на возвышенное мѣсто и непрерывно воздвигалъ его для зрѣлища и поклоненія народнаго, хотя и опускались иногда его утомленныя старческія руки, подъ тяжестію великаго креста; онъ осѣнялъ имъ на всѣ страны, народъ же непрестанно взывалъ: «Господи помилуй, Господи помилуй.»

Подобно сему дѣйствию и донынѣ, по древнѣйшимъ уставамъ церкви, Архіерей, держа на главѣ своей крестъ, самъ склоняется съ нимъ долу, какъ бы знаменуя тяжесть гоненій, какія переносила три столѣтія Церковь, и потомъ опять воздвигается, какъ бы вмѣстѣ съ торжествующею; лики же во все сіе время медленно и сладко поютъ: «Господи помилуй» понижая голосъ по мѣрѣ склоненія креста и съ нимъ возвышая. Краткія молитвы о всеобщемъ спасеніи возглашаются между каждымъ воздвиженіемъ, ибо на всѣ четыре страны поклоняется Архіерей, осѣняя крестомъ всѣ

концы міра, и наконецъ опять обращается
къ востоку въ пятый разъ, на память пя-
ти единыхъ союзныхъ вселенскихъ Цер-
квей: Іерусалима, Антіохіи, Александріи,
Константинополя и нѣкогда Рима, нынѣ
же Россіи.

ПИСЬМО IV.

Но бесѣдуя съ тобою о празднествахъ, совершаемыхъ среди ликующей Церкви, умолчу ли о торжествѣ ея собственнаго освященія, когда воздвигается въ ней престолъ и жертвенникъ Богу и вся она созидается въ единый домъ молитвы. Таинственный обрядъ сей проникнуть тою же благодатію, какою были исполнены Св. Отцы, его учреждавшіе, и наипаче Василій великій, главный строитель чина церковнаго, и нѣтъ здѣсь ни одного дѣйствія, ни одной молитвы, которыя бы не заключали въ себѣ глубокаго созерцанія или сокровеннаго смысла. Подъ видомъ наружнаго храма разумѣль сей Вселенскій учитель, другой внутренній храмъ, живую Церковь Бога живаго, собраніе вѣрныхъ членовъ

единого тѣла, главою коего самъ Христосъ; а потому новый храмъ какъ бы олицетворяется предъ его глазами и надъ нимъ совершаются тайнодѣйствія, подобно какъ надъ человѣкомъ, облакающимъ во Христа чрезъ крещеніе и муропомазаніе: къ нимъ присоединяется еще нѣчто отъ таинства священства, ибо Церковь посвящается на вѣчное служеніе Господу.

Когда уже все заблаговременно приготовлено къ освященію, Архіерей облачившись, надѣваетъ со всѣми Пресвитерами, бѣлый хитонъ сверхъ одежды, для ея охраненія. Тогда входитъ въ алтарь и вслѣдъ за нимъ священнослужители вносятъ царскими дверями столъ, покрытый пеленою, на коемъ лежатъ крестъ, евангеліе, сосуды и все нужное для освященія; святое же муро стоитъ на другомъ подобномъ столѣ у горняго мѣста, а алтарь заключается отъ взоровъ непосвященныхъ, чѣмъ уже съ первой минуты указывается на его таинственное назначеніе.

Прежде всего Святитель, благословивъ своихъ сослужителей, окропляетъ святою

водою четыре столба, основаніе престола,
 и возливаетъ по ихъ угламъ крестообразно
 кипящую мастику, охлаждаемую устами Пре-
 свитеровъ; она служитъ для утвержденія
 верхней доски трапезной и знаменуетъ ту
 драгоценную мастику, какою помазалъ Ари-
 маѳей тѣло Господне, положенное во гробъ;
 ибо и здѣсь создается вмѣстѣ престолъ и
 гробъ агнцу. По краткой молитвѣ Господу,
 творцу и строителю спасенія нашего, о даро-
 ваніи неосужденно освятить новый храмъ,
 окропляетъ Архіерей съ обѣихъ сторонъ
 доску престольную, которая возлагается на
 столбы при пѣніи псалма: «вознесу тя Бо-
 же мой, Царю мой, и благословлю имя твое
 во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка» и другаго еще
 болѣе выразительнаго: «Господь пасетъ мя
 и ничтоже мя лишитъ; на мѣстѣ злачнѣ
 тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита
 мя; душу мою обрати, настави мя на сте-
 зи правды, имене ради своего; аще бо и
 пойду посреда сѣни смертныхъ, не убоюся
 зла, яко ты со мною еси; жезлъ твой и
 палица твоя, та мя утѣшиста; уготовалъ
 еси предо мною трапезу противъ стужаю-

щимъ мнѣ: умаститъ еси елеемъ главу мою, и чаша твоя упоявающи мя, яко державна, и милость твоя поженетъ мя вся дни живота моего, и еже вселитимися въ домъ Господень въ долготу днѣй.»

Тогда, съ благословеніемъ имени Божія, окропляетъ еще четыре гвоздя и, вложивъ ихъ въ углы трапезы, утверждаетъ камнями съ помощію священнослужителей.

Здѣсь бываетъ первый отдыхъ въ дѣлѣ созиданія храма, какъ бы для обозначенія перваго дня сотворенія міра, когда рече Богъ: «да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ, и видѣ Богъ свѣтъ яко добро, и бысть вечеръ и бысть утро, день единъ.» Въ то же время отверзаются впервые двери царскія, дотолъ заключенныя, дабы вѣрныя могли видѣть начало созиданія храма, а Святитель обратясь къ нимъ лицомъ, ибо они сами образуютъ уже освященную Церковь, на колѣняхъ произноситъ пространную молитву храмозданія, составленную частию изъ словъ Соломона, при совершеніи имъ храма Іерусалимскаго.

Онъ умиленно взываетъ къ Богу безначальному, живущему въ неприступномъ

свѣтъ, имѣющему престолъ небо, подно-
 жіемъ землю, который далъ начертаніе
 Моисею для скинии свидѣнія, Соломону
 же широту сердца для устроенія храма, а
 Св. Апостоламъ благодать новаго служенія,
 въ духъ и истинъ, и чрезъ нихъ распро-
 странилъ церкви свои по вселенной, для
 принесенія безкровной жертвы, ко славъ
 своей и едиnorodнаго Сына и Святаго Ду-
 ха, — молить да не возгнушается ны-
 нѣ грѣховъ нашихъ и не разрушитъ съ-
 нами своего завѣта, но низпошлетъ Духа
 своего Святаго къ освященію храма и ис-
 полнитъ его свѣта вѣчнаго; да избретъ
 себѣ въ жилище, какъ мѣсто селенія сво-
 ей славы, украсить божественными даро-
 ваніями и сдѣлаетъ пристанищемъ обу-
 ваемыхъ, врачевствомъ страстей, прибѣжи-
 щемъ немощныхъ и прогнаніемъ бѣсовъ.
 Онъ молить также, чтобы день и ночь
 были отверсты уши Господни къ моля-
 щимся въ храмъ семъ, со страхомъ и бла-
 тоговѣніемъ, исполняя горь просимое долу,
 и чтобы сей новозавѣтный жертвенникъ
 прославился паче ветхозавѣтнаго, а безкров-

ныя жертвы, возносясь отъ него къ мысленному пренебесному жертвеннику, приносили бы намъ благодать свыше, ибо держимъ не на нашихъ рукъ служеніе, но на неизреченную благодать Божію.

Послѣ обычной великой эктении діаконъ, опять обращается Архіерей къ предназначенному дѣлу таинственнаго строенія, и здѣсь уже онъ только освящаетъ созданное имъ прежде. Сперва благословляетъ въ тайной молитвѣ подносимую ему теплую воду, испрашивая на нее благословеніе Іорданово, и возливая на трапезу трижды, какъ при крещеніи, во имя Отца и Сына и Св. Духа, отираетъ вмѣстѣ со священнослужителями при пѣніи псалма:

«Коль возлюблена селенія твоя Господи силъ! желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни, сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозѣ живѣ; ибо птица обрѣте себѣ хramину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положити птенцы своя: олтари твоя Господи силъ. Царю мой и Боже мой. Блажени живущіи въ дому твоємъ, во вѣки вѣковъ восхвалятъ тя; — яко луч-

ше день единъ во дворѣхъ твоихъ паче тысящъ; изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ.»

За симъ первоначальнымъ омовеніемъ слѣдуетъ второе столь же знаменательное. Поелику на освящаемой трапезѣ должна возобновляться Голгооская жертва, а Голгоѳа омыта кровію и водою, истекшими изъ ребръ Спасителя, то вино соединенное съ розовою водою, крестообразно возливается на трапезу, сообщая ей чистоту и благоуханіе, святынѣ свойственныя.

Тѣмъ же смѣшеніемъ окропляется антиминсѣ, т. е. вмѣсто-престоліе, долженствующій лежать на трапезѣ, по древнему уставу церкви, когда во дни гоненій, на сихъ подвижныхъ антиминсахъ Архіереи благословляли служить литургію за недостаткомъ постоянныхъ престоловъ. Во время кропленія Святитель читаетъ 50-й псаломъ отъ сего стиха: «окропиши мя иссопомъ и очищуся, омыеши мя и паче снѣга убѣлюся,» и отерши губою трапезу, съ благословеніемъ имени Божія, приступаетъ

къ таинственному помазанію престола мѹромъ.

Сперва изображаетъ онъ три креста на поверхности трапезы, предозначая мѣста, гдѣ во время литургіи, будутъ стоять евангеліе, дискось и чаша: потомъ по три креста на каждой сторонѣ престола, чтобы онъ освященъ былъ отовсюду, и наконецъ три же креста на антиминсѣ, подобно какъ и на доскѣ престола. При семъ діаконъ, знаменуя важность совершаемаго дѣйствія, предъ каждымъ крестнымъ знаменіемъ возбуждаетъ вниманіе словомъ: «вонмемъ» а Святитель, изображая цѣль освященія и выражая восторгъ духовнаго помазанія, восклицаетъ: «аллилуія». Лики же поютъ: «се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ; яко мѹро на главѣ, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его, яко роса Аэрмонская, сходящая на горы Сіонскія: яко тамо заповѣда Господь благословеніе, и животъ до вѣка.»

Архіерей окропляетъ также бѣлую нижнюю одежду, надѣваемую на трапезу, какъ

на восходящаго отъ купели, и держитъ конецъ верви, которою престолъ обвязывается трижды, такъ что знаменіе креста является со всѣхъ четырехъ сторонъ, а дѣки опять поютъ трогательный псаломъ, воспоминающій чрезъ три тысячи лѣтъ кротость Давида и его пламенное желаніе устроить жилище Господу, что только суждено было его сыну:

«Помяни Господи Давида и всю кротость его, яко клялся Господеви, обѣщася Богу Іаковлю: аще вниду въ селеніе дому моего или взыду на одръ постели моея, аще дамъ сонъ очима моима и въждама моима дреманіе и покой скраніама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю. Се слышахомъ я во Евфраѣ, обрѣтохомъ я въ поляхъ дубравы; внидемъ въ селенія его, поклонимся на мѣсто, идѣже стоястъ нозъ его. Воскресни Господи въ покой твой, ты и кивотъ святыни твоея; священницы твои облечутся правдою, и преподобніи твои возрадуются.»

Тогда Священники приносятъ верхнее

одѣяніе престола, какъ бы ризу пресвитерскую, которую возлагаютъ, по окроплѣніи оной Святителемъ, ибо отнынѣ престолъ будетъ носить на себѣ священнодѣйствіе; они простираютъ на немъ антиминосъ и литонъ, т. е. платъ его облакающій, въ память могильнаго плата, которымъ обвито было мертвенное чело Спасителя, и обрѣтеніе коего въ упраздненномъ гробѣ засвидѣтельствовало Апостоламъ истину воскресенія. Они возлагаютъ также святое евангеліе и крестъ, покрывъ все сіе пеленою, и когда такимъ образомъ совершенно украшенъ престолъ, возглашается торжественный псаломъ:

«Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся, облечеся Господь въ силу и препоясася: ибо утверди вселенную, яже не подвижится; готовъ престолъ твой оттолъ, отъ вѣка ты еси. Воздвигоша рѣки гласы своя, вознесутъ рѣки волны своя отъ гласовъ водъ многихъ; дивны высоты морскія, дивенъ въ высокихъ Господь, свидѣнія твоя увѣришася зѣло; дому твоему

подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дній.»

По совершенномъ устроеніи престола, начальствующій велитъ старшему по немъ облечь одеждою жертвенникъ, съ окропленіемъ также святою водою, и поставитъ на него освященные сосуды, безъ всякихъ молитвъ, ибо это только мѣсто ихъ храненія и приготовленія жертвы, а не страшнаго ея совершенія подобно престолу. Тогда снимается съ Архіерея и сослужащихъ бѣлый хитонъ; онъ пріемлетъ кадило и кадитъ сперва престолъ и жертвенникъ и весь алтарь, при пѣніи псалма: «суди мя Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ и на Господа уповаю не изнемогу.» Потомъ исходитъ въ церковь, послѣдуемый двумя старшими Пресвитерами, изъ коихъ одинъ окропляетъ стѣны святою водою, а другой помазуетъ мѣромъ крестообразно четыре стѣны храма, начиная надъ горнимъ мѣстомъ въ олтарь, и далѣе надъ вратами западными, южными и сѣверными.

По возвращеніи духовнаго собора совершается второй отдыхъ отъ дѣла и во-

зобновляется молитва; Архіерей, снявъ митру и обратясь уже не къ народу, но къ освященному престолу, громогласно молитъ Господа неба и земли, основавшаго неизреченною премудростію Церковь святую, и уставившаго на землѣ чинъ священства, по подобію ангельскаго на небесахъ служенія, — пріять молитву недостойныхъ рабовъ, по превосходству своей благодати, знаменіемъ коей было посланіе Сына, воплотившагося для спасенія рода человѣческаго, и изліяніе Духа Святаго, коимъ Апостолы утвердили Церковь и предали ей таинства. На сіе уповая испрашиваетъ онъ новому храму и жертвеннику исполненіе славы Господней, а служащимъ неосужденное приношеніе безкровной жертвы за грѣхи людей.

Когда же всѣ вѣрные, по гласу діакона преклоняють главы, Святитель втайнѣ благодаритъ Господа за непрерывное изліяніе благодати, нисшедшее до него отъ Апостоловъ, и продолжая молитву, чтобы и на семъ жертвенникѣ таинственно прелагались тѣло и кровь Христовы, ко спасенію всѣхъ

людей, возсылаетъ громко славу имени Пресвятой Троицы.

Послѣ сего возжигаетъ первую свѣчу и поставляетъ ее на горнемъ мѣстѣ позади престола, какъ бы въ самой глубинѣ Востока, отколѣ долженъ изливаться духовный свѣтъ на всю просвѣщаемую церковь; онъ раздаетъ евангеліе, крестъ и иконы Пресвитерамъ въ алтарѣ, мірянамъ же свѣчи на амвонѣ, и взявъ посохъ слѣдуетъ самъ за торжественнымъ ходомъ, возгласивъ: «съ миромъ изыдемъ» а лики шествуя за хоругвями поютъ:

«Церковь твоя, Христе Боже, украсившаяся во всемъ мірѣ кровію мучениковъ твоихъ, какъ бы пурпуромъ и багряницею, устами ихъ вопіетъ къ тебѣ: ниспошли людямъ твоимъ щедроты, даруй миръ твоему жилищу и душамъ нашимъ велию милость.»

«Какъ начатки существъ создателю всѣхъ твореній, вселенная приноситъ тебѣ, Господи, богоносныхъ мучениковъ; многомилостивый, молитвами ихъ и Богородицы,

сохрани въ глубокомъ мирѣ Церковь, свое жилище.»

Но куда шествіе? зачѣмъ исходитъ духовный соборъ? и пусть остается обновленный храмъ какъ будто чуждый для обновившихъ? зачѣмъ о мученикахъ пѣснь? — За ихъ мощами идетъ соборъ; воздвигнуть жертвенникъ Богу, но не утвержденъ доколѣ не положены ему въ основаніе нетлѣнныя частицы святыхъ мощей, ибо на костяхъ мученическихъ утвердилась вселенская Церковь, въ три первые вѣка кровавыхъ гоненій, и надъ гробами ихъ созданы были первыя святилища Христіанъ. Ликующая Церковь не хочетъ забыть древнихъ бѣдствій и какъ воинъ украшается своими ранами: она внемлетъ откровенію Св. Іоанна Богослова, видѣвшаго въ духѣ, на небесахъ, предъ лицемъ Божіимъ алтарь, и подъ алтаремъ души избіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли, и хочетъ подражать на землѣ небесному видѣнію.

Въ ближайшемъ храмѣ приготовлены еще съ вечера святые мощи и дискось,

на коемъ они лежатъ покрытыя воздухомъ, поставленъ на престолъ въ ожиданіи прихода Архіерейскаго. — Онъ входитъ въ алтарь безъ посоха и митры и возглашаетъ на малую эктению діакона:

«Яко святъ еси Боже нашъ, иже на пострадавшихъ по тебѣ честныхъ мученицѣхъ почиваеши, и тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.»

Потомъ творитъ молитву къ Господу, вѣрному въ словахъ своихъ и неложному въ обѣщаніяхъ, который даровалъ святымъ своимъ мученикамъ подвигомъ добрымъ подвизаться, теченіе благочестія совершить и сохранить вѣру истиннаго исповѣданія, — чтобы Онъ и недостойнымъ рабамъ своимъ далъ участіе въ наслѣдіи съ ними и сдѣлалъ благими ихъ подражателями.

По другой тайной молитвѣ, воздавъ имъ честь ѳиміамомъ, онъ поднимаетъ дискось обѣими руками на главу свою, и поддерживаемый пресвитерами, въ сопровожденіи всего духовнаго собора, съ иконами и хоругвями, идетъ опять къ новому храму и

обходить его торжественно, а между тѣмъ одинъ изъ священниковъ окропляетъ святою водою наружныя стѣны и воспѣваются первые два гимна, которые слышны внутри алтаря при таинствѣ рукоположенія во священство.

«Святїи мученицы, иже добръ страдавше и вѣнчавшеся, молитесь ко Господу, спастися душамъ нашимъ.»

«Слава тебѣ, Христе Боже, Апостоловъ похвала и мучениковъ веселіе, ихъ же проповѣдь, Троица единосущная.»

Достигнувъ западныхъ вратъ, пѣвчіе входятъ въ храмъ и заключаютъ его; Святитель же со всѣмъ соборомъ остается внѣ, и елагаетъ съ главы своей дискось на приготовленный предъ вратами налой.

Здѣсь совершается одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ и трогательныхъ обрядовъ нашей Церкви. Подобно какъ, при торжественномъ вознесеніи Господа, Ангелы видя его въ образѣ человѣческомъ, въ ужасѣ недоумѣвали, кто есть сей Царь славы? когда отверзлись ему врата небесныя

— подобно сему и когда Архіерей, благословивъ имя Христа Бога, какъ бы отъ лица его, взываетъ къ заключеннымъ вратамъ: «возьмите врата князи ваша, и возьмитесь врата вѣчная и внидетъ Царь славы!» — изнутри заключеннаго храма ему тихо отвѣтствуютъ лики, какъ бы изъ глубины неба: — «кто есть сей Царь славы?» и снова Архіерей: «возьмите врата верхи ваша и возьмитесь врата вѣчная и внидетъ Царь славы!» и снова хоръ: «кто есть сей Царь славы?»

Тогда Святитель умоляетъ Бога Отца Господа Іисуса, чрезъ воплощеніе Сына своего, даровавшаго намъ входъ въ небесную ликующую Церковь, призрѣть и на обновленіе сего храма, создаемаго по образу насъ самихъ, то есть живой Церкви, членовъ тѣла Христова, и утвердить оный до конца вѣка, для приношенія въ немъ достойной хвалы пресвятой Троицѣ. Онъ молить, чтобы вмѣстѣ со входомъ священнослужителей былъ входъ и святыхъ Ангеловъ во врата храма, предъ коими знаменуется крестъ воздвигнутыми на дискосѣ

мощами, и громко восклицаетъ въ отвѣтъ вопрошающимъ ликамъ: «Господь силъ той есть Царь славы!»

Какъ эхо повторяютъ лики таинственные слова сіи внутри храма, и внезапно отверзаются врата Господу силъ и прямо въ алтарь шествуетъ Святитель, гдѣ поставивъ на престолъ дискось, кадитъ ѳиміамомъ и, помазавъ муромъ святыя частицы мощей, влагаетъ ихъ въ антиминсъ и въ малый ящикъ съ благовонною мастикою. Онъ велитъ поставить его на столбецъ, подъ срединою престола, въ незыблемое основаніе; самъ же обращается къ Богу, даровавшему и сію славу пострадавшимъ за него мученикамъ, чтобы съялись по всей землѣ мощи ихъ въ основаніе храмовъ, произращая плоды исцѣленій, — да молитвами ихъ и въ возмездіе за ихъ страданія, даруетъ намъ спасеніе.

Такъ нѣкогда Соломонъ, соорудивъ великолѣпный храмъ Богу Израилеву на высотахъ Іерусалимскихъ, съ Левитами и жрецами взошелъ на гору Сіонскую, во градъ отца своего, тамъ изъ древней пустынной

скинии подняли они кивотъ завѣта, устроенный Моисеемъ, и при пѣніи псалмовъ Давидовыхъ, заранѣе изобразившихъ сіе духовное торжество, съ принесеніемъ безчисленныхъ жертвъ, внесли неприступную святыню, залогъ завѣта Божія съ Израилемъ, во внутренность храма во святую святыхъ, подъ крылія Херувимовъ, и внезапно исполнился храмъ весь облакомъ славы Господней, нестерпимой самимъ Левитамъ, такъ что оставили свои жертвы, и воззвалъ Соломонъ предъ всѣмъ народомъ къ Богу отцевъ своихъ.

И въ новомъ храмѣ совершается третій молитвенный отдыхъ; Архіерей со всѣмъ народомъ преклоняетъ колѣна и молить Господа, творца свѣта, обновившаго насъ чрезъ Сына своего по благодати Св. Духа, и благоволившаго издревле обновлять свое твореніе, образами новаго завѣта въ скинии Синайской и въ храмѣ Соломоновомъ, воззрѣть милостиво на рабовъ своихъ, въ новомъ жилищѣ своей славы и обновить ихъ Духомъ Святымъ, даровать царю побѣды, священникамъ миръ и единомысліе, бла-

гочестивымъ же строителямъ храма спасе-
ніе и оставленіе грѣховъ и дары духовныя,
для поклоненія единому Богу и Господу
Исусу, молитвами Богородицы и всѣхъ
Святыхъ.

Тогда становится Святитель на амвонѣ
посреди церкви и при возглашеніи много-
лѣтія Государю, Синоду и Вселенскимъ
Патріархамъ, осѣняетъ на всѣ четыре стра-
ны животворящимъ крестомъ.

ПИСЬМО V.

Между многими обрядами и молитвами, которыми Церковь Христова усъяла жизненное поприще дѣтей своихъ, чтобы на каждомъ шагу встрѣчаясь съ ними, не со-
вратились съ истиннаго пути, — есть одно священное дѣйствіе, въ теченіе нѣсколь-
кихъ лѣтъ рѣдко совершаемое, но чрез-
вычайно важное, ибо имѣетъ необходимое участіе въ другихъ таинственныхъ дѣйстви-
яхъ церкви: — это освященіе мѣра, ру-
кою Архіерейскою, въ Успенскомъ Москов-
скомъ и Кіевскомъ Софійскомъ соборахъ.
Я полагаю необходимымъ говорить съ тобою о семъ предметѣ, ибо часто замѣчалъ, что по невѣдѣнію ты смѣшиваешь святое

мѹро, употребляемое при мѹропомазаніи, какъ печать дара Духа Святаго, съ освященнымъ елеемъ, которымъ помазываютъ болящаго при другомъ таинствѣ елеосвященія, и такимъ образомъ не распознаешь двухъ таинствъ; ты даже не отличаешь его отъ простаго елея, благословляемаго на праздничной всенощной, или выливаемаго изъ лампадъ, горящихъ предъ святыми иконами и мощами, чтобы творить крестное знаменіе на челъ вѣрныхъ, въ знакъ ихъ духовной радости и благословенія отъ того, кому празднуютъ.

Но совсѣмъ иное, возвышенное значеніе святаго мѹра. Пророкъ Моисей, по глаголу Божію, впервые излилъ оное на главу брата своего Аарона, возводя его въ санъ Первосвященника Израильскаго, и другой Пророкъ Самуилъ совершилъ то же дѣйствіе надъ Сауломъ и Давидомъ, помазуя ихъ на царство. Первосвященники и Цари, по закону, а Пророки Іуды и Израиля, по чрезвычайному повелѣнію Божію, принимали сіе таинственное помазаніе отъ руки другихъ Пророковъ или Перво-

священниковъ, въ знаменіе нисходящаго на нихъ Духа Божія, которымъ священнодѣйствуютъ Святители, царствуютъ Цари и пропекаютъ Пророки. Еврейское слово Мессія и Греческое Христосъ выражаютъ помазанника, и въ троякомъ смыслѣ оно дано было на землѣ Сыну Божію, въ образѣ сына человѣческаго: какъ Пророку небеснаго Отца своего, какъ Царю Израиля и вселенной отъ колѣна Давидова, и наконецъ какъ Первосвященнику Бога вышняго, заступившему мѣсто жрецовъ Іудейскихъ, который самъ себя принесъ въ жертву за грѣхи міра.

Поэтому и въ новомъ заветѣ, святое миро служитъ нетлѣнною печатію даровъ, сообщаемыхъ Духомъ Святымъ восходящему отъ купели, и самого имени Христіанина. Оно же знаменуетъ, при торжественномъ вѣнчаніи Царей нашихъ, въ томъ древнемъ храмѣ, въ которомъ и само пріемлетъ освященіе, умноженную благодать Божію, укрѣпляющую ихъ на трудный подвигъ царства. Оно наконецъ освящаетъ всѣ престолы или по крайней мѣрѣ антиминсы

храмовъ, на коихъ должна совершаться безкровная жертва Христова, чтобы не дрогнули и не разсълись подобно Голгофскому утесу, не вынесшему ея ужасовъ.

Сказавъ тебѣ таинственное значеніе святаго мѹра, я объясню и самый обрядъ его приготовленія и освященія въ великіе дни страстной седмицы въ первопрестольной столицѣ.

Съ недѣли крестопоклонной великаго поста уже начинается приготовленіе масла и вина, благовонныхъ травъ и ароматовъ, потребныхъ для варенія мѹра; въ первый же день страстной седмицы собирается духовенство въ Кремль, близъ Успенскаго собора, въ крестовую Патріаршую палату, гдѣ приготовлены серебрянные котлы и сосуды. Архіерей, благословляя начало обычныхъ молитвъ, освящаетъ воду и при пѣніи тропарей на сошествіе Св. Духа и усненіе Богоматери, кропитъ всѣ вещества, изъ коихъ должно образоваться мѹро; онъ вливаетъ воду сію въ самые котлы, а священники льютъ масло и вино, и подлагаютъ горящіе угли; Святитель же по краткой

молитвъ къ Господу Іисусу, о совершеніи начинаемаго дѣла, которое благословляетъ именемъ Пресвятой Троицы, отходитъ, оставивъ діаконовъ и священниковъ, при непрерывномъ чтеніи святаго Евангелія, продолжающихъ муровареніе въ теченіи трехъ дней; въ великую среду они влагаютъ уже ароматы въ изготовленное муро и разливаютъ его въ двѣнадцать большихъ сосудовъ, напоминающихъ число Апостольское.

Самое освященіе совершается во время литургіи великаго четверга и тогда отмѣняется обрядъ умовенія ногъ, но не оставляется таинство елеосвященія, которое, по примѣру Церкви Іерусалимской, и въ храмъ Успенскомъ соборно совершается предъ литургіею, на память жены помазавшей на смерть Іисуса; всѣ желающіе пріемлютъ отъ пресвитеровъ участіе въ таинствѣ, чрезъ помазаніе освященнымъ елеемъ.

Прежде чтенія часовъ, Архіерей со всемъ духовенствомъ идетъ изъ собора въ крестовую палату, за приготовленными сосудами мюра, и священники торжественно несутъ ихъ въ соборный алтарь, гдѣ ставятъ

вокругъ жертвенника, а лики поютъ во время шествія :

«Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, ниспославъ имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную : человеколюбче слава тебѣ.»

Тоже торжественное перенесеніе двѣнадцати сосудовъ, руками іерейскими, повторяется на великомъ выходѣ предъ святыми дарами, ибо подобно имъ муро должно освятиться на престолѣ. Впереди всего шествія идетъ старшій Архимандритъ и несетъ подъ остьненіемъ двухъ рипидъ, какъ бы подъ крылами Херувимовъ, драгоценный алавастръ или сосудъ исполненный мұра, напоминающій тотъ алавастръ съ драгоценнымъ мұромъ, какой излила на главу и ноги Іисусовы кающаяся Магдалина. Затѣмъ слѣдуютъ прочіе сосуды и поставляются по сторонамъ престола, а самый алавастръ пріемлетъ въ дверяхъ царскихъ Архіерей и ставитъ на трапезу ; когда же должно совершаться освященіе святыхъ даровъ, онъ открываетъ постепенно каждый сосудъ и благословляетъ трижды крестнымъ

знаменіємъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Потомъ произноситъ въ слухъ всей церкви молитву освященія надъ мѣромъ, взывая къ Господу милости и Отцу свѣтовъ, да дастъ и ему благодать тайнодѣйственнаго служенія, подобно Моисею и Самуилу и Апостоламъ, и ниспошлетъ Духа Святаго на мѣро сіе, сотворивъ оное помазаніемъ духовнымъ, хранилищемъ жизни, освященіемъ душъ и тѣлесъ и елеемъ радованія, изъ ветхаго завѣта возсіявшимъ въ новомъ. Онъ молить, чтобы чрезъ сію печать совершенства духовнаго, всѣ восходящіе отъ бани крещенія признаваемы были гражданами и домашними Божіими, отъ святыхъ Ангеловъ, и страшны были демонамъ. Да будутъ они, продолжаетъ Святитель, людьми избранными, царскимъ священствомъ, народомъ святымъ, запечатлѣннымъ таинствомъ и носящимъ въ сердцахъ свсихъ Христа, дабы сотворилась въ нихъ обитель всей Троицы.

Тогда обращается Архіерей къ церкви съ желаніемъ мира, и по зову діакона къ

вѣрнымъ, дабы преклонили главы свои, опять приступаетъ къ престолу и втайнѣ благодаритъ Господа даровавшаго ему благодать служенія; онъ проситъ о изліяніи и на него самого освященія, подобно мѹру, ибо мѹро изліянное есть самое имя Христа единороднаго Сына Божія, въ ко-емъ благоухается весь видимый и невидимый міръ. — По возглашеніи славы Пресвятой Троицѣ, еще трижды благословляетъ онъ крестнымъ знаменіемъ каждый изъ сосудовъ, которые относятся послѣ литургіи столь же торжественно въ хранилище, при пѣніи псалма 44: «отрыгну сердце мое слово благо» изображающаго таинственное помазаніе и славу Сына Божія.

Всѣ сіи молитвы и дѣйствіе освященія мѹра принадлежатъ собственно къ таинству мѹропомазанія, ибо какъ я и прежде уже изъяснилъ тебѣ, одни Архіереи имѣютъ высшую власть запечатлѣвать Христіанъ въ вѣръ, по примѣру Апостоловъ, и освящаютъ мѹро для всей Церкви, дабы въ послѣдствіи священники могли безъ замедленія сообщать при самомъ крещеніи

благодатныя дары Духа Святаго, чрезъ животворящее мѣропомазаніе. А святое мѣро проливаясь по всей Церкви, изъ одного благодатнаго источника, содержитъ ее въ неразрывномъ союзѣ мира, печатію имени Христова, въ залогъ общаго спасенія во единомъ Христѣ Іисусѣ.

ПИСЬМО VI.

Наконецъ, любезный другъ, прежде нежели заключить сей длинный рядъ писемъ духовныхъ, я хочу еще говорить тебѣ о послѣднемъ милосердномъ дѣйстви, которое надъ нами совершаетъ нѣжная мать наша Церковь, когда мы сами уже повержены, бездыханные, предъ лицомъ ея, и не въ силахъ болѣе радѣть о нищей душѣ своей. Это погребальное дѣйствіе, трогательное по самому существу своему, ибо вмѣстѣ съ пронзительною скорбію разлуки, напоминаетъ намъ о неизбѣжномъ отшествіи въ путь усопшаго, было еще украшено умилительными пѣснями Іоанна Дамаскина. Состраданіе изторгло ихъ изъ кра-

спорѣчивыхъ устъ святаго отшельника плачевной юдоли, въ утѣшеніе иноку плачущему о потери своего друга, и милость пѣвца, въ созвучіи съ милостію Церкви, произвели ту дивную гармонію мыслей и чувствъ и рыданій, которымъ отголосокъ слышится въ каждомъ сердцѣ, сокрушаетъ каждую душу, но и воскреляетъ къ небу смятенный духъ.

Но есть еще и на предѣлахъ бытія временнаго и вѣчнаго, на послѣдней жизненной ступени, одно укрѣпляющее моленіе на исходъ души, поручаемой пречистой Дѣвѣ, которой помощь призывается въ стихахъ отраднаго канона:

«Подобно дождевымъ каплямъ, злые и малые дни мои, оскудѣвая по немногу теченіемъ лѣтъ, уже исчезаютъ, — Владычица спаси меня.»

«Нынѣ великій страхъ содержитъ мою душу, и болѣзненъ мнѣ неисповѣдимый трепетъ отходящей души моей, — Пречистая утѣшь ее.»

«Се время помощи, се время твоего заступленія, се Владычица время, о _к_оемъ

день и ночь я припадалъ къ тебѣ въ теплыхъ молитвахъ.»

«Прійдите и вы, святые мои Ангелы, предстаньте судилишу Христову, и мысленно преклонивъ свои колѣна, плачевно къ нему воззовите: Создатель всѣхъ, помилуй и не отринь дѣла рукъ твоихъ.»

«Уста мои молчатъ, и языкъ не глаголетъ, но сердце вѣщаетъ, ибо огонь сокрушенія снѣдая его разгорается и, неизреченнымъ гласомъ, тебя призываетъ о Дѣва!»

Отъ самой минуты разлученія души и тѣла, до тѣхъ поръ, пока не предадутъ землѣ мертвенные останки, совершаются панихиды и читается непрестанно днемъ и ночью псалтырь надъ умершимъ, а по уставу еще долѣе, до сорока дней, чтобы молитвами облегчить душѣ страшный переходъ ея въ невѣдомый міръ и избавить отъ мытарствъ или испытаній, которымъ подвергается она въ первые дни своего отшествія, по преданіямъ церковнымъ. Какъ третій день избранъ для погребенія, ибо мертвенность уже слишкомъ ясно начинаетъ проявляться въ тѣлѣ, такъ девятый и двад-

цатый и сороковый, поминовѣніями соотвѣтствуютъ постепенному его разложенію, по законамъ естественнымъ, бывающему въ сіи промежутки времени. Число же сорока дней искони уважается Церковію, какъ то время, которое Господь благоволилъ провести на землѣ по своемъ воскресеніи, въ тѣлѣ прославленномъ, ожидающемъ насъ въ день общаго воскресенія.

Съ духовною же цѣлію, при божественной литургіи, вынимаются изъ просфоръ части за упокой отшедшей души, и кладутся на дискось къ агнцу, чтобы на небесахъ всегда предстояла она агнцу Божію; послѣ же пріобщенія священнослужители части сіи погружаютъ въ божественную кровь Христову, чтобы ею омылись грѣхи поминавшихся. Потомъ уже начинается надгробное пѣніе и псалтырь Давида его открываетъ, — псалтырь, сіе чудное изліяніе радости и плача, торжествъ и сокрушеній, многострунное орудіе молитвы, настроенное Царемъ пророкомъ на всѣ разнообразныя тоны человеческого сердца, такъ что всѣ смертныя

слабыя руки могутъ смѣло бряцать въ него, а сердце высказывать себя Богу. Краткія молитвы за упокой прерываютъ тихое чтеніе псалмовъ, которыхъ одни начальные и окончательные стихи возглашаются иногда пѣснію, какъ восклицанія плача, прорывающіяся временно изъ разбитаго сердца, какъ тяжкіе вздохи внезапно и только на минуту облегчающіе стѣсненную грудь.

«Блажени непорочніи въ путь ходящіи въ законъ Господни, аллилуія.»

«Призри на мя и помилуй мя, по суду любящихъ имя твое аллилуія.»

«Благословенъ еси Господи научи мя оправданіемъ твоимъ.»

Здѣсь, при частомъ повтореніи сего стиха, поются другіе норозавѣтные стихи, изображающіе таинственную судьбу человѣка:

«Святыхъ ликъ обрѣлъ источникъ жизни и дверь райскую, да обрѣту и я путь покаяніемъ; я погибшая овца, но воззови и спаси меня Спаситель.»

«Агнца Божія проповѣдавшіе и сами закланные какъ агнцы, и преставившіеся къ вѣчной нестарѣющей жизни, святые муче-

ники, молитѣ Господа даровать намъ разрѣшеніе грѣховъ.»

«Вы всѣ, прискорбно вшедшіе въ тѣсный путь и взявшіе на себя въ жизни иго креста и мнѣ послѣдовавшіе вѣрою, придите насладитесь почестями, которыя я вамъ приготовилъ, и вѣнцами небесными.»

Такъ говоритъ Спаситель своимъ вѣрнымъ и они отвѣтствуютъ:

«Я образъ твоей неизреченной славы, хотя и ношу язвы прегрѣшеній; ущебри твое созданіе, Владыко, и очисти твоимъ благоутробіемъ и возврати мнѣ желанное отечество, дѣлая меня опять жителемъ рая.»

«Древле ты создалъ меня изъ небытія и почтилъ своимъ божественнымъ образомъ; за преступленіе же заповѣди опять возвратилъ въ землю, отколѣ я взятъ былъ, но возведи меня въ свое подобіе, въ новый образъ древней красоты.»

Начинается канонъ погребальный, пресѣкаемый также молитвами за упокой усопшаго, и послѣ первой молитвы воспоминается вся суeta временнаго:

«Поистинѣ все суeta, а жизнь лишь

тѣнь и сонъ, и тщетно труждаетъ себя земнородный; ибо по словамъ писанія, когда міръ весь пріобрѣщемъ, и тогда во гробъ вселимся, гдѣ вмѣстѣ нищіе и цари.»

Когда же шестая пѣснь канона изобразитъ намъ бурю жизни: «житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу притекши, вопію тебѣ, возведи отъ тлѣнія жизнь мою, многостивный» тогда и соборъ духовный, стоящій со свѣчами вокругъ гроба, знаменуя свѣтъ Христовъ, который нынѣ зреть предъ собою усопшій, отъ лица всей церкви возглашаетъ ему желаніе сей мирной пристани:

«Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идѣже нѣсть болѣзнь ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.»

По окончаніи канона, одинъ ликъ перекликаетъ другому грустные антифоны, основанные на горькомъ опытѣ жизни:

«Какая житейская сладость пребываетъ непричастна печали? какая слава стоитъ на землѣ постоянно? Не все ли слабѣе тѣни? не все ли обманчивѣе сна? одно мгнове-

ніе, — и всему наслѣдуетъ смерть! но во свѣтъ лица твоего, о Христе, и въ наслажденіи твоей красоты, упокой избраннаго тобою человѣколюбецъ!»

Плачу и рыдаю, когда помышляю о смерти и вижу, по образу Божію, созданную нашу красоту, безобразною, безславною, не имѣющею вида. О чудо! какое таинство сбылось надъ нами? какъ предались мы тлѣнію? какъ сопряглись со смертію: — по истинѣ волею Бога, подающаго покой преставившемуся!»

И посреди сего плача земли, безутѣшной, какъ древле Рахиль о своихъ избіенныхъ чадахъ, яко не суть, — предлагаются во услышаніе вѣрныхъ два отрадныхъ увѣренія будущей жизни, въ словахъ Апостола и Евангелія, ибо одно только небесное откровеніе, о возстаніи мертвыхъ, можетъ примирить духовную природу человѣка съ картиною подлежащей временной смерти ея тѣла.

«Братіе, говоритъ Апостоль Павелъ (Сол. IV, 13 — 17) не хочу оставить васъ въ невѣдѣніи о умершихъ, дабы и вы не скор-

бѣли, какъ прочіе неимѣющіе надежды. Ибо если мы вѣруемъ, что Христосъ умеръ и воскресъ, то также и умершихъ въ Иисусъ Богъ приведетъ съ нимъ: ибо сіе сказываемъ вамъ словомъ Господнимъ, что мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ; потому что самъ Господь, по предвозвѣщеніи гласомъ Архангела и трубою Божіею, снидетъ съ неба и мертвые во Христъ воскреснутъ прежде: потомъ и мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ по воздуху, на встрѣчу Господу, и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будемъ.»

Господь же Иисусъ Христосъ, устами Евангелиста Іоанна, (5, 24. 35.) обѣщаетъ намъ еще большую радость: «Истинно, истинно, говорю вамъ, слушающій слово мое и вѣрующій пославшему меня имѣетъ жизнь вѣчную и суду не подлежитъ, а перешелъ уже отъ смерти въ жизнь. Истинно, истинно, говорю вамъ, наступаетъ время и настало уже, что мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавъ оживутъ.»

Во время погребенія Священниковъ, какъ ближайшихъ служителей Христовыхъ, пять Апостольскихъ и пять Евангельскихъ чтеній предлагаются вѣрнымъ, лишившимся своего пастыря, какъ бы въ утѣшеніе отъ лица пяти вселенскихъ Церквей, о нихъ пекущихся и съ ними участвующихъ въ погребеніи.

Тогда приближается въ послѣдній разъ духовникъ къ своему бывшему сыну, и по прочтеніи разрѣшительной грамоты, въ коей, по власти, дарованной отъ Господа ученикамъ своимъ, отпускаются умершему всѣ грѣхи его, онъ влагаетъ свитокъ въ его остывшія руки, какъ послѣдній залогъ Христіанской любви. Ближніе же всѣ, по примѣру отца духовнаго и прочихъ священнослужителей, призываются къ горькому прощанію съ ихъ единокровнымъ, готовымъ предаться землѣ, и невыразимо плачевны прощальные стихи, воспѣваемые во время сего послѣдняго долга, даже и вчуждѣ раздирающаго душу.

»Пріидите братіе, и благодаря Бога,

дадимъ усопшему послѣднее цѣлованіе; онъ оскудѣлъ отъ родства своего и течетъ ко гробу, не заботясь болѣе о суетномъ и о многострастной плоти. Гдѣ нынѣ сродники и друзья? вотъ уже разлучаемся! помолимся же да упокоить его Господь.»

«Какая разлука, братіе, какой плачь, какое рыданіе въ настоящій часъ! прійдите, цѣлуйте недавно бывшаго съ нами. Онъ предается гробу, покрывается камнемъ, вселяется во мракъ, погребается съ мертвыми: помолимся же да упокоить его Господь.»

»Нынѣ разрушается все лукавое житейское торжество суеты! душа исторглась изъ своей скиніи, помрачилось брѣніе, разбился сосудъ, безгласенъ, безчувственъ, мертвъ и недвижимъ. Ввѣряя его гробу помолимся, да дастъ ему Господь упокоеніе во вѣки.»

«Великій плачь и рыданіе, великое стенаніе и болѣзнь при разлученіи души! — тогда вся привременная жизнь для нее адъ и гибель, тѣнь непостоянная, сѣнь заблужденія! безвременно мечтателенъ трудъ

житія земнаго. О убожимъ далеко отъ грѣха мірскаго, да наслѣдуемъ небесныя блага.»

«Видя подлежащаго мертваго, всѣ да помыслимъ о послѣднемъ часѣ; какъ паръ отъ земли отходитъ человѣкъ, и какъ цвѣтокъ увялъ онъ, какъ трава поблѣкъ; пеленается саваномъ, покрывается землею; невидимымъ его оставляя, помолимся ко Христу, да дастъ ему во вѣки упокоеніе.»

«Когда страшные Ангелы сидюю хотятъ исторгнуть душу изъ тѣла, — забываетъ она всѣхъ сродниковъ и знаемыхъ, и помышляетъ только о предстаніи будущему судилищу и о разрѣшеніи отъ суеты многотрудной плоти. И мы, къ Судіѣ прибѣгая, помолимся всѣ, да проститъ Господь содѣянное человѣкомъ.»

«Видя меня лежащаго, безгласнымъ и бездыханнымъ, восплачьте обо мнѣ всѣ братіе и сродники и знаемые. Вчерашній день бесѣдовалъ я съ вами, и внезапно настигъ меня страшный часъ смерти, но приидите всѣ любящіе меня и цѣлуйте послѣднимъ цѣлованіемъ. Я уже болѣе не

поживу съ вами или о чемъ либо не собесѣдую; къ Судіѣ отхожу, гдѣ нѣтъ лицепріятія: тамъ рабъ и владыка вмѣстѣ предстоятъ, царь и воинъ, убогій и богатый, въ равномъ достоинствѣ; каждый отъ своихъ дѣлъ прославится или постыдится. Но прошу и умоляю всѣхъ, непрестанно о мнѣ молитесь ко Христу Богу, да не буду низведенъ по грѣхамъ моимъ въ мѣсто мученій, но да вселюся въ жизненный свѣтъ.»

Наконецъ, когда сынъ Адама уже опущенъ въ землю, отколѣ взятъ былъ его праотецъ, — Священникъ посыпаетъ его пепломъ отъ ѳиміама кадилаго, подобно коему онъ угасъ, съ сими словами: «земля еси и въ землю внидеши» и возглашаетъ ему отъ лица всѣхъ, готовыхъ скоро за нимъ послѣдовать: «вѣчная память!»

ПИСЬМО VII.

И такъ мой трудъ окончился! — Съ помощію Божіею я начерталъ тебѣ, любезный другъ, по мѣрѣ моей неопытности, хотя и вкратцѣ, почти весь кругъ богослуженія церковнаго. Сперва старался я объяснить, изъ чего собственно состоитъ молитвенный день Христіанина, и говорилъ о службѣ утренней и вечерней, о часахъ и литургіи трехъ великихъ Святителей; потомъ я перешелъ ко времени года, исключительно посвященному Церковію для покаянія, по великимъ воспоминаніямъ Пасхи Христовой; далѣе желалъ я обратить твое вниманіе къ благодѣтельному вліянію святыхъ седми таинствъ на все теченіе нашей жизни, которую направляютъ они по заповѣдямъ Христовымъ,

содержа насъ въ непрерывномъ съ нимъ союзѣ; наконецъ довершилъ картину Христіанскаго лѣта; описаніемъ двѣнадцати главныхъ праздниковъ и четырехъ разновременныхъ постовъ, и все сіе заключилъ погребальными молитвами, которыя также запечатлѣваютъ жизнь cadaго Христіанина. — И такъ мой трудъ окончился!

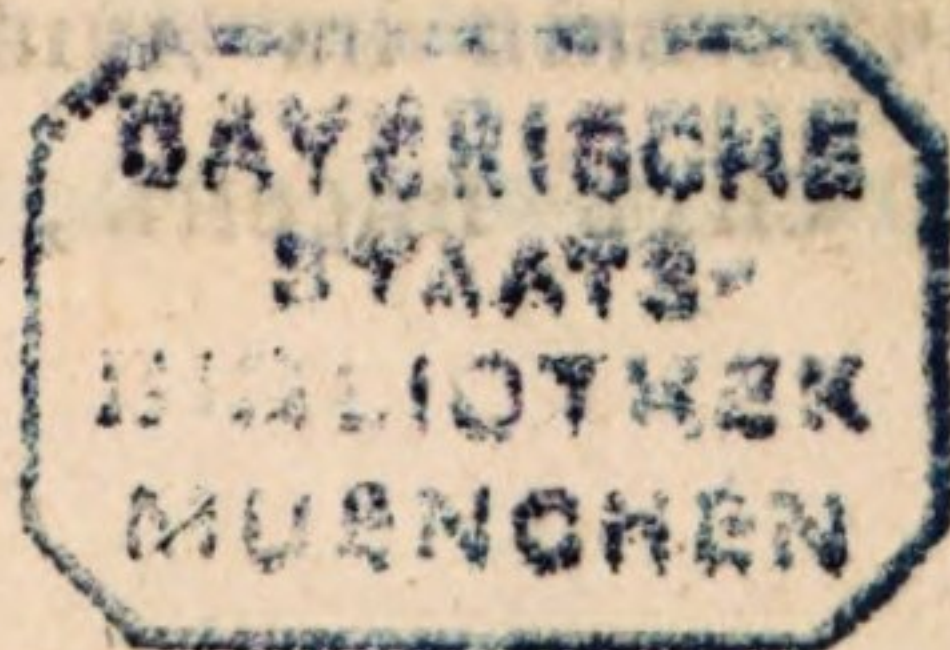
Удовлѣторилъ ли онъ твоимъ ожиданіямъ? — не знаю; но кажется я исполнилъ долгъ дружбы, ибо не могъ оставаться равнодушнымъ къ твоей душевной пользѣ; еще однажды повторяю, прими слова мои съ тою же любовію, какая ихъ внушила моему сердцу, и я буду доволенъ.

Но письма сіи, въ началѣ писанныя единственно для тебя, чтобы въ твоей памяти могли сохраниться предметы дружескихъ бесѣдъ нашихъ о святой Церкви, теперь уже сдѣлались гласными, и не всѣ будутъ одинаково къ нимъ снисходительны. Можетъ быть нѣкоторые пожелали бы болѣе подробностей въ изложеніи постепеннаго хода богослуженія, съ объясненіемъ каждой молитвы, cadaго обряда; другимъ

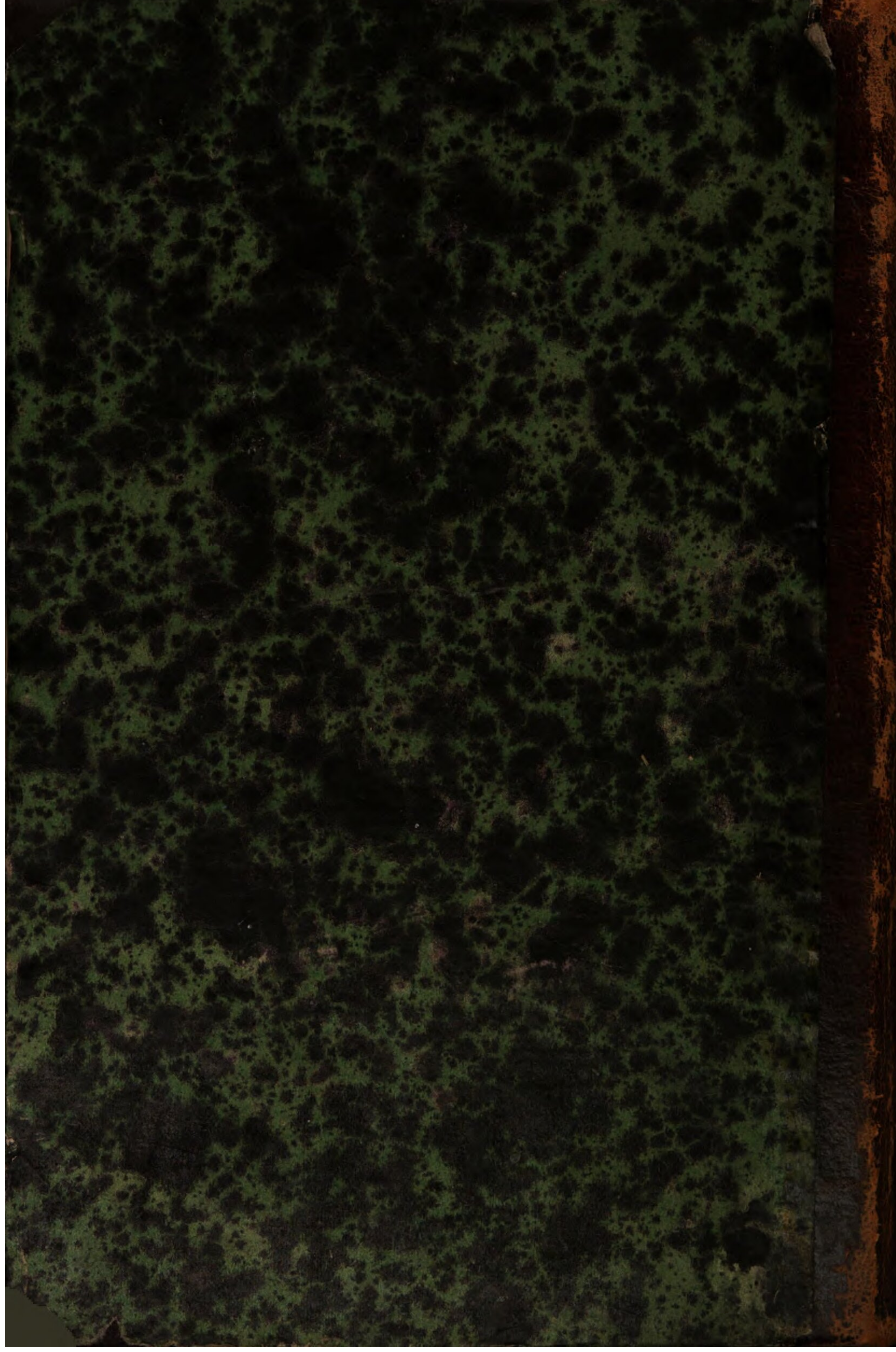
же хотѣлось бы дойти исторически до ихъ начала, и слѣдовать за всѣми ихъ измѣненіями въ теченіи столькихъ вѣковъ. Но другъ мой, ты знаешь совсѣмъ иная цѣль меня руководила. Съ одной стороны, опасаясь утомить твое вниманіе излишними подробностями, я также не предполагалъ, чтобы доводы историческіе могли возбудить тебя къ молитвѣ и вызвать изъ разсѣянности, которой ты невольно предавался въ храмѣ, по невѣденію божественной службы. Напротивъ того я былъ твердо увѣренъ, что для сего достаточно было раскрыть предъ тобою таинственный смыслъ молитвъ и обрядовъ, а иногда только и передать молитву на языкъ болѣе тебѣ доступномъ; ибо всѣ священныя дѣйствія нашей православной Церкви, сами по себѣ, столь возвышенны и глубоки, молитвы ея истекли, съ такимъ обиліемъ благодати, изъ сердечныхъ сокровищъ Св. Отцевъ, что никакая витійственная проповѣдь не можетъ съ ними сравниться и произвести столь спасительнаго впечатлѣнія на душу.

Въ заключеніе сихъ писемъ, могу ли

однако же, любезный другъ, довольно просить тебя, чтобы обратилъ на нихъ все твоё вниманіе. Не чувство мѣлкаго самолюбія внушаетъ мнѣ сію просьбу, ибо въ описаніи богослуженія нашего нѣтъ почти ничего собственно мсего, а все только вкратцѣ извлечено мною изъ прежнихъ источниковъ; но я пламенно желаю, чтобы ты хотя изъ слабыхъ сихъ очерковъ, начерталъ себѣ мысленно великій образъ Церкви, которая какъ нѣкое развѣсистое древо, насажденное на стеченіи путей человѣческихъ, призываетъ всѣхъ утомленныхъ странниковъ подѣ освѣжающую тѣнь свою. Да обрѣтемъ и мы, въ сѣни ея, отрадное себѣ пристанище и, съ чувствомъ живѣйшаго благодаренія, вознесемъ молитвенный голосъ къ Господу Іисусу, чтобы нѣкогда онъ принялъ насъ, изъ подѣ щита сей воинствующей на землѣ Церкви, въ лоно торжествующей на небесахъ.

Государств. Центральная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГОБЕЖЕНА.
ПАЛАТА.

Muravlev, Andrej N.,

Pis'ma o bogoslužanii vostočnoj kafoličeskoj cerkvi

St. Petersburg 1839

Liturg. 1441 i

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10593325-4